

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

16+

11 2024
ЧАСТЬ II

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 11 (510) / 2024

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кулуг-Бек Бекмуратович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен Пол Эдвард Стемец (1955), американский миколог и предприниматель, продающий различные грибные продукты. Он пропагандирует использование лекарственных грибов в медицине и микоремедиацию.

Стемец родился в Салеме, штат Огайо. Вырос в Колумбии. Он окончил колледж вечнозелёного штата в Олимпии, штат Вашингтон, со степенью бакалавра в 1979 году.

Пол Стемец утверждает, что интерес к микологии ему привил брат Джон. Сам он изучать микологию начал, будучи студентом. Не имея академической подготовки выше степени бакалавра, он начал свою карьеру в лесу в качестве лесоруба и в основном занимался самообразованием в области микологии. Стемец внёс огромный вклад в её развитие и достиг признания в научном мире. Он является автором более двух десятков книг о грибах, а также сотен научных статей. При этом Пол еще и активный защитник грибов. Он считает, что грибы могут играть важную роль в решении многих проблем, с которыми сталкивается человечество. Например, грибы могут помочь очистить загрязненную почву и воду, а также их можно использовать для производства лекарств и других полезных продуктов.

Пол Стемец описал более 100 новых видов грибов; разработал методы выращивания грибов в лабораторных условиях; доказал, что грибы могут играть важную роль в медицине.

Он основал компанию Fungi Perfecti, которая является одним из крупнейших производителей грибных продуктов в мире.

Пол Стемец посвятил свою жизнь изучению этих удивительных организмов и их пользы для человека.

Один из его детей от первого брака назван в честь галлюциногенного гриба.

За свою деятельность Пол Стемец получил награду Invention Ambassador (2014–2015) от Американской ассоциации содействия развитию науки (AAAS).

В 2017 году в эфире «Си-Би-Эс» вышел научно-фантастический телевизионный сериал «Звёздный путь: Дискавери», в котором один из персонажей носит имя Стемец. Также Стемец является героем документального фильма «Фантастические грибы» 2019 года.

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Агафонов К. Д.

Тактика проведения осмотра места происшествия при расследовании убийств, совершенных путем отравления67

Анисимкова А. И.

К вопросу о содержании презумпции невиновности в американской правовой доктрине.....68

Безпятая Е. Э.

Правовое регулирование порядка поступления на государственную гражданскую службу в налоговые органы Российской Федерации70

Бумагина А. О.

Особенности участия специалистов при расследовании преступлений, связанных с незаконной добычей водных биологических ресурсов72

Василенко М. О.

Понятие коррупции в российском и международном уголовном праве74

Гарифуллин Р. Р.

Особенности правового регулирования дорожного движения в Древнем Риме78

Гарифуллин Р. Р.

Перспективы и новый вектор развития административного регулирования в области организации безопасности дорожного движения.....80

Данилова О. В.

Федерализм в современном праве82

Жигалина Е. С., Жидов А. А.

Проблемные аспекты суррогатного материнства84

Исаков О. О.

Развитие института отказа в возбуждении уголовного дела в отечественном законодательстве.....86

Кононенко Т. Е.

Анализ проблем частичной мобилизации и их решение посредством применения электронной сферы предоставления государственных услуг.....90

Коряковцева В. А.

Проблемы исполнения различных видов договоров энергоснабжения, действующих на оптовом рынке электрической энергии, на примере договора о предоставлении мощности.....92

Косолапов Е. А.

Еще раз к вопросу об особенностях зарубежного опыта борьбы с коррупцией (на примере Азербайджанской Республики)94

Лебедев В. Е.

Особенности государственного управления в области труда и социальной защиты граждан.....96

Лукьянов Д. В.

Актуальные вопросы правового регулирования назначения судебной экспертизы по налоговым спорам99

Лягошина Н. В.

Наследственный договор: плюсы и минусы.... 104

Маслов В. Д.

К вопросу о сущности принципов уголовного права 107

Маслов В. Д.

Значение принципов уголовного права в правоприменительной деятельности 110

Мусина А. М., Захарова В. А.

Основы государственной культурной политики в РФ 112

Мусина А. М., Захарова В. А.

Особенности государственного управления в сфере культуры 114

Неживкова С. Б.

Актуальные вызовы и проблемы несостоятельности юридических лиц..... 116

Никишин В. В. Реализация принципа приоритета сохранения особо ценных земель и земель особо охраняемых территорий на примере судебной практики ... 118	Погребняк Н. И. Особенности апелляционного и кассационного обжалования в гражданском судопроизводстве 126
Панкова А. Р. Право на занятие педагогической деятельностью 120	Полещук В. В. Организация состязательной процедуры судебного разбирательства в российской и английской правовой системе 128
Петров В. Н. Правовые основы административной защиты прав предпринимателей 122	Редькина Е. А. Информация как объект правового регулирувания 130

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Тактика проведения осмотра места происшествия при расследовании убийств, совершенных путем отравления

Агафонов Константин Дмитриевич, студент
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В России в последнее десятилетие XX века и в начале XXI века наблюдался значительный рост убийств, что является наиболее опасным преступлением против личности. Хотя этот рост был приостановлен, количество убийств все еще не сокращается, что негативно сказывается на социальной защищенности граждан и подрывает авторитет государства. Криминалистика изучает основные вопросы, связанные с расследованием убийств, и хотя имеются научные исследования в этой области, они не охватывают все аспекты расследования и вызывают дискуссии по некоторым вопросам.

Как правило, убийство с помощью отравления часто совершается в бытовые условия либо иных условиях в которых у потерпевшего не возникает чувства опасения за свою жизнь, например, когда жертва знакома с убийцей и находится в общественном месте, либо дома. Они могут происходить как на почве личной неприязни, ревности, мести, так и из-за корыстных побуждений. Как правило, яд вводится в пищу или воду, которую принимает потерпевший, количество введенного яда может быть разным. Для отвода подозрений на отравление как со стороны жертвы, так и его близких людей, в пищу постепенно вводится небольшое количество яда, что вызывает ухудшение общего состояния здоровья, а также различные жалобы потерпевшего на боли в организме. В конечном итоге в пищу вводится большое количество яда, либо организм не справляется с очередной маленькой дозой ядовитого вещества, что вызывает резкое отравление, приводящее к смерти.

Вопрос о тактических особенностях производства любого следственного действия является важнейшим не только для расследования какого-то конкретного преступного деяния, но и всей правовой системы государства. Ведь цели, заложенные законодателем, в определенные правовые нормы реализуются непосредственно в правоприменительных процессах. Ими являются поиск, обнаружение, изъятие следов, которыми могут

быть документы, записи, упаковки, сигареты, бутылки, окурки и другие. Так, осмотр места происшествия является ключевым следственным действием для построения и результата расследования убийств.

По мнению ученых, качество проведения соответствующих следственных действий определяет общую перспективу расследования убийств, совершенных путем отравления.

Первоочередным необходимо проводить осмотр места происшествия и тела жертвы для установления общей картины произошедшего. При проведении осмотра места происшествия следователю необходимо обеспечить сохранность предметов на месте происшествия, так как отравляющие вещества могут легко затеряться. Во время осмотра места происшествия, необходимо тщательно изучить продукты питания которые употребляла жертва, осмотреть содержание мусорного ведра на предмет подозрительных упаковок, ампул и прочего в чем мог бы содержаться яд. Также необходимо изъять лекарственные средства, которыми пользовался потерпевший, остатки еды для назначения экспертиз с постановкой конкретных вопросов.

В ходе осмотра могут быть обнаружены такие признаки, как время совершения преступления, количество лиц, совершивших противоправное деяние, а также их особенные признаки. Во время проведения следственного действия, возможно, установить предшествующие преступлению некоторые события такие как, например, ссора, конфликт, об этом будут свидетельствовать разбросанные вещи, поврежденная мебель и тд. Для введения следователя в заблуждение преступником могут быть оставлены рядом с жертвой предметы, с помощью которых жертва могла совершить самоубийство. В данной ситуации следователю необходимо проверить версию самоубийства, либо инсценировки убийства под самоубийство или несчастный случай. Нередко в ходе проведения осмотра можно установить возможные мотивы преступления.

Во время осмотра места происшествия, следователь параллельно должен дать поручение оперативным сотрудникам провести поквартирный обход соседей с целью опроса. Оперативному сотруднику необходимо выяснить состояние здоровья потерпевшего, например, некоторые яды при минимальной дозировке вызывают ухудшение здоровья постепенно, для отвода подозрений на отравителя, также необходимо выяснить отношения жертвы внутри семьи, были ли задолженности перед кредиторами, видели ли подозрительных лиц рядом с квартирой потерпевшего и т.д.

При обнаружении вещей, имеющих значение для расследования преступления, следователь их предварительно осматривает и изымает. Использование технических средств при проведении процессуальных мероприятий, а именно — фото и — видеосъемку настоятельно рекомендуется не только в доктрине, но и в правоприменительной практике. Это «позволяет производить расследование на высоком профессиональном уровне, дисциплинируя следователей и иных участников мероприятия» [1].

В ходе проведения осмотра места происшествия может возникнуть версия о самоубийстве лица, чей труп был обнаружен. При ее проверке необходимо обращать внимание на признаки,

характерные для инсценировки самоубийства. При данных обстоятельствах осмотр трупа и места обнаружения является основополагающим следственным действием, так как признаки яда или других вредных веществ могут быть обнаружены на различных поверхностях. В таких случаях необходимо прибегнуть к помощи медицинского специалиста и химика которые играют ключевую роль, помогая следователю определить обстоятельства дела. В случае выявления следов яда или токсичных веществ, специалист по химии и токсикологии может правильно изъять образцы для дальнейшего анализа.

С места происшествия изымаются вещество, предположительно являющееся ядом; пустые емкости, в которых оно предположительно могло находиться (стаканы, флаконы, шприцы, рюмки и т.п.), остатки пищи, рвотные массы, моча, кал; полотенца, носовые платки, тряпки со рвотными массами, слюной, для дальнейшего назначения судебно-химической, физико-химической либо фармакологической экспертизы.

Таким образом, важность проведения осмотра места преступления и трупа для расследования убийств, совершенных путем отравления, имеет ключевое значение для проведения дальнейших следственных действий и расследования преступления.

Литература:

1. Григорович В.Л. Система криминалистических средств и методов противодействия преступности // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2017. № 14. С. 8.

К вопросу о содержании презумпции невиновности в американской правовой доктрине

Анисимкова Алина Игоревна, студент магистратуры
Смоленский государственный университет

В статье анализируются особенности нормативной правовой регламентации расследования преступлений и судебного разбирательства по уголовным делам в Соединенных Штатах Америки в контексте раскрытия специфики закрепления и реализации принципа презумпции невиновности. На основе подходов, представленных в американской правовой доктрине, раскрываются сущность и особенности презумпции невиновности. Анализ законодательства отдельных штатов позволяет обосновать вывод относительно сходства нормативной правовой регламентации исследуемого принципа в нормах права федерального уровня и уровня штатов как отдельных субъектов законоотворчества. Определяются специфические для США особенности реализации презумпции невиновности в части роли судьи, ведущего процесс, относительно разъяснения сущности презумпции невиновности, а также распределения бремени доказывания в случаях, если презюмированный факт подвергнут разумным сомнениям или опровергнут.

Ключевые слова: уголовный процесс, принцип, презумпция невиновности, бремя доказывания, презюмированный факт, суд присяжных, США.

Современные государства, несмотря на общность и достаточную типичность процессов расследования преступлений и судебного разбирательства по уголовным делам, обладают специфическими системами отправления правосудия. Имеются особенности и в вопросах урегулирования презумпций в уголовном процессе, в особенности — презумпции

невиновности. Указанное обуславливает обращение к анализу зарубежного опыта, который планируется осуществить на основе законодательства и правовой доктрины США, где соблюдение презумпции невиновности рассматривается неоднородно и не унифицировано в разных штатах. Такая разность обусловлена формой государственного устройства: США яв-

ляется федеративным государством, в котором существует два уровня нормативных актов — федеральное законодательство и законодательство штатов.

В правовой доктрине США уголовный процесс рассматривается как деятельность, направленная на досудебное преследование лиц, совершивших преступления, осуществление судебного разбирательства по уголовным делам, а также назначение наказания [7, с. 55]. Характерной особенностью уголовного процесса является применение как норм федерального законодательства, так и нормативных правовых предписаний отдельного штата, на территории которого действует этот суд. Из указанного следует отсутствие единого уголовно-процессуального закона, регулирующего вопросы осуществления уголовного судопроизводства в США.

В юридическом словаре Блэка (Black's Law Dictionary) презумпция определяется как правило, установленное законом или судом, в соответствии с которым наличие основного факта дает начало существованию презюмированного факта, пока презумпция не будет опровергнута [6, с. 741]. То есть, презумпция рассматривается как искусственное правило, созданное либо же судебным органом, либо определенное в законодательстве.

Американский исследователь М. Морган отмечает, что «презумпции часто отражают привычный опыт о вероятности связи между основным и презюмированным фактом. Поэтому, если сторона предоставила доказательство, достаточное для поддержки вывода о правдивости основного факта, бремя убеждения должно возлагаться на противника презумпции» [4, с. 63].

Интересной представляется позиция У. Тайера, которую в американской правовой доктрине назвали теорией «лопающего пузыря»: если лицо, опровергающее презумпцию, доказывает невозможность существования презумпционного факта, то так называемый «пузырь» презумпции лопается, в связи с чем презумпция утрачивает свое существование [4, с. 63]. Приведенные утверждения являются своего рода трактовкой презумпции невиновности, свойственной и романо-германской правовой семье, где сторона обвинения должна доказать в законном порядке виновность лица. В случае недоказывания лицо будет считаться совершившим преступное деяние.

Наиболее четким представляется закрепление презумпции невиновности в Уголовном кодексе штата Калифорния (Penal Code), в параграфе 1096 которого отмечается: «обвиняемый в любом уголовном деле презюмируется невиновным до тех пор, пока не будет доказано иное, и в случае разумного сомнения относительно того, что его вина убедительно подтверждена, он имеет право на оправдание, хотя цель этой презумпции заключается только в возложении на штат бремени доказывания вне всякого разумного сомнения (beyond a reasonable doubt) его виновности»... [2]. В кодексе приводится и разъяснение понятия «разумное сомнение»: «важно понимать — оно не будет просто возможным сомнением, поскольку все, что относится к делам человеческим (human affairs), открыто для какого-то возможного или мнимого сомнения. Стоит заметить, что оно (разумное сомнение. — Авт.) представляет собой такое положение дел, при котором после полного сопоставления и рассмотрения всех доказательств, сознание присяжных остается в таком состоянии, когда они не могут сказать, что чувствуют твердое убеждение

в реальности обвинения (an abiding conviction of the truth of the charge)» [2].

Указанная норма схожа с определением презумпции невиновности в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации [1], согласно которому бремя доказывания возлагается на сторону обвинения, а наличие разумного сомнения в доказанности вины со стороны обвинения трактуется в пользу подсудимого.

Как известно, немаловажную роль в судопроизводстве США играет суд присяжных: в обязательном порядке суд присяжных рассматривает уголовные дела, где подсудимому грозит строгое наказание в виде лишения свободы [5, с. 130–132]. Презумпция невиновности в данном случае реализуется посредством информирования профессиональным судом участников суда присяжных относительно сущности презюмированных фактов, однако навязывания мнения судьи относительно виновности или невиновности подсудимого не допускается. Обозначенным реализуется и такой аспект презумпции невиновности, согласно которому окончательный вердикт относительно виновности субъекта может быть признан лишь обвинительным приговором суда.

К примеру, в параграфе 300.100 Уголовно-процессуального закона штата Нью-Йорк отмечается, что в своей речи судья обязан «изложить фундаментальные правовые принципы, применяемые к уголовным делам в целом» [3], включая презумпцию невиновности и особенности толкования любых сомнений относительно ее содержания.

Верховным Судом США было принято несколько стандартных правил для федеральных судов, которые необходимо соблюдать при применении презумпций в уголовных делах:

- 1) между основным и презюмируемым фактом должна существовать сильная рациональная связь;
- 2) бремя убеждения жюри присяжных о существовании презюмированного факта должно полагаться на сторону обвинения, за исключением случаев, когда:
 - существует сильная рациональная связь между элементами состава преступления и выводом, отрицающим невиновность подсудимого;
 - вероятность того, что подсудимый не сможет доказать свою невиновность, очень низка [8].

Таким образом, раскрытие законодательства США в части закрепления принципа презумпции невиновности позволяет констатировать вывод о том, что он регулируется как федеральным законодательством, так и законодательством отдельных штатов. При этом, констатировано сходство нормативной правовой регламентации исследуемого принципа в нормах права проанализированных штатов.

Типичным для американской правовой доктрины является подход к презумпции невиновности как к «лопающемуся пузырю», который по умолчанию существует, но под гнетом опровергающих его доказательств может быть разрушен с перекладыванием бремени доказывания на сторону защиты.

Специфическим с точки зрения уголовного процесса США представляется обязательное разъяснение судьей, ведущим процесс по уголовному делу, сущности существующих презумпций, включая презумпцию невиновности, с запретом воздействия на вывод коллегии присяжных относительно виновности либо невиновности подсудимого.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Собрание законодательства РФ, 24.12.2001, № 52 (ч. I), ст. 4921.
2. California Penal Code [Электронный ресурс] // URL: <https://leginfo.legislature.ca.gov/faces/codesTOCSelected.xhtml?tocCode=PEN&tocTitle=+Penal+Code+-+PEN>
3. Criminal Procedure Law of the State of New York [Электронный ресурс] // URL: https://newyork.public.law/laws/n.y._criminal_procedure_law
4. Абдрашитов В. М. Презумпция невиновности: генезис и перспективы развития в законодательстве и практике Российской Федерации (вопросы общей теории права): дисс. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2001. 203 с.
5. Валова Е. В., Нагих С. И. Суд присяжных в американской системе правосудия // Успехи в химии и химической технологии. 2014. № 7 (156). С. 130–132.
6. Black's Law Dictionary: Definitions of the terms and phrases of American and English jurisprudence / Ancient and modern By Henry Campbell Black, Joseph R. Nolan, Jacqueline M. Nolan-Haley. St. Paul, Minn.: West Pub. Co., 1991. 1136 p.
7. Fricke Ch. 5000 Criminal Definitions. Terms and Phrases. Los Angeles: Calif., 1968. 121 p.
8. George C., Kenneth P. Presumptions and assumptions in the criminal law: another view [Электронный ресурс] // URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/62566234.pdf>

Правовое регулирование порядка поступления на государственную гражданскую службу в налоговые органы Российской Федерации

Безпята Екатерина Эдуардовна, студент магистратуры

Северо-Западный институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
(г. Санкт-Петербург)

В статье автор анализирует теоретико-правовые основы поступления на государственную гражданскую службу по конкурсу, выделяет проблемы применения правовых норм и определяет возможные пути их решения.

Ключевые слова: государственная гражданская служба, поступление на государственную гражданскую службу, налоговые органы, конкурс, квалификационные требования.

Условия и порядок поступления на государственную гражданскую службу в ФНС России основаны на общих принципах законодательства о государственной службе. Возникновение служебных правоотношений предполагает наличие определенных условий, необходимых для поступления на службу, а также отсутствие обстоятельств, препятствующих поступлению на службу. Согласно действующему законодательству о государственной гражданской службе, для замещения должностей государственной гражданской службы необходимо соответствовать возрастному цензу (18 лет), являться гражданином РФ и удовлетворять квалификационным требованиям [2].

Квалификационные требования для замещения должностей государственной гражданской службы установлены Федеральным законом от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» и представляют собой нормативы по уровню профессионального образования гражданина, поступающего на государственную гражданскую службу. Необходимый стаж работы для замещения должностей федеральной государственной гражданской службы устанавливается Указом Президента РФ от 16.01.2017 № 16 «О квалификационных требованиях к стажу государственной гражданской службы или

стажу работы по специальности, направлению подготовки, который необходим для замещения должностей федеральной государственной гражданской службы». Требования различаются в зависимости от категории и группы должностей (Табл. 1).

По нашему мнению, указанные квалификационные требования к стажу не отражают фактическое наличие или отсутствие у гражданского служащего необходимых знаний и навыков, так как за такой короткий стаж работы в налоговых органах невозможно приобрести достаточно опыта для замещения руководящей должности. Поэтому необходимо принимать решение о назначении гражданского служащего на должность высшей или главной группы исходя из его профессиональных и личностных качеств.

Кроме того, хотелось бы отметить, что квалификационные требования к образованию, действующие на данный момент, при условии отказа от Болонской системы высшего образования также будут пересмотрены. При существующей системе магистратура, хотя и препятствует должностному росту гражданских служащих, все же успешно сокращает количество претендентов на руководящие должности.

Помимо рассмотренных выше требований, которым должен соответствовать гражданин при поступлении на гражданскую

Таблица 1. Квалификационные требования для замещения должностей государственной гражданской службы в налоговых органах РФ

Группа должностей	Категория должностей	Квалификационные требования к образованию	Квалификационные требования к стажу	
Высшая группа	Руководители	Высшее образование — специалитет, магистратура	Не менее 4-х лет	
	Помощники (советники)			
	Специалисты			
Главная группа	Руководители		Не менее 2-х лет	
	Помощники (советники)			
	Специалисты			
	Обеспечивающие специалисты			
Ведущая группа	Руководители	Высшее образование — бакалавриат, специалитет, магистратура	Без предъявления требования к стажу	
	Помощники (советники)			
	Специалисты			
	Обеспечивающие специалисты			
Старшая группа	Специалисты			Профессиональное образование — среднее профессиональное образование, бакалавриат, специалитет, магистратура
	Обеспечивающие специалисты			
Младшая группа	Обеспечивающие специалисты			

Составлено по: Федеральный закон № 79-ФЗ от 27.07.2004, Указ Президента РФ № 16 от 16.01.2017

службу, также есть перечень ограничений, препятствующих назначению на должность гражданской службы, который утвержден Федеральным законом № 79-ФЗ [2]. По нашему мнению, смысл существования ограничений заключается в том, чтобы допускать до осуществления полномочий публично-правовых образований только тех граждан Российской Федерации, которые действительно готовы и желают служить на благо государства.

При удовлетворении всем требованиям гражданин имеет право поступать на гражданскую службу одним из двух способов: по конкурсу и без конкурса. На гражданской службе все должности замещаются на конкурсной основе, кроме назначения на определенную срок полномочий на должности категорий «руководители» и «помощники (советники)», назначения на отдельные должности Президентом РФ или Правительством РФ, при заключении срочного служебного контракта, при назначении на иную должность в случаях, предусмотренных законодательством, при назначении гражданина или гражданского служащего, включенного в резерв — во всех указанных случаях конкурс не может быть проведен. Кроме того, конкурс может не проводиться на должности, допущенные к государственной тайне и утвержденные нормативным актом государственного органа, а также по решению представителя нанимателя при назначении на должности младшей группы должностей [2].

Реализация конкурсной процедуры позволяет сформировать компетентный и квалифицированный кадровый состав посредством тщательного анализа представленных документов и результатов проведенных испытаний. Порядок проведения конкурса на замещение вакантной должности государственной гражданской службы определен Указом Президента РФ от 01.02.2005 № 112 и Постановлением Правительства РФ от 31.03.2018 № 397.

Анализируя действующее законодательство, регламентирующее порядок участия в конкурсе, а также сложившуюся

судебную практику, можно выделить несколько ключевых проблем в конкурсной процедуре отбора кандидатов на замещаемую должность.

Во-первых, в объявлениях о приеме документов для участия в конкурсе прописывается перечень необходимых документов, среди которых есть формулировка «иные документы, предусмотренные федеральными законами, указами Президента РФ и постановлениями Правительства РФ», которая вводит кандидата в заблуждение. Мы считаем, что в объявлении должна быть полная расшифровка всех требуемых документов, чтобы кандидат был уверен, что при подаче документов у него не запросят дополнительные справки, выписки и т.д.

Во-вторых, при участии в конкурсе кандидат обязан предоставлять информацию не только о себе, но также о близких родственниках. В ситуации, когда гражданин не располагает данными о ком-то из членов семьи, он может предоставить неверные или неполные сведения, что, согласно закону, является поводом для отказа в допуске к участию в конкурсе на основании непредставления сведений. Что ставит под вопрос равенство граждан при участии в конкурсе на замещение вакантных должностей [1].

В-третьих, решение конкурсной комиссии является достаточно субъективным. При вынесении отказа кандидат уведомляется о том, что в конкурсе он не победил, однако причины такого решения ему не разъясняются, что неудивительно, так как претендент может соответствовать всем требованиям, в том числе профессиональным, однако чем-то не устраивать комиссию. Например, на практике встречаются случаи, когда кандидат находится в родстве с осужденным по экономическим статьям, что никак не должно влиять на его право занимать должность гражданской службы в налоговых органах РФ, однако у представителя нанимателя могут возникнуть опасения по этому поводу. Кроме того, действующий формат поступления на государственную службу позволяет не только беспри-

чинно отказать одному кандидату, но и продвинуть по службе другого кандидата, что порождает такое явление как «мягкая коррупция», которая выражается в фаворитизме, кумовстве и т.д.

В целом, можно сказать, что конкурсная процедура имеет и свои плюсы, среди которых удобство подачи документов и прохождения оценки, однообразность процесса в разных налоговых органах, что позволяет при желании одновременно участвовать в нескольких конкурсах, четкое понимание сроков, порядка и установленных законом критериев. Однако для увеличения эффективности проведения конкурсов на вакантные должности и повышения объективности принимаемых конкурсной комиссией решений необходимо предпринять следующие действия:

— законодательно закрепить проведение оценочной части конкурса в электронном виде с последующим размещением результатов испытаний в личном кабинете претендента;

— фиксировать в аудио или видео формате все очные испытания, например, индивидуальное собеседование;

— предоставить конкурсанту для ознакомления конкурсные бюллетени с баллами и мотивировкой;

— пересмотреть положение об определении итогового балла как сумму среднего арифметического баллов и установить вес для каждого вида испытаний в соответствии с его значимостью для оценки профессиональных качеств кандидата.

Таким образом, указанные выше меры повысят защищенность конкурсантов при участии в конкурсе, снизят вероятность неправомерного принятия решений, а также повысят мобильность гражданских служащих. Возможность участия в конкурсе в онлайн формате снизит расходы, связанные с прохождением конкурса (проезд к месту проведения конкурса, проживание) для претендентов, тем самым простимулируют их рассматривать вакантные должности не только в ближайших регионах.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // <http://pravo.gov.ru/>
2. Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // <http://pravo.gov.ru/>
3. Указ Президента РФ от 16.01.2017 № 16 «О квалификационных требованиях к стажу государственной гражданской службы или стажу работы по специальности, направлению подготовки, который необходим для замещения должностей федеральной государственной гражданской службы» // <http://pravo.gov.ru/>
4. Указ Президента РФ от 01.02.2005 № 112 «О конкурсе на замещение вакантной должности государственной гражданской службы Российской Федерации» // <http://pravo.gov.ru/>
5. Постановление Правительства РФ от 31.03.2018 № 397 «Об утверждении единой методики проведения конкурсов на замещение вакантных должностей государственной гражданской службы Российской Федерации и включение в кадровый резерв государственных органов» // <http://pravo.gov.ru/>

Особенности участия специалистов при расследовании преступлений, связанных с незаконной добычей водных биологических ресурсов

Бумагина Анастасия Олеговна, студент магистратуры

Научный руководитель: Зайцев Владимир Викторович, кандидат юридических наук, доцент

Саратовская государственная юридическая академия

В представленной статье проводится исследование особенностей привлечения специалистов при расследовании преступлений, связанных с незаконной добычей водных биологических ресурсов. Автор акцентирует особое внимание на специфике работы специалиста при выявлении следов совершенного преступления на морских судах.

Ключевые слова: незаконная добыча, вылов, биологические ресурсы, морские суда, следователь, специалист, специальные знания.

В последнее время особую актуальность приобретает вопрос об усилении охраны водных биологических ресурсов. Данное обстоятельство обусловлено тем, что на сегодняшний день водные биологические ресурсы активно используются в промышленной и пищевой индустрии, вследствие чего незаконная добыча (вылов) животных и растений водной среды обитания является наиболее привлекательным видом преступ-

лений для большинства криминальных структур. В целях массовой незаконной добычи (вылова) водных биологических ресурсов создаются преступные сообщества, которые действуя слаженно и сплоченно подвергают уничтожению большинство не возобновляемых объектов водной среды обитания. Стремительный рост преступлений в области незаконной добычи (вылова) водных биологических ресурсов обуславливает наличие

реальной угрозы экономическим интересам общества, а также наносит значительный экологический и материальный ущерб государству. В связи с этим приоритетным направлением деятельности правоохранительных органов в России является принятие обеспечительных мер, направленных на охрану и защиту водных биологических ресурсов.

Большинство преступлений, связанных с незаконной добычей (выловом) водных биологических ресурсов, совершается на морских судах. Специфика расследования преступлений данной категории обусловлена необходимостью своевременного применения специальных знаний. Следует отметить, что применять специальные знания целесообразно на всех этапах следствия, начиная с проверки сообщения о преступлении заканчивая передачей возбужденного уголовного дела в суд.

Невозможно не согласиться с мнением Е. А. Кулакова о том, что успех расследования преступлений о незаконной добыче (вылове) водных биологических ресурсов в полной мере зависит от участия специалиста в производстве следственных действий [1]. Нередки случаи, когда следователю или дознавателю, для получения криминалистически значимой информации по уголовному делу о незаконной добыче (вылове) водных биологических ресурсов, приходится писать постановление о назначении производства судебной экспертизы. На наш взгляд, привлечение специалиста для участия в производстве следственных действий по исследуемому виду преступления необходимо, поскольку специалист поможет сориентироваться следователю в специфической обстановке, определить характер происшествия, обнаружить следы преступления, вещественные доказательства, указывающие на факт совершения незаконных действий, а также установить иную криминалистически значимую информацию имеющую приоритетное значение для дальнейшего расследования уголовного дела.

Первоначальным следственным действием, производимым в ходе расследования уголовных дел, связанных с незаконной добычей (выловом) водных биологических ресурсов, где следователю не обойтись без специальных знаний специалиста, является осмотр места происшествия. Необходимость привлечения специалиста на данном этапе расследования обусловлена специфическими особенностями места, где было совершено уголовно-наказуемое деяние.

Как уже было отмечено ранее, большинство данных преступлений совершается на морских судах, следовательно имеется высокая вероятность того, что следы преступления были подвержены искажению или вовсе уничтожены, также нередки случаи, когда место обнаружения преступления не совпадает с истинным местом, где оно было совершено. Данные факты значительно затрудняют ход расследования. Зачастую непосредственным объектом осмотра места совершения преступления является морское судно, на котором осуществлялась незаконная добыча (вылов) водных биологических ресурсов. За редким исключением в следственной практике встречаются случаи, когда осмотр места происшествия осуществляется в пределах морской акватории, где были выставлены промысловые орудия, посредством которых браконьерами осуществлялась добыча (вылов) водных биологических ресурсов.

В процессе осмотра места преступления следователю необходимо решить большой объем задач, например: определить способы совершения преступления, выявить и зафиксировать следы преступления, обнаружить вещественные доказательства, орудие, посредством которого осуществлялась промысловая деятельность [2]. Для успешного разрешения поставленных задач при осмотре места происшествия, а также исключения возможности упущения наиболее важной для следствия информации, необходимо использование специальных знаний специалистов различных областей, таких как: ихтиолога, специалиста по промышленному рыболовству, техника-судоводителя, радиоинженера, инженера-механика, инженера-штурмана и др.

С. Э. Воронин пишет о том, что переоценить важность действий специалиста в процессе осмотра места происшествия, связанного с незаконной добычей (выловом) водных биологических ресурсов, невозможно [3]. По мнению автора специалисты помогают следователям восстановить истинную картину совершенного преступления, что безусловно благоприятно повлияет на дальнейший ход следствия, обнаружить, зафиксировать и изъять вещественные доказательства, не нарушая их первоначальную целостность. Специалисты на основании выявленных следов могут установить время и место совершенного преступления, а также определить орудие, посредством которого осуществлялась незаконная промысловая деятельность. Находясь на палубе морского судна, на котором осуществлялся вылов морских обитателей, специалисты оказывают следователю помощь в установлении следов, указывающих на факт совершения преступления.

К числу данных следов, которые может обнаружить специалист, целесообразно отнести: остатки донного грунта, объекты донной флоры и фауны, конечности или карапаксы крабов и других водных биоресурсов, попадающих на промысловую палубу при подъеме крабовых ловушек на борт судна, а также рыбную продукцию, которая зачастую применяется браконьерами в качестве наживы, пластиковые баночки с металлическими прищепками, используемые для крепления наживы в крабовых ловушках. В. И. Елинский утверждает, что специалист при осмотре места происшествия также может выявить немаловажный объект, который является существенным доказательством по уголовному делу в сфере незаконной промысловой деятельности и добычи водных биологических ресурсов, а именно наличие на палубе судна демонтированного промыслового оборудования [4]. Если на палубе задержанного промыслового судна было выявлено данное орудие, то специалист должен тщательно его осмотреть и выявить следы недавно совершенного преступления, которые следователь в последующем отразит в протоколе осмотра места происшествия.

К числу следов незаконной добычи (вылова) водных биологических ресурсов относятся: наличие потертостей на барабанах выборочной лебедки, роллах мальгогера, механизмах транспортировочной дороги, рельсах (брусках) направляющих для постановки крабовых ловушек и др. Помимо выявления орудий, посредством которых было совершено преступление, особое значение имеет установление наименования, веса, количества, жизнеспособности, травмированности водных биоресурсов, которые были

подвержены незаконному вылову из морской среды обитания [5]. Для решения поставленной задачи следователь привлекает специалиста ихтиолога. Также специалист ихтиолог устанавливает приблизительное количество времени нахождения биоресурсов на борту морского судна с момента их вылова.

Для получения криминалистически значимой информации, свидетельствующей о факте совершения незаконной добычи (вылова) водных биологических ресурсов, специалист ихтиолог отбирает образцы особей водных биоресурсов морской флоры и фауны для проведения биологической судебной экспертизы. На завершающем этапе специалист оказывает следователю помощь в изъятии и упаковке выявленных следов преступления, вещественных доказательств, а также в фиксации хода осмотра места происшествия в протоколе следственного действия.

Следует отметить, что составление протокола следственного действия, проводимого в рамках расследования незаконной добычи (вылова) водных биологических ресурсов, также имеет специфические особенности, поскольку следователь сталкивается с необходимостью использования специальной терминологии в процессе описания объектов или следов донной флоры и фауны. В данном случае специалист помогает следователю в составлении протокола, а также составляет чертежи и схемы морского судна, на котором осуществлялось следственное действие.

Использование знаний специалистов необходимо при осмотре отдельных предметов и документов в ходе расследо-

вания уголовных дел, возбужденных по факту незаконной добычи (вылова) водных биоресурсов. В данном случае специалисты оказывают помощь следователю при изучении содержания документов, поскольку в них могут быть отражены сведения, имеющие криминалистически значимую информацию. Нередки случаи, когда незаконная промысловая деятельность осуществляется иностранными морскими судами. В данном случае необходимо привлекать переводчиков, которые будут оказывать следователю помощь не только в переводе на русский язык обнаруженных на судне документов, но и участвовать при допросе экипажа. Особенно востребовано привлечение специалистов для участия в процессе выемки (обыска) при производстве получения образцов для сравнительного исследования, посредством которых представляется возможным установить следы, указывающие на факт незаконной добычи (вылова) водных биоресурсов или криминалистически значимых объектов.

Подводя итог, приходим к выводу, что привлечение специалистов при расследовании уголовных дел, возбужденных по факту незаконной добычи (вылова) водных биологических ресурсов, является неотъемлемым действием, поскольку специфика данного вида преступлений не позволяет самостоятельно следователю в полной мере произвести следственные действия и установить криминалистически важную информацию по делу без использования специальных знаний.

Литература:

1. Кулаков, Е. А. Проблематика первоначальных следственных действий при реагировании на сообщение о незаконном вылове водно-биологических ресурсов / Е. А. Кулаков // *Право и государство: теория и практика*. 2018. № 6. С. 113.
2. Макарьин, А. А. Оптимизация участия специалиста при производстве расследования по уголовному делу: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006. С. 15.
3. Воронин, С. Э. Теория и практика расследования преступлений, связанных с незаконной добычей водных биоресурсов / С. Э. Воронин, М. Н. Токарев. К.: Сибирский институт бизнеса, управления и психологии, 2014. С. 118.
4. Елинский, В. И. Первоначальный этап расследования преступлений, связанных с незаконной добычей водных биологических ресурсов / В. И. Елинский, Л. С. Корнева // *Российский следователь*. 2012. № 5. С. 10.
5. Бордюгов, Г. Л. Проблемы использования специальных знаний при расследовании экологических преступлений / Г. Л. Бордюгов // *Донецкий национальный университет*. 2019. № 4. С. 76.

Понятие коррупции в российском и международном уголовном праве

Василенко Михаил Олегович, студент

Научный руководитель: Саганова Юлия Александровна, преподаватель
Московский финансово-промышленный университет «Синергия»

Коррупция прошла длительный исторический путь развития и зародилась еще в древнем Египте, древней Греции, Римской империи и др. Древнерусское государство, а затем и Российская империя, не являлось исключением. Проблема коррупции существовала с первых дней становления советской власти и продолжала быть проблемой государственного управления на всех этапах истории СССР, а в последствии

стала носить системный характер в РФ с момента образования в 1991 году.

Современное понимание коррупции как негативного общественного явления сложилось в Европе XV–XVI веках, в странах с хорошо развитой денежной системой, разветвленным бюрократическим аппаратом и развитым частным сектором экономики, однако в разнообразных нормативно-правовых актах

используются различные понятия «коррупция», связанные с проявлениями форм коррупции, например, взяточничество, коррупционное преступление или преступление коррупционной направленности.

Поэтому исследование понятия «коррупция» предоставляет возможность обосновать предложения о внесении изменений и дополнений в нормативно-правовые акты, регулирующие противодействие коррупции, для того, чтобы устранить противоречия в трактовании понятий.

В юриспруденции как науке, изучающей совокупность правовых знаний, существует два подхода к определению понятия «коррупция»:

— в первом варианте раскрывается четкое определение понятия «коррупция», указываются родовые и видовые признаки, т.е. раскрываются существенные признаки явления, без которых понятие не может существовать;

— во втором варианте перечисляются случаи коррупционных правонарушений, раскрывающих понятие «коррупция».

В законодательстве РФ был реализован второй подход к определению понятия «коррупция». В соответствии с Федеральным законом от 25.12.2008 N273-ФЗ «О противодействии коррупции» под коррупцией понимают следующие противоправные деяния:

- злоупотребление служебным положением;
- дача взятки и получение взятки;
- злоупотребление полномочиями;
- коммерческий подкуп, либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения;
- а также все указанные деяния, совершенные от имени или в интересах юридического лица.

Необходимо отметить, что все вышеизложенные деяния осуществляются при нарушении законных интересов общества и государства в следующих целях:

- получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц;
- незаконное предоставление вышеперечисленных выгод указанному лицу другими физическими лицами.

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 N24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» предоставляется следующая информация:

- коррупция — транснациональное явление, которое затрагивает все страны;
- важное значение имеет международное сотрудничество в области предупреждения коррупции и борьбы с ней;
- УК РФ устанавливает ответственность за совершение коррупционных преступлений;
- наиболее распространенным и опасным коррупционным преступлением является взяточничество;
- взяточничество негативно влияет на следующие элементы государственного устройства:
 - посягает на основы государственной власти;
 - нарушает нормальную управленческую деятельность государственных и муниципальных органов и учреждений, а также подрывает их авторитет;

- деформирует правосознание граждан, создавая у них представление о возможности удовлетворения личных и коллективных интересов путем подкупа должностных лиц;

- препятствует конкуренции;
- затрудняет экономическое развитие.

— правосудие по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях должно осуществляться на основе соблюдения следующих принципов:

- независимости судебной власти;
- состязательности и равноправия сторон;
- соблюдения прав и свобод человека;
- в строгом соответствии с требованиями уголовного и уголовно-процессуального законодательства.

К коррупционным преступлениям, под которыми понимаются предусмотренные в Уголовном Кодексе РФ общественно опасные деяния, непосредственно посягающие на авторитет и законные интересы службы и выражающиеся в противоправном получении государственным, муниципальным или иным публичным служащим либо служащим коммерческой или иной организации (в том числе международной) каких-либо преимуществ (имущества, прав на него, услуг или льгот) либо в предоставлении последним таких преимуществ, относятся следующие противоправные деяния представленные на рисунке 1.

Одним из признаков коррупционного преступления является наличие специального субъекта преступления:

- должностным лицом;
- лицом, занимающим государственную должность РФ;
- лицом, занимающим государственную должность субъекта РФ;
- иностранным должностным лицом;
- должностным лицом публичной международной организации;
- лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации.

Если должностное лицо занимает государственную должность РФ, или государственную должность субъекта РФ, или должность в органах местного самоуправления, то общественная опасность данных преступлений заключается в следующих аспектах:

- подрыве авторитета органов власти и управления;
- потере доверия к органам власти и управления стороны граждан РФ и иных государств;
- уничтожении интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления.

При разрешении вопроса о том, совершено ли коррупционное преступление вышеуказанными лицами/лицом, занимающим государственную должность Российской Федерации, а равно лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, суды руководствуются примечаниями и разъяснениями, представленными на рисунке 2.

Под данными общественно опасными противоправными деяниями, осуществляемыми умышленно или по неосторожности, подрывающие авторитет органов государственной власти (местного самоуправления) и причиняющие вред либо создающие угрозу причинения вреда охраняемым законом ин-

Рис. 1. Дифференциация коррупционных преступлений

Рис. 2. Используемые нормы

тересам граждан, организаций, общества, государства понимают преступления против государственной власти, интересов государственной службы, службы в органах местного самоуправления, предусмотренные статьями 285–293 гл. 30 Уголовного Кодекса РФ.

Из представленной информации следует, что под коррупцией понимают целостную, относительно массовую совокупность преступлений, посягающих на авторитет государственной службы, службы в органах местного самоуправления и управленческих функций в коммерческой или иной организации, выражающихся в незаконном получении преимуществ лицами, уполномоченными на выполнение государственных

функций, либо в предоставлении данным лицам таких преимуществ, а признаками данного негативного социального являются:

- непосредственное нанесение ущерба авторитету публичной службы или непубличной службы;
- незаконный характер получаемых должностным лицом преимуществ, имущества, услуг или льгот;
- использование виновным своего служебного положения вопреки интересам службы;
- лицо, совершившее коррупционное преступление является специальным субъектом преступления, т.е. обладает должностными полномочиями.

В международных нормативно-правых актах присутствуют оба подхода, определяющих понятие коррупция. Примером первого нормативного подхода выступают нормы «Конвенции о гражданско-правовой ответственности за коррупцию», заключенной в городе Страсбурге 04.11.1999, и нормы «Кодекса поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка», принятому Резолюцией 34/169 на 106-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН от 17.12.1979.

В соответствии с «Конвенцией о гражданско-правовой ответственности за коррупцию» под коррупцией понимают просьбу, предложение, дачу или получение, прямо или косвенно, взятки, или любого другого ненадлежащего преимущества, или обещания такового, которые искажают нормальное выполнение любой обязанности или поведение, требуемое от получателя взятки, ненадлежащего преимущества или обещания такового.

В данном определении констатируется факт того, что коррупция — это неправомерное деяние, запрещенное нормами права под угрозой наказания, цель которого заключается в несоблюдении предписаний и обязанностей за счет получения незаконных привилегий.

Согласно «Кодексу поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка», принятому 17.12.1979 Резолюцией 34/169 на 106-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН, предоставляется следующая информация:

- понятие «коррупции» должно определяться национальным правом;
- «на прямую» не дается определение данного явления;
- понятие «коррупция», используемое в данном нормативном документе раскрывается в Комментариях к ст. 7.

В соответствии с Комментариями, в данном нормативно-правом акте под коррупцией понимают выполнение должностным лицом каких-либо действий или бездействие в сфере его должностных полномочий за вознаграждение в любой форме в интересах дающего такое вознаграждение, как с нарушением должностных инструкций, так и без их нарушения, т.е. в данном случае коррупция определяется как взяточничество и подкуп, заключающихся в получении должностным лицом материальных и иных благ, в результате реализации неправомерного поведения.

В большинстве международных нормативно-правовых актах понятие «коррупция» раскрывается через перечисление случаев коррупционных правонарушений. Примерами таких международных документов являются:

- «Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции», принятой в г. Нью-Йорке 31.10.2003 Резолюцией

58/4 на 51-м пленарном заседании 58-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН;

- «Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию», заключенной в г. Страсбурге 27.01.1999;

В «Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции» и «Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию» не закреплено понятия «коррупция», но перечисляются коррупционные преступления, представленные в таблице 1.

Субъектами противоправных общественно опасных деяний, представленных в исследуемых конвенциях, являются наделенные властными управленческими полномочиями, осуществляющие деятельность в качестве:

- национальных публичных должностных лиц;
- членов национальных публичных собраний;
- должностными лиц международных организаций;
- иностранных публичных должностных лиц;
- членов международных парламентских собраний;
- судьями и должностными лицами международных судов;
- должностными лицами частного сектора.

Также необходимо отметить, «Межамериканскую конвенция о борьбе с коррупцией», заключенной в г. Каракасе 29.03.1996, являющейся первой международной конвенцией по борьбе с коррупцией, которая не закрепляет понятие «коррупция», хотя и содержит перечисление случаев коррупционных правонарушений, т.е. является примером второго подхода, используемого для определения анализируемого понятия.

В «Межамериканскую конвенция о борьбе с коррупцией» предлагается довольно широкое определение коррупции, которое включает:

- вымогательство и взяточничество;
- незаконное обогащение;
- злоупотребление должностными полномочиями, в целях извлечения выгоды;
- отмывание денег и сокрытие денежных средств либо имущества.

Таким образом, проанализировав международные нормативно-правовые акты и законодательство РФ, регламентирующие противодействие коррупции, можно сформулировать следующий вывод: под коррупцией понимают общественно опасное незаконное деяние, заключающиеся в нарушении норм права, осуществляемое должностными лицами государственного, муниципального или частного сектора управления, нацеленных на получение выгод различного характера для себя или третьих лиц.

Таблица 1. **Случаи коррупционных правонарушений**

«Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции»	«Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию»
Активный подкуп; пассивный подкуп; злоупотребление влиянием в корыстных целях; отмывание доходов от преступлений, связанных с коррупцией; правонарушения в сфере бухгалтерского учета.	Подкуп; хищение, неправомерное присвоение или иное нецелевое использование имущества; злоупотребление влиянием в корыстных целях; злоупотреблением служебным положением; незаконное обогащение; подкуп в частном секторе; хищение имущества в частном секторе; отмывание доходов от преступлений; сокрытие; воспрепятствование в осуществлении правосудия.

Литература:

1. «Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции» (принята в г. Нью-Йорке 31.10.2003 Резолюцией 58/4 на 51-м пленарном заседании 58-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН);
2. «Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию» (заключена в г. Страсбурге 27.01.1999);
3. «Конвенция о гражданско-правовой ответственности за коррупцию» (заключена в г. Страсбурге 04.11.1999);
4. «Межамериканскую конвенция о борьбе с коррупцией» (заключена в г. Каракасе 29.03.1996);
5. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 №63-ФЗ (ред. от 25.12.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 30.12.2023) / СПС «Консультант Плюс» — [Электронный ресурс] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (Дата обращения 25.02.2024);
6. Федеральный закон от 25.12.2008 №273-ФЗ (ред. от 19.12.2023) «О противодействии коррупции»;
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 №24 (ред. от 24.12.2019) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях»;
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 №19 (ред. от 11.06.2020) «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий»;
9. Комментарий к Федеральному закону от 25 декабря 2008 года №273-ФЗ «О противодействии коррупции»;
10. «Кодексу поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка» (принят 17.12.1979 Резолюцией 34/169 на 106-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН).

Особенности правового регулирования дорожного движения в Древнем Риме

Гарифуллин Руслан Рамильевич, студент

Научный руководитель: Дудченко Оксана Сергеевна, доктор юридических наук, профессор
Московский финансово-юридический университет МФЮА

Автор статьи исследует историческое развитие правового регулирования организации дорожного движения, заложенного в Древнем Риме. Рассматриваются государственные нормы, явившиеся основанием для регламентации организации безопасного движения по улицам столицы. Автор приводит примеры факторов, влияющих на необходимость введения правового регулирования дорожного движения, а также анализирует составляющие, повлиявшие на развитие основ правовой регламентации организации дорожного движения в Древнем Риме.

Ключевые слова: безопасность, дорога, движение, история, источники.

Features of the legal regulation of traffic in Ancient Rome

The author of the article explores the historical development of the legal regulation of the organization of traffic, laid down in Ancient Rome. The article considers the state standards that were the basis for regulating the organization of safe traffic on the streets of the capital. The author gives examples of factors influencing the need to introduce legal regulation of traffic, and also analyzes the components that influenced the development of the foundations of legal regulation of traffic management in Ancient Rome.

Keywords: safety, road, traffic, history, sources.

Нормативно-регулятивная систему общества в области организации дорожного движения можно проследить исторически в разрезе общественного и индивидуального сознания. Эволюция данного института имеет длительную историю. На протяжении всего времени формировались практические правила для участников дорожного движения, разрабатывались нормы поведения на дороге.

При исследовании вопросов административной ответственности в общем, и административной ответственности в области организации дорожного движения, в частности, следует рассмотреть факторы, оказывающие упорядочивающее воздействие на общественные связи в области административной от-

ветственности. К таким факторам, по нашему мнению, следует отнести:

- уровень общественного и государственного развития;
- природно-климатические факторы;
- территориальное расположение;
- культурное состояние общества;
- экономический фактор;
- социальный фактор;
- психологический фактор.

Философский дискурс в вопросе исторического развития административной ответственности за правонарушения в области организации дорожного движения начинается с выяс-

нения исторических источников, регулирующих дорожное движение на различных исторических этапах.

Длющаяся тысячелетиями история развития правового регулирования в области организации дорожного движения берет начало в Древнем Риме. Как известно, Римская империя для своего времени считалась вершиной цивилизации. И, являясь колыбелью мира, оставила ощутимый след не только в политике, но и заложила истоки организации дорожного движения. Первым источником, в котором были прописаны стандарты по дорожному обустройству, считаются «Законы 12 таблиц» (451–450 гг. до н.э.).

Территориальное расширение, происходящее на протяжении долгого времени, развитие торговых отношений и расширение взаимодействия между странами стали толчком для создания дорожной сети для более быстрого и удобного передвижения как торговых караванов, так и войск великой империи. Стремление древних римлян к стройжайшему порядку не оставило в стороне и дороги. Юридически дороги были разделены на три типа: общественные, частные и просёлочные.

Общественные дороги (*viae publicae*) имели ширину от шести до двенадцати метров. Самыми известными из них считались Аппиева и Фламиниева дороги, дорога Корнелия [2], соединявшие между собой самые крупные города Древнего Рима.

Обращаясь к древним источникам, можно вспомнить Гераклейскую таблицу, на которой сохранилась часть законопроекта за авторством Юлия Цезаря. Так, император обязывал собственников недвижимости, чья частная собственность выходит на общественную улицу, чистить и содержать дорогу перед домом в порядке.

Частные дороги (*viae privatae*), в ширину представляющие собой дорожное полотно от двух с половиной до четырех метров, являлись, по сути, улицами в прямом смысле этого слова. Однако большая часть частных дорог представляла собой небольшие проходы или тропинки. Узкие улицы повлияли на законодательные решения государственных деятелей, выразивших пожелание урегулировать этот вопрос. Так, в 47 г. до н.э. было принято решение, запрещающее движение колесниц на узких улицах в течение 10 часов после восхода солнца, а на некоторых улицах для конных повозок даже было установлено одностороннее движение [2].

Просёлочные дороги (*vici*) прокладывались от общественных дорог и соединяли между собой малые населенные пункты.

Первые правила дорожного движения, введенные Юлием Цезарем в 50-х гг. до н.э. стали, можно сказать, базовыми основаниями для регулирования как дорожного движения в целом, так и, в частности, были нацелены на то, чтобы обеспечить безопасность и комфорт для всех участников дорожного движения.

В древнем Риме важная роль отводилась работе римлян, исходя из этих соображений римским императором был установлен запрет на движение по некоторым улицам в определенное время. Так, например, была запрещена езда на частных колесницах по улицам Древнего Рима в рабочее время. Перемещение пешеходов усложнялось ввиду движения транспорта, в связи с этим Юлий Цезарь ввел ограничение на въезд транспорта в город для иногородних. Колесницы иногородним следовало оставлять за чертой города и передвигаться по улицам в качестве пешеходов.

Для осуществления контроля за дорожным движением, а именно, за въездом в город колесниц и привлечением нарушителей к ответственности, были назначены специальные должностные лица — смотрители дорог «*curator viarum*».

Римские дороги были предназначены для перемещения пешком, верхом, а также на колесницах или колясках-каретях, запряженных лошадьми или мулами [3]. И, можно сказать, что первыми участниками дорожного движения были пешеходы, транспортные средства и животные, запряженные в этот транспорт. Регулирование возрастающего транспортного потока с развитием инфраструктуры дорог как внутри страны, так и за ее пределами, должно было рано или поздно отозваться и найти свое законодательное выражение в актах римских государственных деятелей.

Дорожное управление на современном этапе развития включает в себя больше осуществление контроля и применение мер ответственности, в случае нарушения правил дорожного движения, нежели комплексный подход к регулированию дорог, начиная с составления проектов, планирования схем движения и их реализации. Стоит заметить, что в Древнем Риме строительство дорог так же начиналось не с хаотичной стройки, а с плана и разметки. И уже после утверждения римские легионеры переходили к строительству дорог.

Качество дорог Древнего Рима можно назвать отменным, учитывая, что они сохранились до наших дней. Повозки с товарами могли пересекать всю территорию Римской империи по качественным и широким дорогам, что было весьма удобно. Также развитая сеть курьерской связи с почтовыми станциями, размещаемыми через каждые 10–15 километров, позволяла передавать срочные сообщения со скоростью до 80 километров в сутки.

Мощные улицы с твердым покрытием и бордюрами на всем протяжении делали дорогу надежной для передвижения. Есть мнение, что легионерами строились дороги даже на территории других государств, где шли военные действия, для беспрепятственной поставки продовольствия.

Таким образом, правила дорожного движения получили первичное закрепление именно в Римской империи, постепенно совершенствуясь и распространяясь в других странах.

Потребность в правовом регулировании дорожного движения, постепенно назревающая в Древнем Риме, была обусловлена эволюцией общества, развитием транспортных коммуникаций между населёнными пунктами, а также ввиду увеличения количества участников дорожного движения. Всё это привело к принятию правил и требований, регламентирующих упорядочивание движения в населенных пунктах в целях обеспечения безопасности и комфорта.

Подытоживая исследование, отметим, что для Древнего Рима были характерны следующие составляющие, повлиявшие на развитие правового регулирования организации дорожного движения:

- 1) дороги являлись необходимым атрибутом системы управления государством;
- 2) транспортные проблемы в крупных городах толкали власть на их урегулирование, дабы снизить негативный градус общественного недовольства;

3) возникла необходимость соединить Рим с его многочисленными провинциями, соответственно, организовать безопасное дорожное движение по всему пути следования;

4) в связи с увеличением числа участников дорожного движения и в целях безопасности власти Рима приняли решение

разделить дорогу на проезжую часть для транспорта и тротуар — для пешеходов;

5) самые первые дорожные знаки появились именно на римских дорогах для организованности и безопасности в дорожном движении.

Литература:

1. ПДД Древнего Рима: Римские улицы и движение по ним [Электронный ресурс] // URL: <https://etnoc.mirtesen.ru/blog/43034555815/PDD-Drevnego-Rima:-Rimskie-ulitsyi-i-dvizhenie-po-nim> (Дата обращения: 01.02.2024)
2. Рыбин А. Л. История правил дорожного движения. [Электронный ресурс]. Подробнее на livelib.ru: <https://www.livelib.ru/book/193879/readpart-istoriya-pravil-dorozhnogo-dvizheniya-a-l-rybin/~4> (Дата обращения: 04.02.2024)
3. Феномен римских дорог. Как они смогли сохраниться более 2000 лет и почему используются до сих пор. [Электронный ресурс]. Источник: <https://kulturologia.ru/blogs/050321/49203/> (Дата обращения: 01.02.2024)

Перспективы и новый вектор развития административного регулирования в области организации безопасности дорожного движения

Гарифуллин Руслан Рамильевич, студент

Научный руководитель: Дудченко Оксана Сергеевна, доктор юридических наук, профессор
Московский финансово-юридический университет МФЮА

Эта статья о новых, набирающих обороты с развитием научно-технического прогресса, общественных отношениях, возникших в области дорожного движения и связанных с появлением новых транспортных средств и необходимостью их уточнения в законодательных рамках. Автор озвучивает возможные причины, влияющие на увеличение количества совершаемых дорожно-транспортных происшествий, а также останавливается на последствиях, имеющих глобальный масштаб, как для отдельного индивида, так и для страны в целом.

Ключевые слова: дорога, транспорт, происшествие, изменения, правила, самокат, закон.

Prospects and a new vector of development of administrative regulation in the field of road safety organization

This is an article about new, gaining momentum with the development of scientific and technological progress, public relations that have arisen in the field of traffic and related to the emergence of new vehicles and the need to clarify them within the legislative framework. The author voices the possible causes that affect the increase in the number of road accidents committed, and also dwells on the consequences that have a global scale, both for an individual and for the country as a whole.

Keywords: road, transport, incident, changes, rules, scooter, law.

Любые процессы, события, происходящие в обществе, затрагивают всех субъектов в качестве участников определённого вида правоотношений. И вопросы безопасности дорожного движения не являются исключением.

Только системно исследуя вопрос правового регулирования дорожных отношений и учитывая междисциплинарный характер правового регулирования, можно говорить о целостном и последовательном подходе.

Данные статистики, к сожалению, неутешительны. Ежегодно констатируется гибель порядка 1,3 млн человек по всему миру в дорожно-транспортных происшествиях, порядка 20–50 млн людей в результате ДТП получают травмы.

Деятельность в области дорожного движения регулируется совокупностью правовых норм, действие которых распространяется на всей территории России.

Факт нарушения административно-правовых норм свидетельствует об отклонении отдельных субъектов от нормативной модели и правил, регулирующих дорожное движение.

Статистика последних лет свидетельствует о возрастающем количестве правонарушений, связанных с дорожным движением. Причины разные.

Согласно аналитическому отчету специалистов Научного центра безопасности дорожного движения МВД РФ, по итогам

2022 года в России было зафиксировано 204,1 млн нарушений ПДД. Это на 11,5% больше, чем в 2021 году [1].

Среди видимых причин такого состояния дел, как нам кажется, первоначально стоит выделить не совсем корректно составленные уполномоченными органами и должностными лицами планы и схемы организации дорожного движения, что приводит к многочисленным и системным дорожно-транспортным происшествиям на определённых участках дорог. В свою очередь, отсутствие контроля со стороны уполномоченных лиц ведет к повторению происшествий на этом же отрезке дорожной сети.

Второй причиной можно считать недостаточную правовую культуру участников дорожного движения, непонимание последствий нарушений административно-правовых норм.

Среди глобальных последствий, к которым ведут дорожно-транспортные происшествия, можно отметить:

1) снижение численности рождаемости и часть демографического спада можно отнести в перечень негативных последствий от ДТП, в которых ежегодно погибают женщины детородного возраста, а также молодые девушки (статистика в период с 2018 по 2021 год зафиксировала гибель 13 738 женщин);

2) снижение количества трудоспособного возраста для страны (за 2022 год на рассматриваемый возраст (от 30–54 лет) пришлось 75,2% от общего числа погибших в ДТП);

3) травматизм пешеходов (25% всех погибших в ДТП являлись пешеходами) [2].

Одной из важнейших функций государства, является обеспечение правопорядка. Учитывая, что большое количество административных правонарушений приходится именно на нарушение правил дорожного движения, для государства важным элементом сохранения правопорядка является обеспечение безопасности дорожного движения. Стремительное развитие общества требует регулярных законодательно утвержденных изменений и дополнений, ввиду появления новых правовых ситуаций, требующих нормативно-правового закрепления.

В Постановление Правительства РФ от 23.10.1993 № 1090 «О правилах дорожного движения» практически ежегодно вносятся изменения, что говорит о динамичности процессов правового регулирования в области обеспечения безопасности дорожного движения.

В частности, последние изменения, которые вступили в силу с 1 марта 2023 года, касались маркировки знаков и разметки в зоне парковки, появления новых знаков зарядки для электромобилей и так далее...

С развитием общественных отношений возникает необходимость правового регулирования объектов транспортной инфраструктуры, до недавнего времени не имеющих отношения

к дорогам и дорожной безопасности. Некоторых видов транспорта, таких как самокаты или электромобили, не было на дорогах до недавнего времени, соответственно, вопрос правового регулирования не стоял так остро до этого момента.

В связи с этим в 2023 году в России вступил в силу национальный стандарт, устанавливающий добровольные требования к электрическим средствам индивидуальной мобильности (ЭМИС) — электросамокатам, моноколесам, гироскутерам, закрепляемые в ГОСТе Р 70514–2022. Данный документ раскрывает само понятие ЭМИС и определяет допустимые требования по скорости для эксплуатации данного вида транспорта на дорогах.

Оценивая характер изменений в области правил, регулирующих безопасность дорожного движения, следует обратить внимание, что административные правонарушения при эксплуатации новых транспортных средств неминуемо войдут в нашу жизнь.

Обращаясь к Кодексу об административных правонарушениях, к статье 2.1 КОАП РФ, следует обратиться к перечню признаков, по которым можно характеризовать административное правонарушение: противоправность — как первый характерный признак свидетельствует о переходе черты законного и правомерного поведения; виновность: в качестве второго признака предполагает наличие вины за конкретное правонарушение; ну и, третий признак, наказуемость — за каждое противоправное деяние должно быть соразмерное наказание, закрепленное законом.

Однако некоторые авторы отстаивают свою точку зрения, предполагающую, что значительная часть административных правонарушений (закрепленных в КоАП РФ) не несет в себе общественной опасности. Вместе с тем следует заметить, что общественная опасность является принципиальным признаком при отнесении того или иного деяния к правонарушению или преступлению, не так ли? В таком случае, если общественной опасности нет, о каком восстановлении социальной справедливости идет речь?

А потому смеем не согласиться с подобным взглядом, учитывая, что любое незначительное правонарушение, по своей сути, может привести к запуску деструктивного механизма и к последствиям масштабного характера.

Таким образом, технологический прорыв, применение цифровых технологий и других достижений науки и техники, неминуемо доходят до всех общественных институтов. Важно гипотетически предусмотреть возможные последствия в случае совершения правонарушений с участием новых объектов и субъектов дорожного движения и заранее продумать возможные способы обеспечения безопасности дорожного движения с их участием.

Литература:

1. URL: <https://iz.ru/1515332/2023-05-21/nazvano-samoe-chastoe-u-rossiiian-narushenie-pdd> (Дата обращения: 01.02.2024)
2. Государственный доклад о состоянии безопасности дорожного движения в Российской Федерации. Москва, 2023 // URL: <https://гибдд.рф/upload/site1000/folder/original/downloads/gd2023.pdf.pdf> (Дата обращения: 01.02.2024)

Федерализм в современном праве

Данилова Ольга Владимировна, студент магистратуры

Оренбургский институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина

В современной России местное самоуправление и федерализм неразрывно связаны между собой. Отдельные ученые называют местное самоуправление звеном квазифедеративных отношений. В рамках российской концепции организации власти в условиях федеративного государства местное самоуправление, являясь активным началом, с одной стороны, действительно можно рассмотреть как часть федерализма, однако, с другой — как основу развития гражданского общества. Реформирование местного самоуправления продолжается в течение нескольких лет, что не приводит к стабилизации данной сферы общественных отношений на практике. Помимо этого демократический и управленческий потенциал, который несет в себе федерализм и местное самоуправление, в науке недостаточно раскрыт. Особое значение имеют и конституционные новеллы 2020 г. в сфере организации и функционирования местного самоуправления в качестве одного из двух уровней системы публичной власти в Российской Федерации.

Ключевые слова: федеративное устройство, местное самоуправление, публичная власть, Конституция Российской Федерации, единая система публичной власти, уровни публичной власти, государственная власть.

В соответствии с Конституцией Российской Федерации (далее по тексту — Конституция РФ) государственное устройство Российской Федерации основывается в 2-х уровнях организации публичной власти [3]. Население осуществляет собственную власть посредством концепций публичной власти и непосредственно. Концепция публичной власти исполняется в формах: общегосударственной власти РФ; общегосударственной власти субъектов РФ; местного самоуправления. Местное самоуправление — это модель реализации, в том числе, общественностью муниципальных образований своей власти в границах, определенных Конституцией РФ, федеральными и региональными законами.

Ю. М. Алпатов отмечает, что «современное местное самоуправление следует рассматривать как механизм взаимодействия территориальных сообществ и государства, главной задачей которого является согласование соответствующих интересов» [2, с. 62–63].

Федерализм — это универсально значимая власть на всех уровнях, как федеральном, региональном, так и местном. Региональный и местный уровень власти в равной мере, как и федеральный, нацелен на охрану, обеспечение, регулирование интересов целого в противовес отдельному (частному). Региональный и местный уровень административной власти, как и федеральный, способны охранять, отстаивать, обеспечивать не только интересы целого, но и частного.

В свою очередь федеративное устройство России и организация местного самоуправления сопряжены с разделением публичной власти по вертикали, а именно по трем уровням ее осуществления. Очевидно, что не может один уровень публичной власти, а тем более один ее орган осуществлять все публичные функции и полномочия. Разделение публичной власти и по горизонтали, и по вертикали неизбежно. Эффективное осуществление публичной власти, направленное на служение человеку и обществу, основано на единстве и разделении власти.

При этом в нашей стране принцип федерализма по-прежнему остается одной из ключевых конституционных ценностей, что в целом предопределяет общий вектор любых преобразований по части территориальной организации публичной власти в рамках российской модели конституционализма. Да

и ст. 12 российской Конституции, входящая в число основ конституционного строя, как известно, не подвергалась каким-либо изменениям ни в 2020 г., ни когда-либо еще со времени принятия Конституции РФ 1993 год [3, с. 15]. Итак, ст. 12 Конституции, устанавливающая базовые параметры функционирования местного самоуправления в стране, включена в число основ конституционного строя России, в связи с чем местное самоуправление уже само по себе надлежит рассматривать в качестве конституционной ценности того же порядка, что и демократия, высшая ценность человека, достоинство личности, правовое государство, федерализм, разделение властей, неизбывность суверенитета страны и ряд других.

Ранее (до внесения изменений 2020 г.) не использовавшийся в Конституции РФ, как и в других правовых актах, термин «публичная власть» нашел свое отражение в целом ряде видоизмененных конституционных норм, в том числе и в ст. 132, которая была дополнена частью 3, зафиксировавшей следующее: «Органы местного самоуправления и органы государственной власти входят в единую систему публичной власти в России и осуществляют взаимодействие для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории».

Нормы ст. 12 Конституции РФ совершенствованию не подверглись и сохранились в первоизданном варианте. Объясняется это тем, что положения гл. 1 «Основы конституционного строя» Конституции могут быть пересмотрены только лишь путем созыва Конституционного собрания (ст. 135 Конституции РФ). Помимо того, в силу ч. 2 ст. 16 Основного Закона никакие другие положения Конституции РФ не могут противоречить нормам, устанавливающим основы конституционного строя. Тем не менее — хотя, согласно ст. 12 Конституции РФ, органы местного самоуправления не входят в систему государственной власти — в соответствии с новеллами ч. 3 ст. 132 Основного Закона они инкорпорированы в единую институциональную систему с органами государственной власти [12, с. 34].

Концепция публичной власти и ее системы получила дальнейшее развитие в Федеральном законе от 21.12.2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» (далее по тексту —

Федеральный закон «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации») [9]. В соответствии с вышеуказанным Законом, государственные органы и органы местного самоуправления, составляя единую систему публичной власти, взаимодействуют в целях предельно эффективного решения задач в интересах населения, а Президент обеспечивает их согласованное функционирование.

Кроме того, в первой статье данного Федерального закона «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» определено то, что органы государственной власти (и иные государственные органы) осуществляют собственные полномочия на территории субъекта во взаимодействии, в том числе, и с органами местного самоуправления, территориально связанными с этим субъектом. Таким образом, в системе государственного администрирования общественных отношений на данный момент местное самоуправление переходит на качественно новый уровень. Помимо того, также статья первая включает органы местного самоуправления в общую систему разграничения предметов ведения и полномочий, устанавливая еще одну новую категорию — «уровни публичной власти», следовательно, в настоящий момент мы имеем двухуровневую систему государственной власти и трехуровневую систему власти публичной (два уровня государственной власти, а также местное самоуправление).

Бесспорно, данное обстоятельство в определенной степени уменьшит уровень самостоятельности и независимости местного самоуправления в сфере решения населением вопросов местного значения, вместе с тем, значительно повысит эффективность исполнения принимаемых решений.

Отдельная глава в вышеупомянутом Законе посвящена разграничению предметов ведения и полномочий между тремя уровнями системы публичной власти России — федеральными органами, органами субъектов Федерации и местным самоуправлением. Хотя глава и называется «Общие принципы разграничения полномочий между федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъекта Российской Федерации и органами местного самоуправления», однако какие-либо собственные полномочия в сфере осуществления публичной власти для местного самоуправления усмотреть достаточно сложно.

Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее по тексту — Федеральный закон № 131-ФЗ) устанавливает, что местное самоуправление составляет одну из основ конституционного строя РФ [10].

По мнению О. Е. Кутафина и В. И. Фадеева, признание местного самоуправления в этом качестве «предполагает установление децентрализованной системы управления и иных (нежели в условиях централизации и концентрации власти) основ взаимоотношений федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления» [5, с. 90]. Кроме того, сама федеративная форма территориального устройства подразумевает «принципиальную децентрализацию государственной власти» [11, с. 617].

Анализируя вышеизложенное, возникает вопрос о соотношении понятий «единая система публичной власти» и «система органов государственной власти». Равнозначна ли единая система публичной власти, частью которой объявляются органы местного самоуправления, системе органов государственной власти. В Федеральном законе от 8 декабря 2020 г. № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации» публичная власть раскрывается как власть (публичных) органов.

По мнению С. А. Авакьяна, публичная власть — это власть народа, осуществляющаяся в формах государственной власти, общественной власти и смешанной общественно-государственной форме в виде власти местного самоуправления [1, с. 445–446]. Таким образом, органически муниципальная власть как одна из форм народовластия является одним из уровней публичной власти. С одной стороны, из вышесказанного следует, что между системами органов публичной и государственной власти существуют определенные различия. С другой стороны, элементы публичной власти выступают как некая целостность, в которой нет ничего ненастоящего.

В Постановлении от 1 декабря 2015 г. № 30-П КС РФ прямо установлено, что некоторые виды муниципальных образований, а именно муниципальные районы и городские округа (в том числе городские округа с внутригородским делением), по своей правовой природе представляют «публично-территориальную единицу, интегрированную в систему государственно-властных отношений» (п. 4.1), органы публичной власти таких муниципальных образований «призваны не только решать вопросы местного значения, но и участвовать в осуществлении на своей территории государственных функций», прежде всего исполняя государственные полномочия, возложенные на них федеральным центром или субъектом РФ [6].

Как отметил КС РФ, под единством системы публичной власти понимается функциональное единство, которое предполагает согласованное действие различных уровней публичной власти как единого целого. Целью конструктивного взаимодействия органов государственной власти и органов местного самоуправления является наиболее эффективное решение общих задач, непосредственно связанных с вопросами местного значения. Такое взаимодействие не свидетельствует о вхождении органов местного самоуправления в систему органов государственной власти. Категория «единая система публичной власти» производна от основополагающих понятий «государственность» и «государство», означающих политический союз (объединение) многонационального российского народа. Общая суверенная власть этого политического союза распространяется на всю территорию страны и функционирует как единое системное целое в конкретных организационных формах, определенных Конституцией РФ.

Заслуживает внимание, в том числе, тот факт, что высший орган конституционной юстиции указал на то, что самостоятельность местного самоуправления находит свое отражение в определении структуры его органов. Правовую позицию составляет рассмотрение условием самостоятельности местного самоуправления ограничение вмешательства государства в решение вопросов местного значения, и обеспечение баланса ин-

тересов между государственной и муниципальной властью — основной эффективного взаимодействия [7].

Правовая конструкция единой системы публичной власти предполагает собой установление баланса между действующим правовым регулированием, включающим принцип самостоятельности местного самоуправления, как основы конституционного строя, не подлежащей пересмотру, и правоприменительной практикой на местах.

Сохраняя статус признанного, гарантированного и самостоятельного в пределах своих полномочий, местное самоуправление в лице своих органов, как вновь признанной части единой системы публичной власти, получило правовую основу

для активного и тесного взаимодействия с государственными органами по любым вопросам [8, с. 2].

Таким образом, органы местного самоуправления, не входящие в систему органов государственной власти входят в единую систему публичной власти вышеуказанного государственного союза [12, с. 35]. Другой подход к данной проблеме влечет за собой нарушение государственного единства и подразумевает неприменимость к местному самоуправлению базовых конституционно-правовых характеристик Российского государства, и повторяет высказывание Г. В. Барабашева, что это не автономия от государства, но автономия в государстве.

Литература:

1. Авакьян С. А. Конституционный лексикон: государственно-правовой терминологический словарь / С. А. Авакьян. Москва: Юстицинформ, 2015. 639 с.
2. Алпатов Ю. М. Российский федерализм и местное самоуправление: Монография. — М., 2010. — 291 с.
3. Добрынин Н. М. Конституционный принцип единства системы публичной власти: к вопросу об эволюции муниципального управления в России // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 11. 20 с.
4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс».
5. Кутафин О. Е. Муниципальное право Российской Федерации / О. Е. Кутафин, В. И. Фадеев. 3-е изд., перераб. и доп. Москва: Проспект, 2011. 669 с.
6. Постановление КС РФ от 1 декабря 2015 г. № 30-П «По делу о проверке конституционности частей 4, 5 и 5.1 статьи 35, частей 2 и 3.1 статьи 36 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и части 1.1 статьи 3 Закона Иркутской области «Об отдельных вопросах формирования органов местного самоуправления муниципальных образований Иркутской области» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // СПС «КонсультантПлюс».
7. Постановление Конституционного Суда РФ от 01 декабря 2015 г. № 30-П «По делу о проверке конституционности частей 4,5 и 5.1 статьи 35, частей 2 и 3.1 статьи 36 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и части 1.1 статьи 3 Закона Иркутской области «Об отдельных вопросах формирования органов местного самоуправления муниципальных образований? Иркутской области» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // СЗ РФ. 2015. № 50. Ст. 7226.
8. Соколова А. И. Об отдельных вопросах организации местного самоуправления в единой система публичной власти // Труды Оренбургского института (филиала) МГЮА.-2023.-С.4.
9. Федеральный закон от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 52 (часть I). Ст. 8973.
10. Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
11. Четвернин В. А. Раздел VII. Государство: сущность, понятие, структура, функции / В. А. Четвернин // Проблемы общей теории государства и права: учебник для вузов / под общей редакцией В. С. Нерсесянца. Москва: Норма, 2008. 813 с.
12. Щепачев В. А. Конституция Российской Федерации 2020 г.: местное самоуправление в единой системе публичной власти // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 12.

Проблемные аспекты суррогатного материнства

Жигалина Екатерина Сергеевна, студент;

Жидов Александр Андреевич, студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

В данной статье раскрываются проблемные аспекты относительно нового для российского права института суррогатного материнства. Поднимаются такие актуальные вопросы как соотношение врачебной тайны и суррогатного материнства, неоднозначная правовая оценка судами касательно разрешения правовых споров отношений суррогатного материнства. Дается реко-

мендация по улучшению данных правоотношений, их правовой закрепленности и разрешения споров между субъектами таких отношений в судах.

Ключевые слова: суррогатное материнство, проблемные аспекты, врачебная тайна, судебная практика.

В 1995 году в Санкт-Петербургском НИИ акушерства, гинекологии и репродуктологии имени Д. О. Отта впервые в России была применена программа гестационного суррогатного материнства. На сегодняшний день суррогатное материнство в РФ законодательно разрешено как на некоммерческой, так и коммерческой основе. Впервые нормативно-правовые основания данной процедуры появились в 2011–2013 годах, когда были приняты соответствующие нормативные правовые акты. Поэтому и на сегодняшний день институт суррогатного материнства является относительно новым в российском праве и слабо разработанным. Ввиду этого новизна и уникальность таких правоотношений как суррогатное материнство, порождает в правоприменительной практике и научной сфере проблемные темы, что, безусловно, вызывает устранения коллизий, противоречий в данной области с целью защиты прав и законных интересов соответствующих субъектов.

Касательно научной сферы, то довольно значимой и никак формально не урегулированной обстоит ситуация с институтом врачебной тайны субъектов в специфических отношениях суррогатного материнства. Специфичность природы института суррогатного материнства выражается в особенностях не только его субъектного состава, но и целевого предназначения, при этом, касательно рассматриваемой нами проблемы, неотъемлемой частью является постоянный обмен информацией между генетическими родителями и суррогатной матерью, который подразумевает предоставление суррогатной матерью данных о себе и своем здоровье [1]. Так основания, при наличии которых можно разгласить данные сведения, по ч. 2 ст. 13 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в РФ» перечислены исчерпывающим образом. Исходя из содержания данной статьи и отношений суррогатного материнства, можно прийти к выводу, что единственным способом узнать о состоянии здоровья женщины, вынашивающей плод после переноса донорского эмбриона, от которого напрямую будет зависеть и состояние здоровья будущего ребенка, является согласие данной женщины. При несогласии суррогатной матери на предоставление тех или иных медицинских сведений последует отказ от рассмотрения ее кандидатуры [2].

В данной ситуации не будет лишним обратить внимание на регулирование отношений суррогатного материнства в зарубежных странах. Так, в США потенциальные родители совместно с консультирующим врачом определяют список процедур и анализов, которые должна пройти суррогатная мать, и уже по их результатам пара самостоятельно решает, подходит ли им та или иная кандидатура. В договоре также обозначен перечень требуемых обследований с обязательной периодичностью на каждую процедуру имплантации эмбриона [3]. Таким образом, у субъектов, обращающихся к данной процедуре уже имеется доступ о состоянии здоровья женщины, которая потенциально будет вынашивать плод, что является резонно обусловленным, а именно:

1) необходимостью — правоотношение суррогатного материнства может осуществляться лишь при согласии на разглашение информации, в противном случае оно будет фактически невозможным;

2) контролируемостью — четко очерчен круг лиц, которые получают право доступа к врачебной тайне;

3) соразмерностью — разглашение врачебной тайны происходит лишь в объеме, необходимом для реализации процесса суррогатного материнства [4].

Таким образом, по нашему мнению сам факт вступления суррогатной матери и генетических родителей в правоотношения уже мог бы быть основанием для допуска генетических родителей к врачебной тайне суррогатной матери или необходимо дополнить статью 13 № 323-ФЗ, что так же бы и отвечало ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации, в соответствии с которой: права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты здоровья, прав и законных интересов других лиц.

Вторым же проблемным моментом является противоречивая судебная практика, складывающаяся ввиду существующих правовых пробелов, в частности суды по-разному оценивают спорные ситуации, складывающиеся в данных отношениях, так как суды при рассмотрении таких дел основываются на аналогии закона и аналогии права, применение которых не всегда возможно.

Так, одним из примеров применения аналогии усыновления является решение Прикубанского районного суда г. Краснодара от 3 июля 2014 г. по делу № 2–5262/14 об оспаривании отказа выдачи листка нетрудоспособности генетической матери ребёнка, который был рожден суррогатной матерью. Биологическая мать двоих детей, рожденных от суррогатной матери, обратилась в детскую больницу с заявлением о выдаче ей листка нетрудоспособности по беременности и родам сроком на 110 календарных дней. Российским законодательством не предусмотрена выдача листка нетрудоспособности на послеродовой период биологической матери при рождении ребенка суррогатной матерью, вследствие чего она получила отказ. Считая отказ незаконным, она обратилась в суд, который удовлетворил её требование, аргументируя позицию следующим образом: в частности, «целью выдачи листка нетрудоспособности лицам, усыновившим ребенка, является, в том числе, охрана тайны усыновления. Обжалуемый отказ является незаконным в силу нарушения конституционных прав на охрану здоровья, тайну усыновления и конфиденциальность личной информации [5].

Напротив, в решении Тверского районного суда от 7 февраля 2013 г. по делу № 2–640/2013, суд не смог применить аналогию закона в силу отсутствия правовых оснований и специфики правоотношений суррогатного материнства. Заявительница в связи с диагнозом «бесплодие» обратилась к услугам суррогатной матери, но диагноз оказался ошибочным и заявительнице удалось

забеременеть естественным путем в ходе реализации программы с участием суррогатной матери, она родила сына. Параллельно с этим у суррогатной матери родилась дочь. В результате, разница между датами рождения детей составила 5 месяцев 22 дня, свидетельствующая о том, что один из детей рожден не заявительницей, что может в будущем привести к раскрытию тайны рождения дочери. Заявительница обратилась в ЗАГС с просьбой синхронизировать даты рождения детей, но получила отказ. В связи с этим обратилась в суд с заявлением, чтобы обязать внести изменения в запись о рождении сына. Между тем, суд отказал в удовлетворении исковых требований, мотивировав свое решение следующим образом. Во-первых, законодательство не предусматривает возможности изменения даты рождения ребёнка по основаниям, изложенным истцом. Во-вторых, применение по аналогии нормы ст. 135 СК РФ об изменении даты рождения усыновленного ребёнка невозможно, поскольку указанная статья введена для обеспечения тайны усыновления ребёнка. В данном случае Истица является родной матерью сына. В-третьих, при усыновлении в соответствии с действующим законодательством возможно изменение даты рождения ребёнка не более чем на три месяца.

Особенностью рассматриваемой ситуации является разница в возрасте между ребенком суррогатной матери и ребенком, рожденным от биологической матери, старше трех месяцев, если

истец подает заявление об изменении даты рождения будущего ребенка. По словам представителя матери, суд также отказался ответить на запрос, поскольку у него не было законных оснований [6]. Очевидно, что в рассматриваемом деле необходима правовая защита конфиденциальности суррогатного материнства. Из-за врачебной ошибки конфиденциальность данных биологических родителей, конфиденциальность суррогатного материнства и права детей могут привести к нарушению успешного будущего, что, безусловно, недопустимо. Таким образом, представляется необходимым закрепить правовое регулирование, необходимое для обеспечения конфиденциальности суррогатного материнства. Представляется желательным создать специальный регулирующий механизм для защиты конфиденциальности суррогатного материнства и правил репродуктивной конфиденциальности, включая ограничения на этот режим.

Существующая практика решения проблем суррогатного материнства по аналогии с конфиденциальностью усыновления не позволяет нам полностью решить проблемы из-за особенностей юридических правоотношений. Предлагаемое нововведение акцентирует внимание на недопустимости нарушений конституционных прав на охрану здоровья, конфиденциальности суррогатного материнства и конфиденциальности персональных данных.

Литература:

1. Федорова, Г. Ю. Врачебная тайна в правоотношениях суррогатного материнства / Г. Ю. Федорова. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2017. — № 23 (157). — С. 223–226. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/157/44451/> (дата обращения: 25.02.2024).
2. Экономика. Право. Общество. Том 6, № 3 (27), 2021 Семья и общество 84 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://dx.doi.org/10.21686/2411-118X-2021-3-84-90> Особенности правовой политики врачебной тайны в отношениях суррогатного материнства (дата обращения: 24.02.2024)
3. Beulier M. D. Surrogacy in Minnesota. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.nvo.com/beulier/minnesotasurragacycontracts> (дата обращения: 23.02.2024)
4. Экономика. Право. Общество. Том 6, № 3 (27), 2021 Семья и общество 84 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://dx.doi.org/10.21686/2411-118X-2021-3-84-90> Особенности правовой политики врачебной тайны в отношениях суррогатного материнства (дата обращения: 24.02.2024)
5. Решение № 2-5262/14 2-5262/2014 2-5262/2014-М-4834/2014 М-4834/2014 от 3 июля 2014 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://sudact.ru/regular/doc/eZ2PMQss811K/> (дата обращения: 21.02.2024)
6. Набиуллина В. Р. Тайна суррогатного материнства // Вопросы российского и. международного права. 2023. Том 13. № 4А. С. 216–221. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.publishing-vak.ru/file/archive-law-2023-4/c10-nabiullina.pdf> (дата обращения: 25.02.2024)

Развитие института отказа в возбуждении уголовного дела в отечественном законодательстве

Исаков Одил Олимович, студент магистратуры

Новосибирский юридический институт (филиал) Национального исследовательского Томского государственного университета

В данной статье рассматриваются этапы развития института отказа в возбуждении уголовного дела в отечественном законодательстве. Анализируются действовавшие в разные исторические периоды законодательные акты, которыми предусматривались основания, препятствующие началу уголовного преследования. Проведенное исследование позволяет автору сделать вывод

о том, что в отечественном законодательстве в той или иной мере всегда предусматривались нормы, в которых закреплялись основания и порядок отказа от уголовного преследования, и при этом возбуждение самого уголовного дела исключалось. Данный правовой механизм постепенно привел к формированию и развитию такого института, как отказ в возбуждении уголовного дела.

Ключевые слова: уголовно-процессуальное законодательство, уголовное судопроизводство, уголовное преследование, стадия возбуждения уголовного дела, отказ в возбуждении уголовного дела, история и этапы развития.

Development of the institute of refusal to initiate criminal proceedings in domestic legislation

Isakov Odil Olimovich, student master's degree

Novosibirsk Law Institute (branch) of the National Research Tomsk State University

This article discusses the stages of development of the institution of refusal in initiating a criminal case in domestic legislation. The legislative acts in force in different historical periods are analyzed, which provided grounds for preventing the initiation of criminal prosecution. The conducted research allows the author to conclude that domestic legislation, to one degree or another, has always provided for norms that set out the grounds and procedure for refusing criminal prosecution, and at the same time, the initiation of a criminal case itself was excluded. This legal mechanism gradually led to the formation and development of such an institution as refusal to initiate criminal proceedings.

Keywords: criminal procedure legislation, criminal proceedings, criminal prosecution, stage of initiating a criminal case, refusal to initiate a criminal case, history and stages of development.

В современной России назначением уголовного судопроизводства является защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. Вместе с тем, уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания в той же мере отвечают назначению уголовного судопроизводства, что и отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию.

Реализация такого принципа уголовного судопроизводства осуществляется при помощи норм, закрепленных в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации, которые выступают как процессуальные гарантии защиты прав и свобод человека и гражданина. На основании данных норм в ходе уголовного процесса уполномоченными на то должностными лицами принимаются различные процессуальные решения, в том числе и отказ в возбуждении уголовного дела по результатам проведения проверки сообщения о преступлении. Решение об отказе в возбуждении уголовного дела принимается при отсутствии события преступления, в деянии состава преступления или же по иным основаниям, предусмотренным в ст. 24 УПК РФ. Законное и обоснованное принятие такого решения исключает ряд негативных последствий: незаконное возбуждение уголовного дела, незаконное подозрение лица в совершении преступления и его уголовное преследование, необоснованное привлечение лица к уголовной ответственности и его осуждение.

Уголовно-процессуальные нормы, которыми регламентирована деятельность органов предварительного расследования по принятию решения о невозможности возбуждения уголовного дела ввиду отсутствия предусмотренных законом оснований для начала уголовного преследования, либо наличия обстоятельств, которые исключают производство по уголовному делу, образуют институт отказа в возбуждении уголовного дела [1].

Действующее уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации, претерпевая множество изменений, формировалось на протяжении всего развития государства и общества и имеет свои исторические корни. Автор согласен с Д. С. Злыденко и А. Г. Рябченко, которые утверждают, что современное состояние института отказа в возбуждении уголовного дела отражает продолжительный процесс его формирования [2]. Исследование позволяет сделать вывод, что институт отказа в возбуждении уголовного дела в той или иной форме существует со времен становления Российской государственности и имеет определенные этапы развития.

В первом своде законов Руси — «Русской правде» содержались некоторые нормы, предусматривающие основания освобождения лица от ответственности. Например, если лицо после совершения хищения чужого имущества добровольно вернуло его владельцу, или же если лицо возместило ущерб, который оно причинило своим преступным деянием, то лицо освобождалось от ответственности. Аналогичный порядок освобождения лица от наказания за совершенное противоправное деяние предусматривался в Соборном уложении 1649 года [3], в «Артикуле воинском» 1715 года [4], а также в последующих нормативных актах до проведения в 1864 году Судебной реформы.

Уложением о наказаниях уголовных и исправительных, являвшимся томом № 15 свода законов Российской Империи 1845 года, досудебное производство по уголовным делам делилось на следствие предварительное и на следствие формальное. На стадии предварительного следствия решались задачи, связанные с уместностью начала уголовного судопроизводства при наличии поводов: явка с повинной, заявление потерпевшего, донос. На стадии же формального следствия решались задачи, связанные с установлением вины конкретного лица в совершении преступного деяния, а также вопросы о необходимости назначения наказания [5].

В названном законодательстве были закреплены определенные основания отказа от уголовного преследования (ст.ст.

92–103): случайное невинное совершение противоправного деяния; малолетство в таком возрасте, когда подсудимый не мог еще иметь понятия о свойстве деяния; безумие, сумасшествие и припадки болезни, приводящие в умоисступление или совершенное беспамятство; ошибка случайная или вследствие обмана; принуждение от превосходящей непреодолимой силы; необходимая оборона [6].

Отказ в возбуждении уголовного дела более детально был регламентирован после проведенной Судебной реформы 1864 года. С принятием Устава уголовного судопроизводства 1864 года отменилось вышеупомянутое деление досудебного производства на две стадии, и вместе с тем, было введено полицейское дознание и предварительное следствие. В Уставе предусматривались нормы, касающиеся «начатия следствия», то есть порядка проверки сообщения о преступлении и возбуждения уголовного дела.

Наряду с этим, ст. 16 Устава уголовного судопроизводства устанавливала перечень оснований, при которых государство отказывалось в уголовном преследовании лица, а именно: при смерти обвиняемого; при истечении давности; при примирении обвиняемого с обиженным в указанных законом случаях; при наличии высочайшего указа или общего милостивого манифеста, дарующего прощение. Как такового понятия «отказ в возбуждении уголовного дела» в Уставе не использовалось, однако в законе предусматривался порядок принятия должностными лицами данного решения, если отсутствовали поводы и достаточные основания к возбуждению уголовного дела. Так, в Уставе имелись нормы, регламентирующие осуществление прокурорского надзора при решении вопроса о «начатии судебного следствия», то есть о возбуждении уголовного дела. Устав наделял следователя обязанностью «немедленно сообщать прокурору или его товарищу в тех случаях, когда в сообщениях полицейских или других присутственных мест не найдет достаточных оснований к предварительному следствию» (ст. 309). Кроме того, прокурор не должен был требовать начала предварительного следствия без достаточных к тому оснований (ст. 312) [7].

Таким образом, можно сделать вывод, что именно принятие Устава уголовного судопроизводства дало начало формированию и развитию стадии возбуждения уголовного дела как самостоятельной стадии уголовного судопроизводства.

Следующий этап развития института отказа в возбуждении уголовного дела и в целом уголовно-процессуального законодательства связан со сменой власти в государстве вследствие Октябрьской революции 1917 года. В период становления советского государства деятельность вновь созданных органов власти осуществлялась на основе социалистического правосознания. Уголовное судопроизводство ввиду отсутствия новой системы законодательства регулировалось как существовавшим до революции законодательством, так и принятыми государственными органами новыми декретами. Так, ст. 5 «Декрета о суде» от 22 ноября (5 декабря) 1917 года обязывала местные суды решать дела именем Российской Республики и руководствоваться в своих решениях и приговорах законами свергнутых правительств лишь постольку, поскольку таковые были не отменены революцией

и не противоречили революционной совести и революционному правосознанию [8].

В период с 1917 года по 1922 год в государстве отсутствовала определенная и иерархическая система законодательства, регламентирующая порядок уголовного судопроизводства. Также и отсутствовала в законе формулировка «отказ в возбуждении уголовного дела». На основании этого, можно сделать вывод, что в указанный период после проведенной революции имелся существенный пробел в уголовно-процессуальном законодательстве касательно порядка отказа в возбуждении уголовного дела.

В 1922 году был принят Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, который являлся первым кодифицированным источником советского уголовно-процессуального права [9]. Принятие и введение в действие названного Кодекса явилось важным шагом для развития уголовно-процессуального законодательства, в том числе и института отказа в возбуждении уголовного дела. В УПК РСФСР 1922 года стадия возбуждения уголовного дела рассматривалась уже как самостоятельная стадия уголовного процесса, и для нее была посвящена целая глава 7, которая называлась «Возбуждение производства по уголовному делу». Именно в данной главе были определены поводы, основания для возбуждения уголовного дела, а также его порядок. Вместе с этим, определялся и порядок отказа в возбуждении уголовного дела. Так, суд, прокурор, следователь или органы дознания должны были отказывать в производстве дознания или предварительного следствия, если в заявлении или сообщении отсутствовали признаки преступления, а также объявлять о таком принятом решении заинтересованным лицам или учреждениям. Принятое решение об отказе могло быть обжаловано в суд в семисуточный срок (ст. 100).

Обстоятельствами, служившими основаниями для исключения возможности начать уголовное преследование лица, являлись: смерть обвиняемого; примирение обвиняемого с потерпевшим по делам, возбуждаемым не иначе, как по жалобе потерпевшего; отсутствие жалобы потерпевшего по делам о преступлениях, возбуждаемым не иначе, как по таковым жалобам; истечение давности; отсутствие в действиях, приписываемых обвиняемому, состава преступления; акт об амнистии, если таковая исключала наказуемость совершенного обвиняемым, или помилования отдельных лиц или прекращения дел о них постановлением Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета или его Президиума в порядке предоставленных ему законом прав (ст. 4).

В дальнейшем вышеуказанные нормы в неизменном виде унаследовало и УПК РСФСР 1923 года, который действовал до 1960 года [10].

В 1925 году УПК РСФСР дополнился новым основанием для отказа в возбуждении уголовного дела, которым явилась малозначительность или ничтожность негативных последствий преступного деяния [11]. В настоящее время по уголовному законодательству данное обстоятельство в целом исключает преступность деяния в силу того, что оно не представляет общественной опасности. Однако в 1926 году предусматривавшая данное основание норма была отменена в связи с тем, что принятие решения об отказе в возбуждении по данному основанию

могло привести к многочисленным фактам злоупотребления полномочиями со стороны должностных лиц.

Последующим этапом развития рассматриваемого института явилось принятие в 1960 году нового УПК РСФСР, в котором использовалась формулировка «отказ в возбуждении уголовного дела» [12]. В ст. 113 УПК РСФСР была закреплена процессуальная форма отказа в виде мотивированного постановления, а также регламентировался порядок принятия такого решения. Также по новому кодексу наряду с прокурором, следователем и органом дознания правом принимать решение об отказе в возбуждении уголовного дела обладал суд. Закон также закреплял право граждан обжаловать решение должностных лиц об отказе надлежащему прокурору или в вышестоящий суд.

Следует отметить, что основания отказа в возбуждении уголовного дела были расширены. Так, в данном УПК РСФСР уже имеющиеся и известные нам обстоятельства, являвшиеся основаниями для отказа, были дополнены следующими: отсутствие события преступления (п. 1 ч. 1 ст. 5); наличие в отношении лица вступившего в законную силу приговора суда по этому же обвинению или определения либо постановления суда о прекращении дела по тому же основанию (п. 9 ч. 1); наличие в отношении лица неотменного постановления органов предварительного следствия, прокурора о прекращении дела по тому же обвинению, за исключением случаев, когда необходимо возбуждение дела признана судом, в уголовном производстве которого находится уголовное дело (п. 10 ч. 1 ст. 5); отказ священнослужителя от дачи показаний по обстоятельствам, известным ему из исповеди (п. 11 ч. 1 ст. 5).

Современным и более новым этапом развития отказа в возбуждении уголовного дела как института уголовно-процессуального права стал 2001 год, в котором был принят действующий по настоящее время УПК РФ [13]. Впервые на законодательном уровне основания отказа в возбуждении уголовного дела были выделены в отдельную главу 4 УПК РФ. Необходимо отметить, что основания были закреплены с учетом прошлого законодательства и претерпели небольшие изменения в формулировках без искажения их смысла. При этом основания, которые были предусмотрены п.п. 10 и 11 ч. 1 ст. 5 УПК РСФСР, были исключены из списка. Вместе с тем, предусмотрено новое основание, которым закрепляется процессуальное положение отдельных категорий лиц (п. 6 ч. 1 ст. 24 УПК РФ). Стоит отметить, что в 2023 году УПК РФ был дополнен еще одним основанием, предусматривающим возможность отказа

в возбуждении уголовных дел, связанных с уклонением уплаты налогов, сборов и страховых взносов (п. 7 ч. 1 ст. 24 УПК РФ).

Порядок принятия решения об отказе в возбуждении уголовного дела стал более подробно стал регулироваться в ст. 148 УПК РФ, в которой помимо прочего указаны субъекты, уполномоченные принимать данное решение, предписана обязанность должностных лиц принимать решения о заведомо ложном доносе в отношении заявителя при сообщении в отношении конкретного лица, письменно уведомлять заинтересованных лиц о принятии такого решения и направлении его копии прокурору, а также предусмотрена невозможность отказа в возбуждении уголовного дела следователем без согласия руководителя следственного органа по материалам, поступившим от прокурора.

Таким образом, исследование института отказа в возбуждении уголовного дела позволяет сделать вывод о том, что на во все периоды истории России предусматривались определенные обстоятельства, при которых не допускалось осуществление уголовного преследования. Следует отметить, что именно такие обстоятельства в действующем законодательстве называются основаниями отказа в возбуждении уголовного дела.

Вопрос о дальнейшем развитии института отказа в возбуждении уголовного дела и в целом стадии его возбуждения вызывает несомненный интерес и оставляет тему актуальной. Среди ученых имеются различные точки зрения по поводу сохранения стадии возбуждения уголовного дела. Некоторые придерживаются точки зрения об упрощении норм уголовно-процессуального законодательства, регулирующих стадию возбуждения уголовного дела, в том числе и института отказа, по различным доводам. Другие же утверждают, что проблемы на данной стадии возникают не из-за самого факта существования стадии возбуждения уголовного дела, а связаны они с иными причинами.

На мой взгляд, исключение стадии возбуждения уголовного дела из уголовно-процессуального законодательства приведет к серьезным неблагоприятным последствиям на практике. Например, если уголовное дело будет возбуждено незаконно, соответственно, лицо незаконно подвергнется уголовному преследованию, то это приведет к необходимости прекратить уголовное дело по реабилитирующим основаниям с возмещением имущественного и морального вреда, что повлечет трату значительного времени и средств, а также может исказить статистические данные.

Литература:

1. Васильев Ф. Ю. «К вопросу о понятии института отказа в возбуждении уголовного дела в российском уголовном процессе» // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России, 2015. С. 103–106.
2. Злыденко Д. С., Рябенко А. Г. «Историческая эволюция института отказа в возбуждении уголовного дела в российском законодательстве» // Право и практика, 2021. С. 39–45.
3. Тихомиров М. Н., Епифанов П. П. Соборное уложение 1649 года. М., 1961. С. 111.
4. Артикул воинский от 26.04.1975 г. URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/articul.htm> (дата обращения 27.02.2024).
5. Баршев Я. И. Основания уголовного судопроизводства. СПб. 1841. С. 111.
6. Свод законов Российской Империи. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?window_volume_contents&volume=100019 (дата обращения 28.02.2024).

7. Устав уголовного судопроизводства 1864 г. URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/> (дата обращения 28.02.2024).
8. Декреты Советской власти. Т. I. М., Гос. изд-во полит. литературы, 1957. С. 124–126.
9. Постановление ВЦИК от 25.05.1922 «Об Уголовно-Процессуальном Кодексе» (вместе с «Уголовно-Процессуальным Кодексом Р.С. Ф. с. Р»). URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=4006#YOА9I5UuvVusUKSv> (дата обращения 29.02.2024).
10. Постановление ВЦИК от 15.02.1923 «Об утверждении Уголовно-Процессуального Кодекса Р.С. Ф. с. Р». (вместе с «Уголовно-Процессуальным Кодексом Р.С. Ф. с. Р»). URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=3551#чусСI5UgbDaZBIY> (дата обращение 29.02.2024).
11. О дополнении Уголовно-Процессуального Кодекса статьями 4-а, 203-а, 222-а: декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 09.02.1925 г. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/361424-dekret-vserossiyskogo-tsentralnogo-ispolnitelnogo-komiteta-i-soveta-narodnyh-komissarov-o-dopolnenii-ugolovno-protsessualnogo-kodeksa-statyami-4-a-203a-222-a-9-fevralya-1925-g> (дата обращения 29.02.2024).
12. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 27.10.1960 г. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&pre-vDoc=102016313&backlink=1&&nd=102010093> (дата обращения 29.02.2024).
13. «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 г. N174-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения 01.03.2024).

Анализ проблем частичной мобилизации и их решение посредством применения электронной сферы предоставления государственных услуг

Кононенко Тимофей Евгеньевич, студент магистратуры

Московский областной филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Красногорск)

В научной статье дается описание проблем, выявленных при проведении частичной мобилизации, проводимой в интересах специальной военной операции и пути их решения с применением информационных технологий в сфере предоставления оказания государственных услуг.

Ключевые слова: специальная военная операция, портал «Госуслуги», резервисты, электронная повестка, военный комиссариат, воинский учет.

Analysis of problems of partial mobilization and their solution through the use of electronic public service provision

Kononenko Timofey Yevgenyevich, student master's degree

Moscow Regional Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Krasnogorsk)

The scientific article describes the problems identified during the partial mobilization carried out in the interests of a special military operation and the ways to solve them using information technology in the provision of public services.

С начала 2022 года Российская Федерация приступила к проведению специальной военной операции на территории Украины, что заставило государство приложить усилия к частичной мобилизации резервистов. Однако, даже при наличии детально разработанного законодательства в области военной службы, проведение частичной мобилизации выявило недостатки в системе воинского учета, осуществляемой Министерством обороны. Эти недостатки привели к нарушению сроков проведения мероприятия и созданию путаницы в процессе его реализации.

В частности, была обнаружена проблема, связанная с устаревшей информацией в воинском учете у многих граждан. Основные проблемы включают:

— Неактуальность места регистрации граждан в соответствии с данными военного комиссариата;

— Несоответствие учетных данных о семейном статусе и возможно приобретенной инвалидности после прохождения воинской службы.

Каждая из этих проблем имела негативные последствия для проведения частичной мобилизации и несла в себе определенные риски. Например, проблема, связанная с устаревшими данными места жительства, фактически привела к бесполезности проводимых мероприятий, поскольку повестки достигали адресатов, который уже не проживали по указанному адресу. Что касается несоответствия анкетных данных в части

касающихся семейного положения, а также информации о приобретенной инвалидности после службы, то это привело к возникновению внутривойсковых проблем выразившихся в недовольство граждан и даже небольшому их оттоку за границу, поскольку действия военных комиссариатов походили на беспредел с их стороны.

Таким образом, имеются явные проблемы в системе воинского учета, которые привели к значительным затратам временных, человеческих и материальных ресурсов без достижения целей.

Помимо описанных проблем с актуальностью данных, существует проблема, связанная с хранением информации о резервистах, которая характеризуется наличием всех данных на бумажных носителях. Это создает благоприятные условия для коррупционных действий и мошенничества. Например, известны случаи, когда личные дела бывших военнослужащих по контракту после расторжения контракта не были отправлены в военные комиссариаты в срок, чтобы быть включенными в резервный список. Также имеются случаи, когда личные дела выдавались бывшим военнослужащим лично, чтобы быть переданными в военный комиссариат, но оставались у них на руках, что делало невозможным их включение в список резервистов во время частичной мобилизации.

Эти факты стоит рассматривать в контексте огромной нагрузки на кадровые подразделения воинских частей, что может приводить к описанным ситуациям.

Приведенные выше обстоятельства побудили Министерство обороны к установлению взаимодействия с электронной государственной системой предоставления государственных услуг. Министерство обороны характеризуется как закрытая и консервативная структура. Внедрение новых технологий всегда вызывало сопротивление, как, например, во время первой мировой войны, когда военное ведомство игнорировало танковые клинья, полагаясь на удачу кавалерийских эскадронов. Тем не менее, российские танки впоследствии признаны лучшими в мире по многим параметрам.

Также в начале специальной военной операции отношение к квадрокоптерам и ударным дронам было скептическим, и их использование обеспечивалось за счет волонтерских организаций. В настоящее время Российская Федерация является одним из ведущих производителей ударных дронов, и квадрокоптеры официально включены в штаты подразделений.

Аналогичный подход прослеживается в отношении сотрудничества Министерства обороны с областью электронных государственных услуг, где только спустя 17 лет функционирования системы государственных услуг Министерство обороны начало ее активное использование. Существует значительный прогресс в сфере сотрудничества, что проявляется в подготовке проекта изменений положения о призыве на военную службу Министерства обороны. В рамках данного проекта предполагается ведение личных дел призывников и резервистов в электронной форме с использованием данных российского портала «Госуслуги» и других баз данных. В частности, планируется использование баз данных, связанных с здравоохранением и межведомственным взаимодействием.

Кроме того, по Федеральному закону «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 14.04.2023 года, повестки в военный комиссариат будут отправляться через портал «Госуслуги» с использованием единого электронного реестра военнообязанных, который должен будет быть создан к 01 апреля 2024 года. Электронные повестки имеют такие же права и эквиваленты, как и повестки на бумажных носителях. После опубликования уведомления в личном кабинете на портале «Госуслуги», которое означает вручение, гражданин обязан появиться в военном комиссариате в течение 20 дней. В случае неявки в установленные сроки, портал «Госуслуги» применяет ограничительные меры в отношении гражданина, включая:

- Запрет на регистрацию гражданина в качестве индивидуального предпринимателя;
- Отсутствие возможности зарегистрировать приобретенное имущество в кадастровом учете;
- Ограничение права гражданина на использование личного автотранспорта, а также на регистрацию и снятие с учета транспортных средств;
- Отказ в заключении кредитного договора.

Кроме ограничительных мер, портал «Госуслуги» предоставляет возможность гражданам становиться на учет или изменять свои данные воинского учета без личного посещения военного комиссариата.

Такие инициативы взаимодействия Министерства обороны с государственными услугами в электронном формате давно назрели, поскольку государственные услуги охватывают практически все сферы жизнедеятельности граждан. Отсутствие взаимодействия государства с гражданами в военной сфере выглядело несколько странно, учитывая, что воинская служба является одной из основополагающих сфер безопасности государства. Принятые меры фактически уравнивают всех граждан в исполнении воинского долга и исключают возможные несправедливости, которые могли бы привести к возмущениям среди граждан, создавая потенциальные угрозы для существующего конституционного строя.

Что же касается перспектив применения вышеуказанных мероприятий, то в ближайшее время в массовом порядке повестки в электронном формате применяться не будут, вне зависимости от того, как будет складываться ситуация с проведением специальной военной операции на Украине. Фронт насыщен резервистами благодаря частичной мобилизации, кроме того, Министерство обороны применило стратегию, направленную на привлечение добровольцев, в частности проводит активные информационные кампании, поднимает статус участников специальной военной операции в обществе, предоставляет различного рода льготы что позволяет, благодаря этой стратегии, в необходимом количестве обеспечивать потребность министерства обороны в людском ресурсе.

Российская Федерация всегда являлась объектом интересов многих стран, некоторые страны желают сотрудничества, совместного развития, а некоторые желают ее развала и разграбления. Так было всегда и не изменится никогда. Такое испытание как специальная военная операция не первое, и к сожалению, не будет являться последним. Это осознает государство, ищет

решения проблем, и одним из решений как раз и является внедрение в электронное поле организационных мероприятий по выполнению воинского долга, их централизации, доступности,

оперативности, что в будущем позволит нашему государству ещё решительней и активней отстаивать свои лидирующие позиции на мировой арене.

Литература:

1. Федеральный закон от 26.02.1997 № 31-ФЗ «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации» // СЗ РФ. — 1997. — № 11.
2. Федеральный закон от 28.03.1998 № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» // СЗ РФ. — 1998. — № 23.
3. Федеральный закон от 27.05.1998 № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» // СЗ РФ. — 1998. — № 38.
4. Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» // СЗ РФ. — 2010. — № 42.
5. Федеральный закон от 14.04.2023 № 127-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. — 2023. — № 22.

Проблемы исполнения различных видов договоров энергоснабжения, действующих на оптовом рынке электрической энергии, на примере договора о предоставлении мощности

Коряковцева Виктория Александровна, студент магистратуры

Научный руководитель: Лада Алексей Сергеевич, кандидат юридических наук, доцент

Дальневосточный институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (г. Хабаровск)

В статье автор исследует договоры энергоснабжения, действующие на оптовом рынке, договорную деятельность субъектов этого рынка, а также порядок, виды, особенности и проблемы исполнения договоров о предоставлении мощности.

Ключевые слова: электрическая энергия, оптовый рынок электроэнергетики, договор о предоставлении мощности, объект генерации.

Энергопотребление на душу населения в последние годы возрастает, при этом вектор потребления смещается в сторону использования электрической энергии как наиболее экологически безвредной. Электрическая энергия может быть легко преобразована в тепловую или кинетическую энергию. Электрические двигатели постепенно вытесняют двигатели внутреннего сгорания во всем мире.

Современные производственные процессы происходят на основе различных видов договоров, в том числе, заключаемых между продавцами (производителями) и потребителями электрической энергии.

Предметом договора энергоснабжения является электрическая энергия. Понятие «электрическая энергия» не имеет легальной формулировки ни в Гражданском кодексе, ни в федеральном законе «Об электроэнергетике», хотя в Постановлении Правительства РФ № 526 от 11.07.2001 г. (в ред. от 20.03.2013 г.) [1] достаточно подробно раскрыты такие термины, как производство (генерация) энергии, передача электрической энергии, распределение электрической энергии (мощности), сбыт энергии (мощности). Общим в этих терминах является то, что они обозначают действия над электрической энергией. Но эти действия неотделимы друг от друга, ведь производимая энергия должна быть одновременно распределена и потреблена.

Электрическая энергия как товар обладает особенностями, оказывающими влияние на характер ценообразования. Не-

возможно накопить или вернуть потребленную электрическую энергию. Объемы вырабатываемой электрической энергии зависят от потребителей: невозможно выработать энергии больше, чем смогут использовать потребители. Производство и потребление электроэнергии необходимо оценивать как по годовому объему, так и по пиковым часовым нагрузкам. Энергоснабжение должно быть непрерывным. При транспортировке электрической энергии неизбежны ее потери.

В электроэнергетике действует конкурентный оптовый рынок электрической энергии (мощности). Федеральный закон «Об электроэнергетике» определил оптовый рынок электрической энергии (мощности) как сферу обращения особого товара — электрической энергии (мощности) в рамках Единой энергетической системы России в границах единого экономического пространства Российской Федерации с участием крупных производителей и крупных покупателей электрической энергии, получивших статус субъектов оптового рынка и действующих на основе правил, утверждаемых в соответствии с Федеральным законом Правительством РФ [2].

В настоящий момент, согласно Федеральному закону, к субъектам оптового рынка относятся участники обращения электрической энергии, а также мощности — поставщики электрической энергии (генерирующие компании) и покупатели электрической энергии (энергосбытовые организации, крупные

потребители электрической энергии, гарантирующие поставщики), получившие статус субъектов оптового рынка [3].

Оптовый рынок электроэнергии и мощности содержит три сектора торговли электрической энергией. В качестве критериев отличия используют сроки исполнения поставок и применяемые на них договора: долгосрочный рынок, рынок на сутки вперед (РСВ, или спот-рынок), балансирующий рынок (или рынок отклонений между плановым и фактическим потреблением) [4].

Оптовый рынок электрической энергии включает субрынки: свободных двусторонних договоров, регулируемых договоров, мощности, финансовый, системных услуг и другие субрынки, различающиеся способами и объектами торговли.

На оптовом рынке действует организованная система договоров между субъектами оптового рынка, определяющая основные условия деятельности соответствующих субъектов на оптовом рынке, условия продажи электрической энергии и мощности, оказания услуг. Перечень, система и порядок заключения обязательных для участников оптового рынка договоров определяются Правилами оптового рынка.

Наряду с системой договоров, приведённых в правилах оптового рынка, субъекты оптового рынка (поставщики и покупатели электроэнергии и мощности) могут заключать двусторонние договоры купли-продажи электрической энергии (мощности). Субъекты оптового рынка выбирают контрагентов по таким договорам, не ориентируясь на положения правил.

Договор, заключаемый на оптовом рынке, подразделяются на обязательные и регулируемые.

К обязательным договорам и соглашениям, которые заключаются участниками оптового рынка электрической энергии и мощности с АО «АТС», относятся: договоры о присоединении к торговой системе оптового рынка (ДОП); договоры о предоставлении мощности и договоры о предоставлении мощности введенных в эксплуатацию генерирующих объектов (ДПМ); договоры купли-продажи (поставки) мощности новых гидроэлектростанций (в том числе гидроаккумулирующих электростанций) и договоры купли-продажи (поставки) мощности новых атомных станций (ДПМ ГЭС и ДПМ АЭС); договоры купли-продажи мощности по результатам конкурентного отбора мощности (договоры КОМ); договоры купли-продажи мощности, производимой с использованием генерирующих объектов, поставляющих мощность в вынужденном режиме (договоры ВР); регулируемые договоры купли-продажи электрической энергии и мощности (РД); договоры о предоставлении мощности квалифицированных генерирующих объектов, функционирующих на основе использования возобновляемых источников энергии (ДПМ ВИЭ); договоры поручительства для обеспечения исполнения обязательств поставщика мощности по договорам о предоставлении мощности квалифицированных генерирующих объектов, функционирующих на основе использования возобновляемых источников энергии (ДП к ДПМ ВИЭ); договоры поручительства для обеспечения исполнения обязательств поставщика мощности по договорам купли-продажи мощности по результатам конкурентного отбора мощности (ДП к договорам КОМ); соглашения о порядке расчетов, связанных с уплатой продавцом штрафов по договорам о предоставлении мощности квалифи-

цированных генерирующих объектов, функционирующих на основе использования возобновляемых источников энергии (соглашения по ДПМ ВИЭ); соглашения о порядке расчетов, связанных с уплатой продавцом штрафов по договорам купли-продажи мощности по результатам конкурентного отбора мощности (соглашения по договорам КОМ) [5].

Договоры КОМ, ВР и РД заключаются в электронном виде с применением средств электронной подписи, остальные договоры и соглашения требуют оформления документа на бумажном носителе с обязательными реквизитами и подписями сторон.

Регулируемые договоры — система договоров на оптовом рынке на поставку электрической энергии и мощности, заключаемых между производителями электрической энергии и мощности и гарантирующими поставщиками, энергосбытовыми и энергоснабжающими организациями. Покупателями электрической энергии и мощности является население.

Способы торговли, представленные в п. 4 Правил оптового рынка, подразделяются на: 1) торговля исключительно электрической энергией; 2) торговля исключительно мощностью; 3) торговые операции в отношении и электрической энергии, и мощности; 4) торговые операции в отношении или электрической энергии, или мощности (альтернативные способы, предоставляющие участникам оптового рынка право выбора товара).

Порядок заключения договоров на оптовом рынке электрической энергии и мощности, по существу, включает три способа:

- 1) торги (например, заключение договора на рынке системных услуг);
- 2) конкурентные процедуры, не являющиеся торгами в смысле ГК РФ (например, ДПМ ВИЭ);
- 3) неторговые способы (свободные двусторонние договоры купли-продажи; договор о присоединении к торговой системе оптового рынка; регулируемые договоры).

Первый и второй способы заключения договоров являются конкурентными.

Договор о предоставлении мощности — это инвестиционный договор, предусматривающий компенсацию затрат и получение прибыли генерирующими компаниями за счет средств, получаемых от принудительного включения соответствующих составляющих в структуру платы, вносимой определенными в специальном порядке покупателями мощности. В отношении отобранных инвестиционных проектов в установленном договором о присоединении к торговой системе оптового рынка порядке заключаются договоры купли-продажи (поставки) мощности, указанные в подпункте 7 пункта 4 настоящих Правил, по итогам дополнительного отбора инвестиционных проектов [6].

Анализируя судебную практику, сформулируем основные проблемы реализации ДПМ.

Одной из них является проблема несвоевременного ввода в эксплуатацию объектов генерации, строительство которых осуществлялось по ДПМ.

Например, генерирующая компания в порядке и на условиях, которые установлены нормативными актами в сфере исполнения обязательств по договорам о предоставлении мощности, была привлечена к ответственности в виде уплаты штрафов за просрочку начала исполнения обязательств по поставке мощности на оптовый рынок в отношении данного объекта во вне-

судебном порядке путем списания соответствующей размеру штрафа денежной суммы со счета компании. Кроме того, у генерирующей компании произошло снижение выручки за период применения пониженных ставок (тарифов) на мощность [7].

Генерирующая компания в связи с нарушением подрядчиком своих обязательств по строительству генерирующего объекта понесла убытки и предъявила требования к подрядчику о их возмещении. В этом деле большое значение имеет причинно-следственная связь между неисполнением обязательств обществом по договору подряда и убытками, возникшими у компании.

Другая проблема связана с односторонним изменением условий ДПМ со стороны генерирующей компании.

Обязательным для покупателя является не только заключение ДПМ, но и изменение условий ДПМ в одностороннем порядке со стороны генерирующей компании. Об этом свидетельствует судебно-арбитражная практика.

Одностороннее изменение состава объектов ДПМ. Так, генерирующая компания исключила из состава объектов по ДПМ генерирующую установку во исполнение распоряжения Правительства Российской Федерации, которым были внесены изменения в перечень объектов ДПМ. Так как действия генерирующей компании не привели к изменению объема поставляемой мощности и цены по ДПМ и связаны с исполнением распоряжения Правительства Российской Федерации, основывались на положениях агентского договора и ДПМ, суд посчитал такие действия правомерными [8].

Таким образом, при заключении и выполнении договоров о предоставлении мощности, стороны договора должны конкретно и точно исполнять свои обязательства. В то же время, при изменении в одностороннем порядке условий договора компания не имеет права допускать отклонения от объема поставляемой мощности.

Литература:

1. О реформировании электроэнергетики Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 11.07.2001 № 526 (в ред. от 20.03.2013) // СПС Консультант Плюс.
2. Об электроэнергетике: федеральный закон от 26.03.2003 № 35-ФЗ (в ред. от 02.11.2023) // СПС Консультант Плюс.
3. Рощенко Н. П., Мякинин В. В. Развитие оптового рынка электрической энергии и мощности в контексте Федерального закона «Об электроэнергетике» // Юрист. 2023. № 4. С. 17–23.
4. Об утверждении Правил оптового рынка электрической энергии и мощности и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации по вопросам организации функционирования оптового рынка электрической энергии и мощности: постановление Правительства РФ от 27.12.2010 № 1172 (в ред. от 29.12.2023) // СПС Консультант Плюс.
5. Символоков О. А. Договоры в электроэнергетике: проблемы теории и практики: монография. М.: Инфотропик Медиа, 2021. 186 с.
6. Об утверждении Правил оптового рынка электрической энергии и мощности и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации по вопросам организации функционирования оптового рынка электрической энергии и мощности: постановление Правительства РФ от 27.12.2010 № 1172 в ред. от 29.12.2023 // СПС Консультант Плюс.
7. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 30.11.2017 по делу № 307-ЭС17-9329, А13-4150/2015
8. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 28.01.2019 N Ф05-23246/2018 по делу № А40-75688/2018

Еще раз к вопросу об особенностях зарубежного опыта борьбы с коррупцией (на примере Азербайджанской Республики)

Косолапов Евгений Александрович, студент магистратуры
Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва)

Автор рассматривает особенности понимания коррупции и коррупционных преступлений в Азербайджане, анализирует положительные стороны подходов к борьбе с коррупцией в этой республике и предлагает учесть позитивный опыт этой страны и предусмотреть ответственность за получение взятки с применением угроз в российском праве.

Ключевые слова: Азербайджан, борьба, зарубежные страны, коррупция, опыт.

В деле совершенствования антикоррупционного законодательства, российскому законодателю необходимо обратить определенное внимание и на удачные новеллы других государств, в том числе и из ближайшего зарубежья. Интересный опыт в данном контексте дает Азербайджан.

Основное коррупционное преступление в уголовном праве Азербайджана — получение и дача взятки. Данные составы в Уголовном кодексе Республики Азербайджан предусмотрены в качестве состава преступлений ст. 311 и 312 УК Азербайджанской республики (далее — УК АР) [9]. В соответствии со ст. 311 УК АР (ч. 1.)

«Получение должностным лицом лично или через посредника взятки в виде денег, ценных бумаг, иного имущества или выгод имущественного характера за действия (бездействия) в пользу взяткодателя или представляемых им лиц, если такие действия (бездействия) входят в служебные полномочия должностного лица либо оно в силу должностного положения может способствовать таким действиям (бездействию), а равно за общее покровительство или попустительство по службе, наказывается лишением свободы на срок от двух до семи лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового»

Квалифицированными видами получения взятки является, в том числе и взятка «с применением угроз».

Статья 311 УК АР также содержит примечание, согласно которому «Крупным размером взятки признаются сумма денег, стоимость ценных бумаг, имущества или выгод имущественного характера, превышающие пять тысяч манатов». Это составляет около 266 тысяч рублей по курсу марта 2024 года.

Статья 312 УК АР предусматривает ответственность за «дачу взятки». Согласно п. 1 данной статьи «Дача взятки должностному лицу лично или через посредника наказывается штрафом в размере от одной до двух тысяч минимальных размеров оплаты труда либо лишением свободы на срок до пяти лет со штрафом в размере от пятисот до одной тысячи минимальных размеров оплаты труда или без такового».

Данная статья содержит примечание, согласно которому «лицо, давшее взятку, освобождается от уголовной ответственности, если дача взятки имела место вследствие угроз со стороны должностного лица или если лицо добровольно сообщило соответствующему государственному органу о даче взятки».

В целом, анализ положений данных статей, позволяет прийти к выводу о том, что, несмотря на общее советское прошлое и единый подход к регулированию многих вопросов ответственности за получение взятки, антикоррупционное законодательство Азербайджана имеет существенные отличия от российского более широкое понимание предмета взятки, включающее в себя включение в круг субъектов получения взятки лиц, выполняющих управленческие функции в коммерческих и иных организациях [3, с. 41].

Таким образом, субъектом получения взятки УК Азербайджана признает не только государственных и муниципальных должностных лиц, но и частных управленцев. Объектом взяточничества в уголовном праве Азербайджана являются общественные отношения, обеспечивающие интересы государственной службы, состоящие в осуществлении нормального, законного функционирования [1, с. 87–88].

Предмет взятки — это любые материальные ценности и услуги имущественного характера переданные (оказанные) должностному лицу за совершение служебных действий (бездействия) в интересах дающего. Объективная сторона преступления выражается в совершении деяния только в форме действия. Субъективная сторона характеризуется прямым умыслом

УК АР за взяточничество предусмотрены такие санкции, как лишение свободы, лишение права занимать определенные

должности или заниматься определенной деятельностью, штраф с определённым размером и конфискация имущества.

В то же время применение данных санкций имеет весьма ограниченное действие на динамику взяточничества в стране — в частности, в Азербайджане к уголовной ответственности за коррупционные преступления в основном привлекаются чиновники низшего звена.

Расследований случаев отмывания средств и злоупотреблений полномочиями фактически в стране не ведётся. Большинство расследований дел коррупционной направленности связаны с фактами мошенничества, присвоения и растрат, получения взяток и злоупотребления должностными полномочиями [6].

За 2019 год в Управление по борьбе с коррупцией поступили 166 материалов о преступлениях, связанных с коррупцией. В 78% случаев были возбуждены уголовные дела, а по остальным были приняты предупредительные меры. В то же время Управление по борьбе с коррупцией завершило следствие по 100 ранее начатым уголовным делам.

Эти дела, по которым в качестве обвиняемых проходят 200 человек, были направлены в суды. Из данных уголовных дел одно касалось обвинения в даче взятки (один обвиняемый), девять — получения взятки (25 обвиняемых), 39 — мошенничества (79 обвиняемых), 32 — присвоения и растраты (73 обвиняемых). Остальные дела были связаны с иными экономическими преступлениями [7].

Всего в результате совершенных преступлений по указанным делам, по данным управления по борьбе с коррупцией, был нанесен ущерб на сумму 16 млн 460 тысяч манатов (около 20,3 млн долларов). При этом в процессе следствия были возвращены 7 млн 961 тысяча манатов (около 10,2 млн долларов), или 48,4 процента от общей суммы ущерба.

Для возмещения остальной суммы ущерба ведутся мероприятия по аресту собственности, принадлежащей обвиняемым лицам.

В целом, по мнению экспертов, снижению уровня коррупции и взяточничества в стране способствовало открытие центров ASAN. Услугами этих центров воспользовались 270 тысяч человек, были удовлетворены заявки 98% обратившихся за помощью граждан.

Центры ASAN созданы осенью 2012 года и действуют по принципу «одного окна». Так, в этих центрах гражданам оказываются услуги по регистрации актов гражданского состояния, выдаче заграничных паспортов и удостоверений личности, водительских удостоверений, регистрации коммерческих юридических лиц и налогоплательщиков, информационных услуг обо всех госуслугах и др. Всего в центрах ASAN оказываются 23 вида услуг, предоставляемых девятью государственными органами [5].

Служба ASAN устранила возможности для взяточничества по целому ряду сфер. «Преимущество этих центров состоит в том, что граждане, приходя в центр ASAN, могут получить сразу несколько услуг различных госорганов, экономя время и не соприкасаясь с чиновниками, что устраняет возможности вымогательства взяток.

В то же время, в Азербайджане к уголовной ответственности по коррупционным преступлениям в основном привлекаются чиновники низшего звена, редко среднего» [8].

Также отметим и тот факт, что в Азербайджане не существует юридических мер обеспечения защиты государственных или частных служащих при сообщении о случаях коррупции в официальные органы [2, с. 135].

При этом служащие государственного и частного секторов часто подвергаются дискриминации и увольнению, если они сообщают о коррупционных правонарушениях, связанных со злоупотреблением служебным положением, взяточничеством и мошенничеством.

В частности, ст. 311 УК Азербайджана говорит о получении взятки с применением угроз. Подобных положений в российском законодательстве нет. Однако, на наш взгляд, это положение необходимо исправить — ведь как справедливо отмечает О. Х. Качмазов, «опасность вымогательства состоит не столько в требовании взятки, сколько в тех действиях, которыми подкрепляется его обязательность для взяткодателя» [4, с. 149].

При вымогательстве взятки виновный угрожает исключительно правоохраняемым интересам потерпевшего. Повышенная опасность этого вида получения взятки состоит в дополнительном, травмирующем воздействии на психику человека.

Как нам кажется, уместно, учитывая изученный опыт Азербайджана, заменить используемую Уголовным Кодексом РФ [10] терминологию и предусмотреть ответственность за получение взятки с применением угроз. Такая формулировка, во-первых, исключит необходимость сопоставления взяточничества и вымогательства; во-вторых, более точно будет описывать способ совершаемого деяния; в-третьих, даст возможность рассматривать в качестве квалифицированного состава получение взятки, как под угрозой совершения незаконных действий, так и под угрозой исполнения своего служебного долга. В связи с этим, предлагаем изложить пункт «б» ч. 5 ст. 290 УК РФ в следующей редакции: «с применением угроз».

Литература:

1. Адилев, Н. А. Сравнительный анализ главных аспектов имплементации норм международного права в сфере борьбы с коррупцией в законодательство Азербайджанской Республики / Н. А. Адилев. — Текст: непосредственный // Евразийская адвокатура. — 2016. — № 6 (25). — С. 87–94.
2. Алирза, И. К. Некоторые вопросы регламентации ответственности за взяточничество в уголовном законодательстве Азербайджанской Республики, Российской Федерации и Исламской Республики Иран / И. К. Алирза. — Текст: непосредственный // 8 (92). — 2012. — № Право и государство. — С. 135–138.
3. Егорова, Н. А. Уголовно-правовые меры профилактики коррупции в государствах — участниках СНГ / Н. А. Егорова. — Текст: непосредственный // Вестник Волгоградской академии МВД России. — 2013. — № 1 (24). — С. 41–47.
4. Качмазов, О. Х. Ответственность за взяточничество по российскому уголовному праву / Науч. Ред.: Парог А. И. / О. Х. Качмазов. — Владикавказ: Иростон, 2000. — 214 с. — Текст: непосредственный.
5. Материалы Фонда борьбы с коррупцией в Азербайджане. — Текст: электронный // caspianbarrel.org: [сайт]. — URL: <https://caspianbarrel.org/2016/06/borba-s-korrupsiej-v-azerbajdzhane-an/> (дата обращения: 11.03.2024).
6. Многие чиновники еще не избавились от своих старых привычек и стереотипов. — Текст: электронный // Спутник: [сайт]. — URL: <https://az.sputniknews.ru/20181227/azerbajjan-korrupsiya-chinovniki-418676834.html> (дата обращения: 11.03.2024).
7. Преступление подкупа иностранного должностного лица и применение соответствующих норм в странах Восточной Европы и Центральной Азии. — Текст: электронный // oecd.org: [сайт]. — URL: <https://www.oecd.org/corruption/acn/ACN-For-eign-Bribery-Offence-Enforcement-RUS.pdf> (дата обращения: 11.03.2024).
8. Средняя взятка в Азербайджане составляет 100–200 манатов. — Текст: электронный // regnum.ru: [сайт]. — URL: <http://www.regnum.ru/news/economy/1889699.html> (дата обращения: 11.03.2024).
9. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики. Утвержден Законом Азербайджанской Республики от 30 декабря 1999 г. № 787 — IQ. — Текст: электронный // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30420353 (дата обращения: 11.03.2024).
10. Уголовный кодекс Российской Федерации. Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 14.02.2024) / Текст: непосредственный // Собрание законодательства РФ. — 17.06.1996. — № 25. — Ст. 2954.

Особенности государственного управления в области труда и социальной защиты граждан

Лебедев Виталий Евгеньевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Захарова Виктория Алексеевна, кандидат юридических наук, доцент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье автор исследует государственное управление в области труда и социальной защиты граждан, внедрение новых технологических и правовых методов при предоставлении государственной помощи после пандемии COVID-2019.

Ключевые слова: государственное управление, социальная защита, пандемия COVID-2019, проактивное предоставление мер социальной поддержки, социальное казначейство, универсальное пособие, социальный контракт.

Формирование комплексной социальной политики государства невозможно без государственного управления в области труда и социальной защиты граждан.

Улучшение качества и уровня жизни граждан — основная цель социальной политики государства. В свою очередь, рассматриваемая область государственного управления служит фактором, направленным на формирование сознания, который положительно влияет на общество, поскольку создает чувство социальной стабильности и защищенности.

С учетом интенсивно меняющейся социально-экономической ситуации в стране, всеобщей цифровизации и формирования максимальной прозрачности деятельности органов государственной власти проводится постоянная оптимизация процессов предоставления государственных услуг, особенно в сфере социальной защиты граждан.

К такой оптимизации относится применение новых технологий, форм документов, позволяющих устранить необходимость неоднократного предоставления идентичной информации, исключение «бумажного» документооборота, снижение количества взаимодействий граждан с должностными лицами, в том числе за счет организации предоставления услуг на базе многофункциональных центров, реализации принципа «одного окна», в электронной форме через региональные порталы предоставления государственных и муниципальных услуг.

Существенное влияние на развитие в области труда и социальной защиты граждан оказала пандемия 2020 года COVID-19. В целях недопущения распространения коронавирусной инфекции были объявлены нерабочие дни в соответствии Указом Президента Российской Федерации от 25 марта 2020 г. № 206 «Об объявлении в Российской Федерации нерабочих дней». В связи с введённым режимом самоизоляции граждане не имели физической возможности посещения учреждений, организаций и органов государственной власти. [4, с. 151–153]

Данные обстоятельства послужили основанием к принятию новых технологических решений государственного управления в области труда и социальной защиты граждан, а наряду с ними также обеспечение проактивного информирования граждан о праве на получение мер социальной поддержки при возникновении определенных жизненных ситуаций, внедрение комплексной оценки нуждаемости, введение правила нулевого дохода и упрощения способов подачи документов, внедрение электронных сервисов.

Кроме того, в целях исключения социального иждивенчества появилась новая форма предоставления социальной помощи — социальный контракт.

Рассмотрим более подробно данные правовые и технологические решения государственного управления в исследуемой области.

По данным Минтруда России, в настоящее время в нашей стране существует 387 видов мер социальной поддержки, ко-

торые с учетом региональных и муниципальных особенностей предоставления превращаются в примерно 30 тыс. вариаций этих мер. Максимально упростить пользовательский путь, то есть процесс получения гражданами положенной им помощи, призван проект «Социальное казначейство». Главная его цель согласно Общенациональному плану действий, обеспечивающих восстановление занятости и доходов населения, рост экономики и долгосрочные структурные изменения в экономике, заключается в создании условий для предоставления мер социальной поддержки за счет бюджетных средств при наступлении у граждан определенных жизненных обстоятельств — без истребования у них документов, что должно повысить адресность и эффективность поддержки на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. [2]

Таким образом, при полноценной реализации «Социального казначейства» меры поддержки будут предоставляться гражданам по одному заявлению, поданному ими в электронном виде, или в беззаявительном (проактивном) порядке — вся необходимая информация о получателе поддержки будет получаться из государственных информационных систем.

Необходимо отметить, что подобная практика уже применялась в период пандемии COVID-19. Напомним, в тот период производились единовременные выплаты на детей в возрасте от 3 до 16 лет в размере 5 и 10 тысяч рублей. Данная выплата впервые была предоставлена Пенсионным фондом Российской Федерации в беззаявительном порядке по сведениям, имеющимся в государственных информационных системах.

На такой формат оказания постепенно переводятся и «постоянные» меры поддержки.

В проактивном режиме сейчас, например, оформляются сертификаты на материнский капитал — Социальный фонд России формирует сертификат для конкретного лица на основе данных о рождении ребенка, которые получает из единого государственного реестра ЗАГС, назначаются пенсии по инвалидности — со дня признания лица инвалидом на основании данных из федерального реестра инвалидов в том числе.

За короткий период 2021–2023 годы произошла технологическая, ведомственная и правовая трансформация в части предоставления государственной поддержки.

Ключевым событием 2023 года стало объединение Фонда социального страхования и Пенсионного фонда России. С 1 января образован Социальный фонд России.

Это отразилось на порядке оформления и размере выплат, уплате страховых взносов, отчетности для работодателей.

С 1 января 2023 внедрено универсальное пособие, которое предоставляется Социальным фондом России.

Универсальное пособие заменило такие виды господдержки как: выплата для беременных женщин с низким доходом, пособие по уходу до 1,5 лет для нетрудоустроенных родителей, выплату на первого и третьего ребенка до 3 лет, выплату на детей от 3 до 7 и от 8 до 17 лет.

При этом изменился и подход к определению того, какие семьи являются нуждающимися в поддержке. Лица, претендующие на указанную выплату, проверяются по новым критериям. Во-первых, проводится комплексная оценка нуждаемости. Помимо доходов семьи — установлено, что среднедушевой доход не должен превышать величину прожиточного минимума на душу населения в соответствующем регионе, также учитывается имущественная обеспеченность. Так, определен четкий перечень имущества, владение которым лишает семью права на получение выплаты. В нем, в частности, — два и более жилых помещений, суммарная площадь которых превышает региональные нормативы площади для семьи, два и более нежилых помещений (хозяйственные постройки на землях для индивидуального жилищного строительства, ведения подсобного хозяйства и садовых землях таковыми не считаются), земельные участки общей площадью более 0,25 га или 1 га для сельских территорий, два и более авто- или мототранспортных средств, два и более маломерных судов, самоходных машин и других видов техники, с момента выпуска которых прошло не больше 5 лет. Для некоторых категорий, в том числе многодетных семей, семей, члены которых страдают тяжелой формой хронического заболевания, исключающей совместное проживание граждан в одной квартире, семей, имеющих в составе лиц с инвалидностью, установлены послабления в этих количественных показателях имущественной обеспеченности.

Во-вторых, обязательно исследуется использование трудового потенциала, то есть применяется так называемое правило нулевого дохода. «Принцип простой: если человек находится в трудоспособном возрасте и у него нет никаких ограничений к труду в виде заболеваний, например, он должен трудиться». То есть в течение 12 месяцев, предшествующих 1 календарному месяцу перед месяцем подачи заявления о назначении ежемесячной выплаты, семья должна иметь любой официальный доход: в виде зарплаты, пенсий, доходов от предпринимательской деятельности или деятельности в качестве самозанятых, пособий или иных выплат, стипендий, доходов от отчуждения исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, доходов, полученных за пределами России, и т.д. [5]

Государственная система мер по преодолению бедности направлена на предоставление материальной поддержки. Проблема данной помощи в том, что не активизируется потенциал личности, у нуждающегося не повышается уровень мотивации на преодоление бедности. Такая помощь способствует росту социального иждивенчества. В связи с этим появилась идея социального контракта. [3, с. 48–19]

«Социальный контракт — соглашение, которое заключено между гражданином и органом социальной защиты населения в соответствии с которым орган социальной защиты населения обязуется оказать гражданину государственную социальную помощь, а гражданин — реализовать мероприятия, предусмотренные программой социальной адаптации». [1]

Основными критериями реализации социального контракта являются индивидуальный подход, целевая направленность поддержки, ответственность получателя социального контракта, самоактуализация получателя.

Следует отметить, что по итогу получения государственной помощи у человека должен появиться стабильный доход.

Социальный контракт заключается по таким направлениям:

- поиск работы, в течение 3 месяцев после трудоустройства предоставляется выплата в размере прожиточного минимума;
- индивидуальная предпринимательская деятельность, предоставляется единовременная выплата до 350 тысяч рублей;
- развитие личного подсобного хозяйства, предоставляется единовременная выплата до 200 тысяч рублей;
- оказание помощи в трудной жизненной ситуации, предоставляются ежемесячные денежные выплаты в размере прожиточного минимума на срок не более 6 месяцев.

Таким образом данные технологические и правовые решения позволяют упростить подачу документов на получение государственной поддержки, комплексно оценить нуждаемость заявителя с учетом имущественного положения, объединить несколько мер социальной поддержки в одну, а также исключить социальное иждивенчество и повысить мотивацию граждан к выходу из трудной жизненной ситуации.

Литература:

1. Федеральный закон от 17.07.1999 N178-ФЗ (ред. от 14.02.2024) «О государственной социальной помощи» // «Собрание законодательства РФ», 19.07.1999, N29, ст. 3699.
2. «Общенациональный план действий, обеспечивающих восстановление занятости и доходов населения, рост экономики и долгосрочные структурные изменения в экономике» (одобрен Правительством РФ 23.09.2020, протокол N36, раздел VII) (N П13–60855 от 02.10.2020) URL: <https://pravdaosro.ru/> по состоянию на 28.10.2020.
3. Векшина, А. О. Социальный контракт как механизм преодоления бедности малоимущих семей / А. О. Векшина. — Текст: электронный // Уральский Федеральный Университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина: [сайт]. — URL: <http://elar.urfu.ru/handle/10995/105827> (дата обращения: 11.03.2024).
4. Шаравская, И. С. Государственное управление в области труда и социальной защиты граждан: понятие, принципы, особенности / И. С. Шаравская. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2021. — № 31. — С. 151–153.
5. Шувалова, М. Предоставление мер социальной поддержки по-новому: проактивный формат, комплексная оценка нуждаемости, правило нулевого дохода / М. Шувалова. — Текст: электронный // Гарант.ру: [сайт]. — URL: <https://www.garant.ru/news/1523889/> (дата обращения: 11.03.2024).
6. Юзefович Ж. Ю. Проблема способов защиты гражданских прав в свете развития цифровых правоотношений // Юрист. 2020. № 12. С. 40–45.

Актуальные вопросы правового регулирования назначения судебной экспертизы по налоговым спорам

Лукьянов Денис Васильевич, студент магистратуры

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва)

В статье рассмотрены вопросы правового регулирования назначения экспертизы судом. Исследован эмпирический материал назначения судебной экспертизы в рамках споров между налогоплательщиками и налоговыми органами по вопросам налогообложения, проблемы доказывания в налоговых спорах, подходы и позиции арбитражных судов Российской Федерации и Верховного суда Российской Федерации по данному вопросу.

Ключевые слова: судебная экспертиза, налоговая экспертиза, налоговый контроль, проблемы доказывания в налоговых спорах, практика арбитражных судов по вопросам назначения экспертизы в ходе налоговых споров.

Введение

Представляется актуальным рассмотреть вопросы правового регулирования назначения экспертиз судами при спорах налогового контроля и формирующейся на территории Российской Федерации судебной практики, поскольку анализ практики судов различных инстанций выявил наличие тенденции развития институтов доказательств и доказывания, более активного применения участниками судопроизводства, особенно в арбитражных судах первой инстанции, таких инструментов доказывания как заключение специалиста и судебная экспертиза и позитивное отношение судов к их назначению.

Согласно отчета Судебного департамента при Верховном Суде РФ в 2022 году общее число исков участников налоговых отношений примерно соответствовало уровням 2020 и 2021 годов. Так, в 2020 году исков об оспаривании действий (бездействий) налоговых органов, а также их постановлений было равно 6781 дел, в 2021 году — 6730 дел, а в 2022 году — 62626 дел.

Одновременно, стабильно число решений судов, удовлетворяющих соответствующие требования налогоплательщиков. В 2020 году было удовлетворено тридцать шесть процентов указанных исков, в 2021 году — тридцать четыре процента, а в 2022 году — тридцать семь процентов исков.

В то же время, качественный, а не количественный анализ данных судебных дел дает совершенно иную статистику. В денежном выражении в 2020 году было удовлетворено исков налогоплательщиков на сумму сто шестьдесят шесть миллионов рублей (10,18%), в 2021 году — на сумму двести шестьдесят три миллиона рублей (8,95%), а в 2022 году на сумму сто двадцать пять миллионов рублей (4,79%).

Имеет место тренд на сокращение удовлетворения исков налогоплательщиков, суды все чаще встают на сторону налогового органа.

Одновременно, споры в сфере налогового контроля относятся к сложной категории дел и зачастую сопряжены с необходимостью проведению трудоемкого исследования того или иного вопроса по вопросам хозяйственной деятельности налогоплательщика, требуют специальных познаний в области экономики, финансов и оценки для формирования ответов на вопросы суда. Данные обстоятельства привели к тому, что судебная экспертиза при оспаривании решений налоговых органов является одной из наиболее востребованных в последнее время.

В то же время, научные работы посвященные изучению вопроса правового регулирования экспертизы, а в особенности назначения судебной экспертизы по налоговым спорам, в настоящее время редки. В связи с чем, складывается ситуация актуальности вопроса в силу резкого роста судебных споров и правоприменительной практики по вопросам судебных экспертиз при одновременной недостаточной проработанности фундаментальных основ правового регулирования данного вопроса. Данные обстоятельства формируют большой запрос на качественный анализ и формирование соответствующих законодательных инициатив по совершенствованию вопросов правового регулирования экспертиз по налоговым спорам.

Для достижения поставленных целей необходимо решение следующих задач:

- рассмотрение вопросов правового регулирования экспертной деятельности;
- выделение особенностей и порядка назначения экспертизы судом;
- изучение подходов при назначении экспертизы при налоговом контроле;
- анализ позиции Верховного суда Российской Федерации по вопросу назначения экспертизы при налоговом контроле
- анализ актуальной судебной практики арбитражных судов Российской Федерации назначения экспертизы при налоговом контроле.

Основная часть

Правовое регулирование экспертной деятельности сформировано:

I. Федеральным процессуальным законодательством, регулирующим порядок назначения, организации и проведения судебных экспертиз.

II. Подзаконными процессуальными нормативными актами, регулирующими порядок назначения и проведения судебных экспертиз.

III. Специальными нормативными актами в области регулирования сферы проведения экспертизы.

Среди направлений совершенствования правового регулирования экспертной деятельности выделяют: регулирование деятельности негосударственных судебно-экспертных организаций, определение уполномоченного органа по руководству

судебно-экспертной деятельностью, определение требований к лицам, проводящим судебные экспертизы.

Таким образом, существует достаточно широкий круг нормативно-правовых актов, регулирующих экспертную деятельность. Однако, целесообразны дальнейшие дискуссии и совершенствование правового регулирования экспертной деятельности.

Рассмотрим порядок назначения судебной экспертизы в арбитражном процессе, как наиболее отвечающий поставленной цели изучения назначения судебной экспертизы по налоговым спорам.

В АПК РФ порядок назначения судебной экспертизы, права и обязанности экспертов определены в ст. 55, 82–87. Согласно ч. 2 ст. 64 АПК в качестве доказательств допускаются письменные доказательства, объяснения и письменные пояснения лиц, участвующих в соответствующем деле, заключения экспертов по вопросам исследуемым в рамках дел, внесудебные мнения специалистов, показания различных свидетелей и прочие материалы.

В целях получения разъяснений, консультаций и выяснения профессионального мнения лиц, обладающих теоретическими и практическими познаниями в области экономики и финансов, по указанным вопросам арбитражный суд в соответствии со статьями 55.1, 87.1 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации также может привлекать специалиста.

При этом необходимо иметь в виду, что заключение эксперта, консультация специалиста, равно как и другие доказательства по делу, не являются исключительными средствами доказывания и должны оцениваться в совокупности со всеми имеющимися в деле доказательствами. Оценка судом заключения, консультации должна быть полно отражена в решении.

Для разъяснения возникающих при рассмотрении дела вопросов, требующих специальных знаний, арбитражный суд назначает экспертизу (ч. 1 ст. 82 АПК).

В случае рассмотрения Верховным Судом Российской Федерации вопроса об обоснованности отказа суда в назначении судебной экспертизы, как правило суд высшей инстанции приходит к выводу о нарушении прав заявителя на надлежащую защиту, поскольку проведенная экспертиза могла расширить круг доказательств и прийти к выводам, имеющим существенное значение для конкретного дела с учетом поставленных вопросов [13, 14, 15].

В п. 3 Постановления Пленума ВАС РФ от 4 апреля 2014 г. N23 «О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами законодательства об экспертизе» также указано на то, что если при рассмотрении дела возникли вопросы, для разъяснения которых требуются специальные знания, и согласно положениям АПК экспертиза не может быть назначена по инициативе суда, то при отсутствии ходатайства или согласия на назначение экспертизы со стороны лиц, участвующих в деле, суд разъясняет им возможные последствия не заявления такого ходатайства (отсутствия согласия) [5].

Так, в Определении от 31 марта 2016 г. N305-ЭС15–16158 Судебная коллегия по экономическим спорам ВС РФ, отменяя судебные акты и направляя дело на новое рассмотрение, обратила

внимание на то, что при рассмотрении спора судом не предлагалось сторонам рассмотреть вопрос о назначении экспертизы и не разъяснялись правовые последствия не совершения такого процессуального действия.

Следует обратить внимание на разъяснения, содержащиеся в п. 3 Постановления Пленума от 4 апреля 2014 г. N23, о том, что суд может назначить экспертизу по своей инициативе, в частности, если назначение экспертизы необходимо для проверки заявления о фальсификации представленного доказательства или проведения дополнительной либо повторной экспертизы.

Порядок назначения экспертизы установлен ч. 2–4 ст. 82 АПК. В одном из определений ВС РФ обратил внимание на то, что, учитывая необходимость специальных познаний при определении размера убытков, суд, на который ч. 3 ст. 9 АПК возложены обязанности по оказанию содействия в реализации прав участников процесса, должен был создать условия для достижения результата по назначенной им экспертизе [16].

Особое внимание в связи с указанным следует уделять определению состава и содержания вопросов исследования при проведении судебной экспертизы. Участники судебного дела для целей обеспечения защиты своих интересов имеют право подготовить и поставить перед экспертом вопросы, имеющие значение для разрешения дела.

В п. 7 Постановления ВАС от 4 апреля 2014 г. N23 указано, что в целях определения экспертом возможности проведения экспертизы, ее стоимости и сроков проведения суду следует направлять эксперту (экспертному учреждению, организации) развернутую информацию о содержании экспертизы (примерном перечне разрешаемых вопросов) и объеме исследований (количестве объектов исследования).

Таким образом, суд может назначить экспертизу как по ходатайству о назначении экспертизы со стороны лиц, участвующих в деле, так и по собственному инициативе. Перечень вопросов указывается судом в определении о назначении экспертизы и не подлежит изменению или уточнению самим экспертом.

Рассмотрим особенности назначения судебной экспертизы в налоговых спорах.

В Определении от 16 июля 2009 года N928-О-О Конституционный Суд Российской Федерации указал, что статья 95 Налогового кодекса Российской Федерации предусматривает возможность привлечения эксперта в случаях, когда возникает потребность в использовании специальных познаний, определяя их сферу и общую характеристику — наличие специальных познаний в науке, искусстве, технике или ремесле — и одновременно устанавливая гарантии соблюдения прав и законных интересов налогоплательщиков при проведении экспертизы (пункты 6, 7 и 9), что позволяет получить при осуществлении мероприятий налогового контроля достоверную и объективную информацию для целей налогообложения и не может рассматриваться как нарушение конституционных прав и свобод налогоплательщиков.

Далее эта же позиция закреплена Конституционным судом Российской Федерации в Определении Конституционного Суда РФ от 26.01.2010 N29-О-Р.

Одним из ключевых актов правового регулирования судебных экспертиз при налоговых спорах помимо статьи 95 На-

логового кодекса Российской Федерации явилось утверждение Верховным судом РФ 16.02.2027 «Обзора практики рассмотрения судами дел, связанных с применением отдельных положений раздела V.1 и статьи 269 Налогового кодекса Российской Федерации»

Согласно пункту 8 данного обзора, Верховным судом РФ указано, что при разрешении вопроса о назначении экспертизы по спорам, связанным с применением раздела V.1 НК РФ, следует принимать во внимание, направлено ли проведение экспертизы на устранение недостатков налоговой проверки, либо она необходима для устранения сомнений в достоверности и противоречий в представленных доказательствах.

Анализ судебной практики приводит к выводу, что суды имеют различные, иногда противоположные подходы к вопросу о назначении экспертизы в рамках рассмотрения исков участников дел по оспариванию рыночности цен. Отличны подходы судов как в принятии самого решения о необходимости и обоснованности удовлетворения ходатайства о назначении экспертизы, так и при утверждении списка вопросов, которые ставятся перед экспертом в рамках одинаковых категорий дел.

В связи с этим необходимо учитывать следующее.

Поскольку заключение эксперта является одним из доказательств по делу, а судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон, назначение экспертизы не должно быть направлено на восполнение недостатков проведенной в отношении налогоплательщика налоговой проверки, например в связи с недопустимостью и (или) недостоверностью заключения эксперта, полученного налоговым органом в порядке статьи 95 НК РФ, как доказательства.

В ситуации, когда на разрешение эксперта налоговым органом в ходе проведения проверки ставился вопрос об определении рыночной стоимости предмета контролируемой сделки, заключение эксперта может быть признано недопустимым доказательством на основании статей 4 и 9 Закона об оценочной деятельности, если оно подготовлено лицом, которое не отвечало требованиям, предъявляемым к субъектам профессиональной оценочной деятельности (не являлось членом саморегулируемой организации оценщиков и не застраховало свою ответственность).

В то же время назначение судебной экспертизы может быть обусловлено необходимостью устранения сомнений в достоверности представленных налогоплательщиком и налоговым органом доказательств при наличии противоречий между ними, когда эти сомнения (противоречия) не могут быть устранены судом самостоятельно.

В тех случаях, когда между налогоплательщиком и налоговым органом имеются неустраняемые разногласия о правильности применения методов определения для целей налогообложения доходов (прибыли, выручки), установленных главой 14.3 Кодекса, на разрешение эксперта судом могут быть поставлены вопросы, выяснение которых требует наличия специальных экономических познаний. Например, вопрос корректности определения отдельных показателей, используемых при применении этих методов, в частности указанных в статье 105.8 НК РФ финансовых показателей и интервалов рентабельности (судебно-экономическая экспертиза).

Таким образом, особенностью назначения судебной экспертизы в налоговых спорах является то, что назначение экспертизы не должно быть направлено на восполнение недостатков проведенной в отношении налогоплательщика налоговой проверки.

Имеется следующая судебная практика по назначению судебной экспертизы в налоговых спорах.

Постановлением арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 10 апреля 2023 г. по делу N А10-6095/2021 было отказано индивидуальному предпринимателю в признании незаконным и отмене решения Межрайонной инспекции ФНС № 1 по Республике Бурятия о привлечении к ответственности за совершение налогового правонарушения в части доначисления налога на доходы физических лиц, пени и штрафа.

Спор был обусловлен несогласием предпринимателя с корректировкой налоговым органом налоговой базы по НДФЛ с учетом проведенной в рамках налоговой проверки экспертизы рыночной стоимости объектов недвижимости. Заявитель указывал на необходимость определения налоговой базы исходя из кадастровой стоимости недвижимого имущества.

Инспекцией на основании статей 40, 95 НК РФ в ходе проверки с целью установления рыночной стоимости объектов недвижимости, переданных по договору дарения по состоянию на дату сделки 22.05.2017, была проведена экспертиза по определению рыночной стоимости объектов недвижимости.

Утверждение предпринимателя о противоречивости выводов судов о том, что ходатайство о назначении судебной экспертизы в целях определения рыночной стоимости налогоплательщиком не заявлено, было отклонено судом округа как основанное на его ошибочном толковании к установленным судами в настоящем деле фактам соблюдения налоговым органом процедуры и порядка назначения, проведения экспертизы, предоставление инспекцией налогоплательщику реализации предусмотренных в статье 95 НК РФ прав (ходатайство о назначении эксперта из числа указанных им он не заявлял, при ознакомлении с постановлением о назначении экспертизы реализовал права, предусмотренные пунктом 7 статьи 95 НК РФ).

Таким образом, судом принята в качестве доказательства внесудебная экспертиза без назначения повторной уже в ходе судебного дела.

Так же представляет интерес Постановление Арбитражного суда Московского округа от 14.03.2018 N Ф05-21385/2017 по делу N А40-29025/2017. В рамках данного дела рассматривался иск АО «Уралкалий» к ФНС о признании недействительным решения «Об отказе в привлечении к ответственности за совершение налогового правонарушения по результатам проверки полноты исчисления и уплаты налогов в связи с совершением сделок между взаимозависимыми лицами».

Кассационная коллегия сделала вывод, что судебные акты первой и апелляционной инстанций подлежат отмене с направлением дела на новое рассмотрение с учетом следующего.

Судом кассационной инстанции сделан вывод о том, обоснование налогового органа факта о занижении налогоплательщиком налоговой базы (рассматривался в том числе вопрос соответствия примененных цен рыночным) сделано при неполном установлении и исследовании имеющих значение для дела обстоятельств.

Суд округа отметил, что раздел V.1 НК РФ содержит ряд положений, требующих при их применении специальных познаний, поскольку определение доходов для целей налогообложения изначально предполагает применение сведений из сферы экономики. Применение специальных познаний согласно ст. 82 АПК РФ возможно при назначении экспертизы.

Суд кассационной инстанции отменяя судебные акты первой и второй инстанции указал на необходимость назначения экспертизы при новом рассмотрении вопроса с учетом правового подхода Верховного Суда Российской Федерации (п. 8 вышеназванного Обзора) в случае, если при новом рассмотрении дела, исследовании представленных сторонами доказательств, не будут устранены сомнения в их полноте и достоверности при наличии противоречий между ними, когда эти сомнения (противоречия) не могут быть устранены судом самостоятельно [10].

В то же время, на разрешение эксперта судом могут быть поставлены вопросы, выяснение которых требует наличия специальных экономических познаний, например касающиеся верности определения отдельных показателей, используемых при применении конкретных методов, в частности указанных в статье 105.8 НК РФ финансовых показателей и интервалов рентабельности (судебная экономическая экспертиза).

Таким образом, суд исследовав материалы внесудебной экспертизы, не принял их в качестве доказательства и, отменив судебные акты, указал на необходимость назначения именно судебной экспертизы в рамках дела. Судебная экспертиза в отличие от внесудебного заключения позволила бы суду самостоятельно сформировать требования к компетентности избираемого эксперта, определить перечень поставленных перед экспертом вопросов и исключить риск зависимости мнения эксперта от позиции налогового органа.

Постановлением арбитражного суда Северо-Западного округа от 9 сентября 2020 г. по делу N A05–5297/2017 в обособленном споре об обжаловании действия конкурсного управляющего должника по факту утверждения начальной цены продажи имущества не на основании реальной рыночной стоимости залогового имущества и реализации сделки отступного, суд кассационной инстанции при рассмотрении вопроса о необходимости привлечения профессионального субъекта из числа экспертов для целей определения рыночной стоимости имущества в обоснование позиции о привлечении эксперта для целей проведения судебно-оценочной экспертизы также сослался на пункт 8 Обзора практики рассмотрения судами дел, связанных с применением отдельных положений раздела V.1 и статьи 269 Налогового кодекса Российской Федерации (утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 16.02.2017).

Постановлением Девятого арбитражного апелляционного суда от 11.07.2017 № 09АП-22598/2017 по делу № А40–243849/16 было отказано АО «Тольяттиазот» в оспаривании решения Межрегиональной инспекции ФНС по крупнейшим налогоплательщикам № 3 о привлечении истца к ответственности за совершение налогового правонарушения в части доначисления налога на прибыль.

В указанном деле налоговая инспекция на стадии внесудебной проверки для определения рыночного уровня цен на аммиак (поставляемый истцом товар), в связи с наличием ос-

нований полагать, что цены реализации не соответствовали рыночным, самостоятельно приняла решение о привлечении экспертов и провела независимую экспертизу рыночной экспортной цены на указанный аммиак. Экспертам были переданы документы и материалы, полученные в ходе проведения выездной налоговой проверки ОАО «Тольяттиазот». По результатам полученной экспертизы инспекцией были установлены факты занижения экспортной выручки. В ходе дополнительных мероприятий налогового контроля инспекция на основании подпункта 11 пункта 1 статьи 31, статьи 95 Налогового кодекса Российской Федерации назначила дополнительную экспертизу по вопросу определения рыночных цен реализации аммиака безводного марки помесечно. Представитель налогоплательщика была ознакомлен с каждым постановлением налоговой инспекции о назначении экспертизы по определению рыночных цен, составлены соответствующие протоколы об ознакомлении проверяемого лица с постановлением и о разъяснении его прав.

Примечательно, что суд в рамках данного обособленного спора не назначал самостоятельную судебную экспертизу, а воспользовался внесудебным заключением специалиста.

Суд апелляционной инстанции обратил внимание, что в рамках рассмотрения иных дел с истцом (№ А40–35382/13–91–118, N А40–6292/13–115–14) экспертизам по заказу налоговой инспекции дана надлежащая оценка судами всех инстанций, которыми позиция инспекции признана законной и обоснованной. При этом судами были приняты во внимание экспертизы, проведенные налоговым органом в рамках выездной налоговой проверки. Экспертизы, на которые ссылался заявитель (проведенные по его заказу) не приняты судами во внимание как несоответствующие действующему законодательству.

Судом указано, что в рассматриваемом случае суды руководствовались положениями пункта 12 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 04.04.2014 г. N23 «О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами законодательства об экспертизе», согласно которому заключение эксперта не имеет для суда заранее установленной силы и подлежит оценке наряду с другими доказательствами.

В то же время, де-факто данные доказательства после их оценки были приняты судом в обоснование позиции налоговой инспекции об обосновании рыночной стоимости.

Одновременно, суд, исследуя доказательства, ссылается на иное судебное дело со схожими обстоятельствами и истцом (А40–35382/13), в котором Арбитражным судом города Москвы была назначена уже судебная экспертиза, в рамках которой судебные эксперты также анализировали Методику РФЦСЭ. Из данных обстоятельств мы видим, что суды не последовательны при принятии решения о достаточности в качестве доказательства решения налогового органа о доначислении налоговых обязательств внесудебного исследования по заказу данной инспекции или необходимо назначение соответствующей судебной экспертизы, а руководствуются именно принципу оценки каждого заключения специалиста или эксперта в зависимости от конкретного обособленного спора.

Таким образом, анализ актуальной судебной практики арбитражных судов Российской Федерации назначения экспертизы при налоговом контроле выявил следующее.

Заключение эксперта не имеет для суда заранее установленной силы и суд оценивает его наряду с другими доказательствами. Поэтому судами принимаются во внимание как экспертизы, проведенные налоговым органом в рамках выездной налоговой проверки, так и назначенные судом в ходе судебного процесса, а также внесудебные экспертизы, приобщаемые налогоплательщиком. Спектр применения судебных экспертиз, применяемых в налоговых спорах велик: экспертизы используются для установления обоснования рыночной стоимости имущества (реализуемого, передаваемого по договору дарения и т.п.), рыночных экспортных цен на продукцию, стоимости реализации залогового имущества и т.п. Причинами отклонения экспертиз судами как несоответствующих действующему законодательству являются в т.ч. определение экспертов как не обладающих достаточными специальными познаниями. В связи с этим дальнейшим направлением совершенствования правового регулирования назначения судебной экспертизы по налоговым спорам представляется установление на законодательном уровне требований к компетентности избираемого эксперта, необходимой сертификации и т.п.

Также, при проведении экспертиз на стадии налоговой проверки необходимо тщательное информирование налогоплательщика обо всех стадиях проведения проверки и составляемых и утверждаемых протоколах налогового органа.

Заключение

Существует достаточно широкий круг нормативно-правовых актов, регулирующих экспертную деятельность. Однако, целесообразны дальнейшие дискуссии и совершенствование правового регулирования экспертной деятельности. Среди направлений совершенствования правового регулирования экспертной деятельности выделяют: регулирование деятельности негосударственных судебно-экспертных организаций, определение уполномоченного органа по руководству судебно-экспертной деятельностью, определение требований к лицам, проводящим судебные экспертизы. Все эти направления в полной

мере касаются и такого частного вида исследования, как судебная экспертиза в налоговых спорах.

Назначение экспертизы судом осуществляется как по ходатайству о назначении экспертизы со стороны участников данного судебного дела, так и по собственному решению суда. Перечень вопросов, по которым требуется заключение эксперта, определяется судом.

Особенностью назначения судебной экспертизы в налоговых спорах является то, что назначение экспертизы направлено не на восполнение недостатков проведенной в отношении налогоплательщика налоговой проверки, а на анализ материалов и формирование ответов выводов о реальных экономических целях и действиях сторон налоговых отношений.

Заключение эксперта не имеет для суда заранее установленной силы и суд оценивает его наряду с другими доказательствами. Поэтому судами принимаются во внимание как экспертизы, проведенные налоговым органом в рамках выездной налоговой проверки, так и назначенные судом в ходе судебного процесса, а также внесудебные экспертизы, приобщаемые налогоплательщиком. Спектр применения судебных экспертиз, применяемых в налоговых спорах велик: экспертизы используются для установления обоснования рыночной стоимости имущества (реализуемого, передаваемого по договору дарения и т.п.), рыночных экспортных цен на продукцию, стоимости реализации залогового имущества и т.п. Причинами отклонения экспертиз судами как несоответствующих действующему законодательству являются в т.ч. определение экспертов как не обладающих достаточными специальными познаниями. В связи с этим дальнейшим направлением совершенствования правового регулирования назначения судебной экспертизы по налоговым спорам представляется установление на законодательном уровне требований к компетентности избираемого эксперта, необходимой сертификации и т.п.

Также при проведении экспертиз на стадии налоговой проверки необходимо тщательное информирование налогоплательщика, составление соответствующих протоколов об ознакомлении проверяемого лица с постановлением и о разъяснении его прав.

Литература:

1. Налоговый кодекс Российской Федерации
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации
3. Особенности арбитражного производства: учебно-практическое пособие / О.В. Абонова, Ю.В. Аверков, Н.Г. Беляева и др.; под ред. И.В. Решетниковой. Москва: Юстиция, 2019. Серия «Арбитраж». 324 с.
4. Определение Конституционного Суда РФ от 16.07.2009 N928-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы открытого акционерного общества «Юрьев-Польский завод «Промсвязь» на нарушение конституционных прав и свобод пунктом 1 статьи 95 Налогового кодекса Российской Федерации»
5. Постановление Пленума ВАС РФ от 4 апреля 2014 г. N23 «О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами законодательства об экспертизе»
6. Определение ВС РФ от 22 июня 2017 г. N308-КГ17-2697;
7. Обзор судебной практики ВС РФ № 4 за 2017 г. «Обзор практики рассмотрения судами дел, связанных с применением отдельных положений раздела V.1 и статьи 269 Налогового кодекса Российской Федерации», утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16.02.2017.
8. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 17.03.2003 N71 «Обзор практики разрешения арбитражными судами дел, связанных с применением отдельных положений части первой Налогового кодекса Российской Федерации»

9. Постановление арбитражного суда Северо-Западного округа от 9 сентября 2020 г. по делу N A05-5297/2017
10. Постановление арбитражного суда Московского округа от 14.03.2018 N Ф05-21385/2017 по делу N A40-29025/2017
11. Ссылка на официальный сайт Судебного департамента Верховного Суда РФ: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7650>.
12. Ссылка на сайт «Налоговой и таможенный блог»: <https://www.russiantaxandcustoms.com/news/nalogovoe-administrirovanie-i-spory/statistika-rassmotreniya-nalogovykh-sporov-v-arbitrazhnykh-sudakh-za-2022-god/?ysclid=loys9gs8z3828347258>.
13. Определение ВС РФ от 27 марта 2018 г. по делу N308-ЭС17-18062;
14. Определение ВС РФ от 28 сентября 2017 г. N301-ЭС17-7046;
15. Определение ВС РФ от 26 апреля 2018 г. N305-КГ17-15653
16. Определение ВС РФ от 3 марта 2016 г. N309-ЭС15-13936

Наследственный договор: плюсы и минусы

Лягошина Наталья Викторовна, студент магистратуры
Тольяттинский государственный университет

В данной статье рассматривается впервые введенное в России в 2019 году новое основание наследования — наследственный договор. Автор анализирует статью 1140.1 Гражданского Кодекса Российской Федерации, выявляет положительные и отрицательные аспекты договора для его участников, а также проблемные вопросы, и предлагает свои возможные варианты их решения.

Ключевые слова: наследственный договор, наследство, переход права собственности, завещание, наследодатель, наследник, договор, основание наследования.

Inheritance contract: pros and cons

Lyagoshina Natalya Viktorovna, student master's degree
Togliatti State University (Tolyatti)

This article discusses the new basis of inheritance introduced in Russia for the first time in 2019 — the inheritance contract. The author analyzes Article 1140.1 of the Civil Code of the Russian Federation, identifies positive and negative aspects of the contract for its participants, as well as problematic issues, and offers his possible solutions.

Keywords: inheritance agreement, inheritance, transfer of ownership, will, testator, heir, contract, basis of inheritance.

Наследственное право является одной из самых ранних и незыблемых областей гражданского законодательства Российской Федерации. Оно формировалось, строилось и изменялось с течением времени. На его развитие влияли исторические события, обычаи и традиции многонационального народа России, а также опыт других стран. Одним из таких нововведений, имеющих германские корни, является наследственный договор, который в России был введен 01 июня 2019 года в Гражданский Кодекс Российской Федерации Федеральным законом «О внесении изменений в статью 256 части первой и часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации» от 19.07.2018 № 217-ФЗ.

Несмотря на, казалось бы, «новое» основание наследования, но уже в дореволюционной России наследственный договор был предметом научных споров таких известных ученых, как В. И. Курдюновский, К. П. Победоносцев, Г. Ф. Шершеневич. В настоящее время дискуссии по данному вопросу продолжают возникать и между современными учеными. Одни из них, например, В. Ю. Куликов, поддерживает идею наследственного договора [2], а другой — С. Н. Потапов, указывает, что наследодателю дается слишком много привилегий при заключении

наследственного договора, тогда как наследник практически не защищен от нарушения его прав [4].

С абсолютной уверенностью можно сказать, что наследственный договор дает больше возможностей для наследодателя и его наследников, в том числе они могут заранее определиться с долей имущества, которую потенциальные наследники получат в случае смерти наследодателя, а наследодатель вправе выбрать своих (желаемых) наследников, заключив с ними договор, а также назначить душеприказчика (исполнителя). Но, в то же время, изучая ст. 1140.1 Гражданского Кодекса РФ, возникает множество вопросов, обозначающих, на мой взгляд, пробелы в данном законодательстве, например, отсутствие в законе указания, какой правовой акт имеет наибольший приоритет: завещание или наследственный договор, возможность наследодателя заключать несколько договоров с разными потенциальными наследниками, но с одним и тем же имуществом, отменять в одностороннем порядке договор, свободно распоряжаться своим имуществом при жизни, ограничение прав наследников по наследственному договору обязательной долей для лиц, имеющих на нее право и др. Все эти вопросы рассмотрим в рамках настоящей статьи, целью которой является

анализ плюсов и минусов наследственного договора, а также формирование предложений по улучшению нового для российской системы права института — распоряжения на случай смерти.

Как уже отмечалось выше, наследственный договор можно представить в виде соглашения между наследодателем и наследником (наследниками) о судьбе имущества, собственником которого на момент заключения договора является будущий наследодатель, о чем и говорится в абз. 1 п. 1 ст. 1140.1 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее по тексту ГК РФ), где наследственный договор определяется как право наследодателя «заключить с любым из лиц, которые могут призываться к наследованию, договор, условия которого определяют круг наследников и порядок перехода прав на имущество наследодателя после его смерти к пережившим наследодателя сторонам договора или к пережившим третьим лицам, которые могут призываться к наследованию» [1]. О лицах, «которые могут призываться к наследованию», подробно сказано в ст. 1116 ГК РФ [1]. А вот, что касается третьих лиц, которые также могут быть призваны к наследованию, тут возникает вопрос, ведь все стороны договора изначально определены. Я считаю возможным в данном пункте указать конкретно, кто причисляется к третьим лицам. Возможно, это пережившие супруги и их право собственности в совместно нажитом во время брака имуществе или лица, имеющие право на обязательную долю. В любом случае, должно быть дано пояснение.

Как правило, прежде чем решиться на заключение наследственного договора, нужно проанализировать и принять во внимание все возможные последствия его заключения. Также необходимо помнить о том, что обязанности по договору возникают сразу после его подписания и удостоверения нотариусом, а получит ли наследник наследство или нет, по крайней мере, в том объеме, в котором оно предусмотрено условиями договора, зависит от многих обстоятельств, в том числе тех, о которых говорится в абз. 2 п. 1 ст. 1140.1 ГК РФ, а именно, «последствия, предусмотренные наследственным договором, могут быть поставлены в зависимость от наступивших ко дню открытия наследства обстоятельств, относительно которых при заключении наследственного договора было неизвестно, наступят они или не наступят, в том числе от обстоятельств, полностью зависящих от воли одной из сторон» [1]. Скорее всего, законодатель здесь имеет в виду появление обязательных наследников уже после заключения договора либо о возникновении у наследодателя желания или необходимости распорядиться своим имуществом еще при своей жизни, либо потеря имущества в результате каких-либо природных катаклизмов и прочее. Подобных обстоятельств может быть очень много, поэтому необходимо уточнить и конкретизировать их.

Далее, в п. 3 ст. 1140.1 ГК РФ, речь идет о том, что «в случае отказа стороны наследственного договора от наследства наследственный договор сохраняет силу в отношении прав и обязанностей других его сторон, если можно предположить, что он был бы заключен и без включения в него прав и обязанностей отказавшейся от наследства стороны» [1]. Здесь возникает только один вопрос: возможность сохранения силы договора, если отказ от наследства невозможно осуществить без нару-

шения прав других сторон договора. Отказ от наследства по закону или по завещанию регламентируется ст. 1158 ГК РФ [1]. Отказ от наследства по наследственному договору, как еще одному основанию наследования, представляется смутно. Поэтому необходимо дополнить данный пункт, каким именно способом возможно отказаться от наследства по наследственному договору, с указанием или без указания в чью пользу делается отказ, чтобы другие стороны договора не оказались в убытке.

Следующим хотелось бы рассмотреть абз. 3 п. 5 той же статьи. В нем указывается на главенство наследственного договора перед совместным завещанием супругов: «...наследственный договор отменяет действие совершенного до заключения этого наследственного договора совместного завещания супругов» [1]. Само собой разумеется, что такое распоряжение на случай смерти будет приоритетно перед наследованием по закону. Но в статье ничего не сказано об обычном завещании, которое могло бы быть оформлено до или после заключения наследственного договора. В 10 пункте указано, что «наследодатель вправе совершить в любое время односторонний отказ от наследственного договора путем уведомления всех сторон наследственного договора о таком отказе...» и далее во 2 абзаце «наследодатель, отказавшийся от наследственного договора, обязан возместить другим сторонам наследственного договора убытки, которые возникли у них в связи с исполнением наследственного договора к моменту получения копии уведомления об отказе наследодателя от наследственного договора» [1]. Получается, если представить, что в законе конкретно не будет определен приоритет между наследственным договором и обычным завещанием, то, в принципе, наследодатель сможет завещанием отменить договор, не оповещая другие стороны договора об его отмене и не выплачивая им убытки. Я думаю, что этот вопрос необходимо решить таким образом, чтобы у наследников была гарантия, что они узнают об отмене договора и получают возмещение своих убытков, которые могут возникнуть у них вследствие исполнения своих обязательств по договору при отмене такого договора любым способом. Также может возникнуть проблема по подсчету тех расходов, которые наследник понес во время выполнения обязательств по договору, так как можно подсчитать только финансовые затраты, но не подлежат расчету моральные, физические и иные. Ведь, в сущности, любой договор заключается с определенной выгодой для его сторон. И не всегда это могут быть материальные блага. Кому-то, например, достаточно, чтобы гуляли с их собакой, а кому-то необходимо полное содержание и уход.

Несколько непонятно содержание абз. 2 п. 8 рассматриваемой статьи, а именно «если одно имущество наследодателя явилось предметом нескольких наследственных договоров, заключенных с разными лицами, в случае принятия ими наследства подлежит применению тот наследственный договор, который был заключен ранее» [1]. Таким образом, можно предположить, что, так сказать, «недобросовестный» наследодатель вправе «пообещать» одно и то же имущество, например, квартиру или любой другой предмет или объект, нескольким возможным наследникам, заключить с ними договоры, которые, по сути, будут ничтожными. При этом наследодатель сразу же после подписания и удостоверения договора будет получать ка-

кие-либо услуги или блага, предусмотренные условиями такого договора, а в итоге будет действовать тот договор, который был заключен первым. На мой взгляд, здесь может получиться путаница, так как в то же время, «наследодатель вправе заключить один или несколько наследственных договоров с одним или несколькими лицами, которые могут призываться к наследованию» (абз. 1 п. 8 ст. 1140.1 ГК РФ) [1]. Я считаю, что нотариус, прежде чем удостоверить наследственный договор, должен иметь возможность проверить, не заключались ли будущим наследодателем подобные договора ранее. Должна быть создана и сформирована доступная единая база для нотариусов, с помощью которой они смогут получить полную и достоверную информацию о заключенных наследственных договорах определенным лицом, подобной той, которая имеется для проверки наличия или отсутствия завещания.

Конечно же, очень хорошо, что законодательство предусматривает обязательную долю в наследстве для лиц, имеющих на нее право, но мне кажется, что таким образом нарушаются и/или ограничиваются права наследников, заключивших с наследодателем наследственный договор. Даже если в статье оговорено, что стороны могут изменить или расторгнуть данный договор «...по соглашению его сторон или на основании решения суда в связи с существенным изменением обстоятельств, в том числе в связи с выявившейся возможностью призвания к наследованию лиц, имеющих право на обязательную долю в наследстве» (п. 9 ст. 1140.1 ГК РФ) [1], но в ней не сказано, смогут ли наследники получить компенсацию своих затрат (части затрат соразмерно убыткам), которые могут возникнуть в результате выполнения обязательств, возложенных на них указанным договором. Возможно, решением данного вопроса может стать уточнение в законе конкретных адекватных оснований для прекращения или признания недействительным наследственного договора.

Возникает некоторое недопонимание при прочтении 12 пункта, в котором говорится о том, что «после заключения наследственного договора наследодатель вправе совершать любые сделки в отношении принадлежащего ему имущества и иным образом распоряжаться принадлежащим ему имуществом своей волей и в своем интересе, даже если такое распоряжение лишит лицо, которое может быть призвано к наследованию, прав на имущество наследодателя» [1]. Естественно, что при жизни наследодатель является собственником своего имущества и имеет право распоряжаться им в соответствии со своим желанием или необходимостью. Но с другой стороны, вновь у наследника нет гарантии в том, что он получит после смерти наследодателя все положенное ему наследство. Я считаю, что данный пункт статьи нужно дополнить, а именно, добавить пункт о том, что в случае совершения какой-либо сделки с имуществом, указанным предметом наследственного договора, наследодатель

должен, в первую очередь, оповестить другие стороны договора о предстоящей сделке, а затем изменить или отменить договор, возместив ущерб, как это указано во 2 абзаце 10 пункта. Тут также может понадобиться единая база по заключенным наследственным договорам, только еще и открытая для регистраторов, так как в настоящее время сделки проводят не только нотариусы, но и существует простая письменная форма. Тогда потенциальный наследник будет в какой-то мере защищен законом от потери всего наследства или его части.

Кроме всего этого, хотелось бы уточнить вопрос о том, каким образом будет происходить переход права собственности на имущество, указанное в наследственном договоре после смерти наследодателя. С одной стороны, наследственный договор — основание наследования и к нему должны применяться нормы законодательства о принятии наследства, т.е. с соблюдением сроков и порядка оформления у нотариуса. С другой стороны, — это договор, из чего следует, что достаточно будет его предоставить, подобно договорам купли-продажи или дарения, в регистрирующие органы сразу же после удостоверения факта смерти наследодателя. Такой двойственный характер наследственного договора отмечают многие ученые. В связи с чем, также возникает множество вопросов и дискуссий.

Таким образом, обобщая все выше сказанное, можно сделать вывод о том, что современное законодательство в отношении наследственного договора разработано не в полной мере. Большая свобода действий наследодателя, малая защищенность интересов и прав наследника делают в настоящее время наследственный договор мало востребованным. Если проработать пробелы в законодательстве, а именно: определить более четко круг возможных наследников и тех, кто в принципе, может претендовать на наследство по данному виду наследования, указать главенство между завещанием и наследственным договором, утвердить способы отказа от наследства по наследственному договору, определить границы распоряжения наследодателем своим имуществом и возможные последствия такого распоряжения, уточнить порядок перехода права собственности на наследуемое по наследственному договору имущество и решить другие указанные вопросы, то заключение наследственного договора сможет играть огромную роль в регулировании наследственных правоотношений.

А на данном этапе можно сказать, что если для наследодателя заключение наследственного договора можно назвать выгодным, безопасным, то минусов для потенциальных наследников, а точнее недоработок в законе больше, чем положительных сторон. И, прежде чем решиться на заключение подобного договора, нужно оценить все возможные нюансы, свои возможности, тщательно продумать все условия договора, чтобы грамотно и не нарушая закона защищать свои интересы.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 N146-ФЗ (ред. от 24.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 04.08.2023) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». — Текст: электронный. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34154/a21db252d0232406cb40f640d561e48a6376a8bd/ (дата обращения: 08.03.2024).
2. Куликов В. Ю. Особенности реализации принципа свободы договора в рамках заключения наследственного договора // Евразийская адвокатура. — 2019. — № 4(41). — С. 66–69. — Текст: электронный. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/>

- osobnosti-realizatsii-printsipa-svobody-dogovora-v-ramkah-zaklyucheniya-nasledstvennogo-dogovora (дата обращения: 10.02.2024).
3. Лоренц Д. В. Наследственный договор: подход континентального права // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2020. — № 2. — С. 105–129. — Текст: электронный. — URL: <https://law-journal.hse.ru/data/2020/07/20/1595943161/лоренц.pdf> (дата обращения: 15.02.2024).
 4. Потапов С. Н. Алеаторный и фидуциарный характер наследственного договора // Современные проблемы правотворчества и правоприменения: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Иркутск, 21 марта 2019 г.). — Иркутск: Иркутский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России). — 2019. — С. 152–156. — Текст: электронный. — URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37741673> (дата обращения: 05.03.2024).
 5. Сосипатрова Н. Е. Наследственный договор: критический взгляд на правовую конструкцию // Lex russica. — 2021. — Т. 74. — № 11. — С. 30–38. — Текст: электронный. — URL: <file:///C:/Users/ADMIN/Downloads/2184-3922-1-SM.pdf> (дата обращения: 25.02.2024).
 6. Феоктистов А. В. Наследственный договор в России // Право и государство: теория и практика. 2022. № 10(214). С. 40–42. — Текст: электронный. — URL: http://doi.org/10.47643/1815-1337_2022_10_40 (дата обращения: 27.02.2024).

К вопросу о сущности принципов уголовного права

Маслов Владислав Дмитриевич, студент

Научный руководитель: Соловьев Евгений Алексеевич, старший преподаватель
Крымский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Симферополь)

В статье рассмотрены сущностные признаки уголовно — правовых принципов. Изучены предложения, выдвигаемые в правовой доктрине относительно дополнения перечня принципов права, установленных действующим Уголовным кодексом РФ.

Ключевые слова: принципы права, уголовное право, принцип гуманизма, принцип справедливости, принцип равенства, принцип законности, принцип вины.

On the question of the essence of the principles of criminal law

The article considers the essential features of criminal law principles. The proposals put forward in the legal doctrine regarding the addition of the list of principles of law established by the current Criminal Code of the Russian Federation have been studied.

Keywords: principles of law, criminal law, principle of humanity, principle of justice, principle of equality, principle of legality, principle of guilt.

Актуальность рассмотрения вопроса о принципах уголовного права и их природе в условиях современной правовой действительности трудно переоценить. Принципы в любой из отраслей права являются базой, своеобразным фундаментом построения правоотношений. В уголовном праве проблематика выяснения сущности принципов приобретает особое правовое значение, в связи с тем, что целью деятельности правоприменителя является установление истины по тому или иному делу, выявление виновного лица и назначение законного и справедливого наказания, а наказание в свою очередь предполагает применение мер государственного принуждения, ограничивающих конституционные права граждан. Если уполномоченное должностное лицо или суд не следует принципам уголовного права, их решения не могут быть признаны соответствующими закону.

Толковый словарь Ожегова С. И. и Шведовой Н. Ю. определяет «принцип» как «основное, исходное положение какой-нибудь теории, учения, мировоззрения, теоретической программы» [9].

Ершовым В. В. справедливо отмечено, что «вопрос о природе принципов национального права не нашел своего надлежащего разрешения не только в советской и российской общей теории права, но также и во внутригосударственных отраслевых научных исследованиях» [4].

Обращаясь к доктринальным источникам, можно выделить следующие формулировки понятия «принцип права»: «сквозные идеи права, отражающие его содержание, выражающие основы права, закрепляемые в нем закономерности общественной жизни, которые реально выражены в самой правовой материи» [2], «исходные нормативно-руководящие начала (императивные требования), определяющие общую направленность правового регулирования общественных отношений, когда они непосредственно (легально) выражены в нормативных правовых актах или иных формах права» [10].

Принципы уголовного права разрабатываются на основе господствующих в обществе представлений о справедливости, гуманизме, законности, на основе сложившегося менталитета граждан, на основе изучения преступности, уголовно-пра-

вовых норм, установления закономерностей их формирования и действия [13]. Таким образом, они проистекают из общесоциального права.

Принципы уголовного права призваны обеспечить выполнение задач Уголовного кодекса Российской Федерации: охрану прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя Российской Федерации от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества, предупреждение преступлений [1].

А. С. Барабаш отмечает, что «основная часть статей гл. 1 УК РФ имеет отдаленное отношение к принципам уголовного права, сфера их реализации связана с решением вопросов об определении наказания, то есть если говорить о принципах, то это принципы не уголовного права, а определения наказания» [3].

Следует отметить, что в прежних (советских) уголовных кодексах не было ни законодательного перечня таких принципов, ни их нормативного определения (впервые законодательный перечень принципов уголовного права был дан в Основах уголовного законодательства Союза ССР и республик 1991 г., не вступивших в силу в связи с распадом Советского Союза) [5].

На сегодняшний день законодательно понятие «принципы уголовного права» не устанавливается.

Как руководящие, базовые идеи рассматривает принципы уголовного права Г. М. Миньковский, указывая, что данные идеи законодательно закреплены и служат для определения содержания уголовного законодательства и практики его применения [12].

Содержательным представляется понятие принципов уголовного права, предложенное Сумачевым А. В.: «это нормативно заданные основные (отправные) начала (идеи), определяющие систему уголовного права и адресованные субъектам охранительных (общерегулятивных) и конкретно-регулятивных (регулятивных) уголовно-правовых отношений» [11].

Исходя из приведенных понятий можно выделить следующие признаки принципов уголовного права:

- представляют собой основные идеи, имеющие нормативный характер,
- обладают высокой степенью стабильности,
- определяют направления уголовно — правового регулирования, а также наполняют общим содержанием правовое регулирование.

Таким образом, принципы уголовного права — это нормативные начала, идеи, обусловленные общесоциальным правом, которые определяют направленность и содержание уголовно — правового регулирования.

Уголовный кодекс РФ выделяет следующие принципы уголовного права.

Законность — принцип, имеющий место в любой отрасли права и характерный для всей правовой системы России, признанной согласно Конституции РФ правовым государством. Данный принцип для целей уголовного права обозначает, что закон имеет высшую силу, признание лица виновным, применение к нему меры государственного принуждения возможны только на основании уголовного закона.

Равенство граждан перед законом также является универсальным принципом права, означающим, что права граждан не могут быть нарушены либо ограничены по признаку расы, пола, языка, вероисповедания и т.д. Так же и какие-либо привилегии не предоставляются гражданам по вышеперечисленным признакам. В то же время, в уголовном праве этот принцип не означает одинаковой ответственности граждан. Так, например, установлен ряд преступлений, за совершение которых должностное лицо несет повышенную ответственность в сравнении с другими субъектами, наказание ужесточается в связи с преступным использованием таким лицом своего особого правового статуса.

Принцип вины выражается в том, что лицо лично несет уголовную ответственность лишь за те преступления, вина в совершении которых доказана соответствующими уполномоченными органами в установленном законом порядке. Без вины не может быть наказания.

Принцип справедливости обязывает правоприменителя при назначении уголовного наказания гражданам дифференцировать деяния и наказания, учитывая все обстоятельства дела, характер и общественную опасность совершенного деяния, характеризующие данные о личности преступника. Также данный принцип запрещает привлечение к уголовной ответственности дважды за совершение одного деяния.

Последний по списку, но не по значению — принцип гуманизма. Уголовное наказание не должно причинять физических страданий лицу, либо унижать его достоинства.

В то же время в правовой доктрине существуют мнения о необходимости дополнения указанного перечня.

Так, о принципе диспозитивности не было речи до начала XXI века, когда в ходе демократизации общества и внесения соответствующих изменений в уголовное законодательство данный принцип стал проследиваться в ряде статей УК РФ и в ходе правоприменительной деятельности, в том числе, например, добровольный отказ от преступления (ст. 31 УК РФ), нормы, включенные в главу 8 УК РФ «Обстоятельства, исключающие преступность деяния», нормы, связывающие уголовно-правовые последствия деяния с постпреступным поведением виновного либо потерпевшего, и т.п.

В частности, Б. В. Волженкин обоснованно утверждает: «важной тенденцией в эволюции отечественного уголовного права на современном этапе является расширение диспозитивных начал, признание потерпевшего от преступления субъектом не только уголовно-процессуального, но и уголовного правоотношения, способным существенно повлиять на его развитие» [14].

По мнению Н. Н. Полянского, М. С. Строговича, В. М. Савицкого, А. А. Мельникова и А. С. Александрова, «материальная диспозитивность в уголовном процессе — это возможность реализации права на возбуждение уголовного преследования, а формальная — возможность участия в уголовно-процессуальной деятельности в качестве частного обвинителя» [15].

А. В. Сумачев, соглашаясь с позицией упомянутых авторов предлагает, дополняя закон данным принципом, выразить его следующим образом: «Уголовное законодательство Российской Федерации в строго определенных случаях гарантирует цело-

веку возможность действовать по своему усмотрению в целях реализации законных субъективных прав и интересов» [11, с. 9].

Другие авторы также относят к принципам уголовного права принцип «целесообразности», известный отечественному уголовному праву с советских времен (устанавливался статьей 44 Уголовного кодекса РСФСР 1926 года).

Так, по мнению В.К. Дуюнова, целесообразность, как уголовно — правовой принцип «это требование соразмерности воплощения мер уголовно-правового воздействия на практике» [16].

Ю.С. Жариков определил, что «целесообразность уголовно-правового регулирования представляет собой сложное явление, включающее в себя два компонента. Первый связан с законодательным регулированием и определяется уголовной политикой государства в части приоритетов криминализации и пенализации. Второй компонент целесообразности встроен в правоприменительный процесс и определяется целями назначения наказания. В данном случае целесообразность призвана обеспечить переход уголовного права от его объективного состояния в субъективное, а в итоге — конкретизировать и дифференцировать уголовную ответственность и наказание применительно к конкретным деяниям и лицам, их совершившим» [17].

Принцип личной ответственности означает, что каждый человек несет ответственность только за свои собственные действия и их последствия. Если кто-то совершил преступление, то только он должен нести наказание за свои деяния. Ни одно другое лицо не может быть ответственным за преступление, если оно не было непосредственным исполнителем или не имело прямого умысла.

Этот принцип также подразумевает, что только физические лица могут быть привлечены к уголовной ответственности. Юридические лица, такие как компании или организации, не могут быть привлечены к уголовной ответственности. Вместо этого, юридические лица могут быть привлечены к административной или гражданской ответственности.

Принцип личной ответственности также основывается на принципе субъективной вины, что означает, что для привлечения к уголовной ответственности необходимо наличие умысла и намерения совершить преступление. Простое неосторожное поведение обычно не влечет уголовной ответственности, если не было умысла совершить преступление.

Принцип неотвратимости ответственности означает, что никто не должен остаться безнаказанным за совершение преступления. Это значит, что всякий раз, когда лицо совершает преступление, оно должно быть привлечено к уголовной ответственности. Принцип неотвратимости требует, чтобы правоохранительные органы, прокуратура и суд приняли соответствующие меры для осуществления этого принципа. Это может включать возбуждение уголовного дела, судебное разбирательство и оговоренное законом наказание. Однако это не означает, что каждое виновное лицо обязательно должно быть наказано, поскольку наказание может быть заменено иными мерами, такими как применение условного осуждения или отсрочка исполнения наказания.

Говоря о сущности принципов права, в частности, уголовного, нельзя не упомянуть их объективные и субъективные составляющие.

А.В. Коновалов предлагает разрешать вопрос о соотношении объективного и субъективного в сущности принципов права следующим образом:

«1) по своей сути принципы права объективны, и именно эта объективность сообщает им силу и значимость,

2) раскрытие сути принципов в конкретных формулировках допускает и даже предполагает появление элемента субъективизма. Исключительно важными на этой стадии являются правильное понимание общественного запроса на разумное и справедливое правовое регулирование и наличие общественного консенсуса по этому поводу. Имея объективный характер, принципы права могут реализовать свое предназначение — влиять на организацию жизни сообщества людей, — только преломляясь в субъективном восприятии человека, пусть даже теряя что-то в своем качестве» [6].

Субъективная составляющая имеет место в процессе правоприменения при формулировании и интерпретации принципов, при реализации объективных принципов в позитивном праве.

Н.А. Лопашенко приходит к выводу, что «принципы уголовного права:

1) выявляют внутренние объективные закономерности уголовного права и потому сами являются объективными принципами,

2) основываются на Конституции Российской Федерации, общепризнанных принципах и нормах международного права и законодательства,

3) направляют уголовное право в русло решения охранительной и предупредительной задач,

4) имеют «сквозной характер», выполняют интегрирующую роль (пронизывают всё уголовное право и законодательство, проявляются во всех уголовно-правовых институтах, действуют на уровне законодательства и правоприменения),

5) обладают высшей императивностью и общезначимостью,

6) обеспечивают эффективность уголовного права и уголовной политики» [7].

Нельзя не согласиться с мнением Мясликовой А.Ю., в соответствии с которым «принципы уголовного права имеют весомый практический и теоретический смысл, дают возможность представлять как юридическую, а также и политическую природу правовых институтов и правовых норм. Принципы оказывают значительное воздействие на формирование диспозиций и наказаний (санкций) всякой уголовно-правовой нормы Особенной части уголовного закона» [8].

Таким образом, изучая уголовно-правовую доктрину, нормы уголовного законодательства и рассматривая их в рамках ретроспективного анализа, мы можем прийти к выводу, что перечень принципов, установленных на сегодняшний день Уголовным кодексом России, не является исчерпывающим. Учитывая роль регулируемую роль принципов уголовного права, их воздействие на правоприменительную деятельность и в целом на тенденции уголовной политики, вопрос об их толковании и законодательном дополнении не должен оставаться без внимания исследователей и федерального законодателя.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. №63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. Алексеев, С. С. Собрание сочинений: в 10 томах. Т. 3: Проблемы теории права: курс лекций. М., 2010.— С. 101.
3. Барабаш, А. с. О содержании понятия «принцип» в разных отраслях права // Российский юридический журнал. 2019. № 2.— С. 98–108.
4. Ершов, В. В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений: Монография.— М.: РГУП, 2018.— С. 270.
5. Журавлев М. П., Наумов А. В., Никулин С. И., Понятовская Т. Г., Рарог А. И., Янеленко Б. В. Уголовное право России. Части Общая и Особенная (учебник, под ред. заслуженного деятеля науки РФ, д.ю.н., проф. А. И. Рарога, издание 10-е, перераб. и доп.).— М.: «Проспект», 2018.— 944 с.
6. Коновалов, А. В. К вопросу о понятии принципов права // Lex Russica. 2018. № 8.— С. 81–87.
7. Лопашенко Н. А. Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика.— СПб.: Юридический центр Пресс, 2004.— С. 157–159.
8. Мясникова, А. Ю. К вопросу о значении принципов уголовного права // Молодой ученый.— 2022.— № 6 (401).— С. 188–190.
9. Ожегов, С.И., Шведова, Н. Ю. Толковый словарь русского языка.— М.: Азбуковник, 1999.— С. 595.
10. Поляков, С. Б. Легальные и реальные принципы права // Журнал российского права. 2018. № 9.— С. 1728.
11. Сумачев, А. В. О принципах уголовного права // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2017. № 4(42).— С. 8–16.
12. Уголовное право России. Общая часть: учеб. / под ред. В. П. Ревина. М., 2016. С. 30 (автор параграфа — Г. М. Миньковский).
13. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник (коллектив авторов, под ред. д.ю.н., проф. А. В. Бриллиантова, 3-е изд., перераб. и доп.).— М.: «Проспект», 2021.— 1137 с.
14. Волженкин Б. В. Российское уголовное право: традиции, современность, будущее // Российское уголовное право: традиции, современность, будущее: материалы науч. конф., посвященной памяти профессора М. Д. Шаргородского / под ред. Н. М. Кропачева, Б. В.
15. Проблемы судебного права / Н. Н. Полянский, М. С. Строгович, В. М. Савицкий, А. А. Мельников. М.: Наука, 1983.— С. 88; Александров, А. С. Диспозитивность в уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 1995.— С. 8.
16. Дуюнов В. К. Проблемы уголовного наказания в теории, законодательстве и судебной практике.— Курск, 2000.
17. Жариков, Ю. С. Целесообразность как принцип уголовно-правового регулирования // Современное право. 2014. № 8.— С. 95–100.

Значение принципов уголовного права в правоприменительной деятельности

Маслов Владислав Дмитриевич, студент

Научный руководитель: Соловьев Евгений Алексеевич, старший преподаватель
Крымский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Симферополь)

В настоящей работе рассмотрена роль правовых принципов, установленных Уголовным кодексом России, их значение в деятельности правоприменителя. Обуславливается целесообразность дальнейшего детального доктринального изучения сущности уголовно-правовых принципов.

Ключевые слова: уголовное право, принципы права, значение принципов права, уголовно-правовые принципы.

The importance of the principles of criminal law in law enforcement activities

This paper examines the role of the legal principles established by the Criminal Code of Russia, their importance in the activities of law enforcement officers. The expediency of further detailed doctrinal study of the essence of criminal law principles is determined.

Keywords: criminal law, principles of law, the meaning of the principles of law, criminal law principles.

Стой целью, чтобы правовое регулирование достигло своего результата, любой отрасли права необходим установленный вектор, основополагающие начала, в соответствии с которыми будет построена система правовых норм отрасли. Таким вектором является правовой принцип, в связи с чем изучение вопроса о роли последнего в системе уголовного права трудно переоценить.

Под принципами уголовного права принято понимать нормативные начала, идеи, обусловленные общесоциальным правом, которые определяют направленность и содержание уголовно-правового регулирования.

М. М. Гитинова справедливо отмечает, что «в правовом государстве любое толкование закона должно быть согласовано

с конституционными принципами и аксиомами, что исключает толкование, основанное на произвольности. Чем упорнее человек пытается применить к любой ситуации решение, искаженное произвольностями, тем больше произвольностей нужно будет ввести. Под произвольностью в данном случае мы понимаем фактор, введенный в решение проблемы, который берет начало не из конституционных принципов и аксиом, а только во мнении или авторитарной команде» [10, с. 17].

Несмотря на наличие в доктрине точки зрения, определяющей, что принципы являются положениями, выведенными из закона, на наш взгляд, более целесообразным для правового государства является утверждение о первичности принципа перед законом, то есть законы и судебная практика должны соответствовать принципам, «быть вдохновлены» ими.

Верховный Суд Российской Федерации отметил, что «рассмотрение уголовного дела в суде первой инстанции в точном соответствии с установленным законом порядком, отвечающим критериям справедливого судебного разбирательства, служит надежной гарантией защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, и защиты личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. Право на справедливое судебное разбирательство реализуется в суде первой инстанции в ходе публичного слушания уголовного дела в разумный срок независимым, беспристрастным и компетентным судом при соблюдении принципов презумпции невиновности, обеспечения обвиняемому права на защиту, состязательности и равноправия сторон, всех иных принципов уголовного судопроизводства и норм уголовно-процессуального законодательства» [2].

В правовой доктрине рассмотрению значения уголовно-правовых принципов уделяется немалое внимание.

Так, Н.И. Архипцев утверждает, что «...правовые принципы имеют самостоятельное регулирующее значение. Будучи своего рода ступками правовой материи, они как бы направляют функционирование права, определяют линию судебной и иной юридической практики, помогают установить пробелы в праве, необходимость отмены устаревших и принятия новых юридических норм» [4, с. 55].

Справедливым представляется мнение И.М. Байтина, утверждающего, что «такие правовые нормы служат ориентирами совершенствования системы права, определяют необходимость и целесообразность издания, равно как отмены или изменения отдельных юридических норм-правил поведения, в определенных случаях выступают в качестве нормативной основы решения юридического дела и как важнейшее условие правильного применения в соответствии с прямым действием Конституции РФ и т. д.» [5, с. 142].

Так, например, определяя важность принципа «презумпции невиновности», А.В. Сумачев отмечает, что «следовательно возбуждает уголовное дело потому, что предполагает наличие факта совершения преступления. И если презумпция невиновности относится к правовому статусу лица (невозможность применения к нему уголовно-правовых репрессивных мер при отсутствии обвинительного приговора суда), то идея (презумпция) о виновности конкретного человека (либо о наличии факта со-

вершения конкретного преступления) — своеобразный толчок к уголовно-обвинительной деятельности правоприменительных органов» [14, с. 8].

Нельзя не согласиться с мнением О.И. Баранникова, отмечающего, что «принципы, лежащие в основе тех или иных нормативно-правовых актов, в определенной степени отражают эти объективные социальные потребности и интересы общества. И при внесении изменений или дополнений в действующий нормативно-правовой акт законодатель должен опираться на требования тех принципов, которые уже заложены в основу того или иного закона. Таким образом, законодательные предписания, выражающие и закрепляющие принципы права, являются исходными нормами, которые занимают особое место в механизме правового регулирования» [6, с. 185].

Уголовный кодекс РФ выделяет следующие принципы уголовного права: «законность, равенство граждан перед законом, принцип вины, принцип справедливости, принцип гуманизма» и основной их целью является реализация задач, стоящих перед уголовным законодательством: «охрана прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя Российской Федерации от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества, предупреждение преступлений» [1].

Но реализация данных принципов на практике вызывает некоторые вопросы. Основными из них являются:

Во-первых, принципы уголовного права в УК РФ сформулированы не исчерпывающим образом. Многие ученые, в частности Букулов Г.Д., указывают на «необходимость закрепления в Кодексе принципа неотвратимости уголовной ответственности, так как неотвратимость привлечения к уголовной ответственности имеет огромное превентивное значение. При этом правоохранительные органы должны неуклонно реализовывать данный принцип — освобождение от уголовной ответственности может производиться только при наличии оснований, предусмотренных в УК РФ» [8, с. 630].

А.В. Сумачев, предлагает дополнить закон принципом диспозитивности, учитывая, что Уголовный кодекс содержит множество статей предполагающих реализацию некоторых элементов правового статуса участников таких правоотношений по их усмотрению, выразив его следующим образом: «Уголовное законодательство Российской Федерации в строго определенных случаях гарантирует человеку возможность действовать по своему усмотрению в целях реализации законных субъективных прав и интересов» [14, с. 9].

По мнению В.К. Дуюнова, целесообразность также является уголовно-правовым принципом, предполагающим «требование соразмерности воплощения мер уголовно-правового воздействия на практике» [11, с. 120].

Во-вторых, как отмечено Брусницыным Д.Д. «в УК РФ имеются нормы, которые вступают в противоречие с принципами уголовного права в силу недостатков юридической техники. Так, отдельные составы преступлений трудно отграничить друг от друга, грани между административным правонарушением и преступлением нередко слишком расплывчаты. К тому же ведомственные нормативные акты, на которые, прежде всего, в силу

сложившейся традиции ориентируются сотрудники правоохранительных органов, не всегда соответствуют УК РФ» [7, с. 120].

В-третьих, следует учитывать, что «в реализации принципов уголовного права значительная роль отводится Верховному Суду Российской Федерации (далее — ВС РФ). С одной стороны, это отражается в постановлениях Пленума ВС РФ, которые представляют собой настоящее руководство по толкованию уголовно-правовых норм. С другой стороны, ВС РФ уполномочен отменять или изменять приговоры нижестоящих судов, а это происходит в тех случаях, когда эти суды нарушают те или иные принципы уголовного права. Поэтому для правоприменителя важно систематически и своевременно знакомиться с обзорами судебной практики по рассмотрению той или иной категории уголовных дел» [8, с. 633].

В-четвертых, очень многое зависит от эффективности деятельности работников правоохранительных органов. Низкая квалификация сотрудников приводит к серьезным проблемам в их практической деятельности.

Этим и другими факторами обусловлена необходимость дальнейшей доктринальной разработки вопроса о сущности принципов уголовного права, как идей, определяющих направление уголовно-правового регулирования и способствующих дальнейшему реформированию и совершенствованию уголовного законодательства. Также представляется целесообразным принятие мер, направленных на постоянное повышение квалификации сотрудников правоохранительных органов, а также тщательного контроля за соблюдением ими установленных законом уголовно-правовых принципов.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. №63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2017 г. № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)» // Российская газета. 2017. № 297.
3. Александров, А. С. Диспозитивность в уголовном процессе: автореф. дис... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 1995.— 28 с.
4. Архипцев, Н. И. Уголовно-правовое законодательство: проблемы и перспективы совершенствования // Журнал российского права. 2004. № 2.— С. 55–59.
5. Байтин, И. М. Сущность права. (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков) / Байтин И. М.— 2-е изд., доп. М.: Право и государство, 2005.— 544 с.
6. Баранников, О. И. Развитие научных представлений о сущности принципов уголовного права / О. И. Баранников.— Текст: непосредственный // Молодой ученый.— 2017.— № 46 (180).— С. 185–188.— URL: <https://moluch.ru/archive/180/46487/> (дата обращения: 12.01.2024).
7. Брусницын, Д. Д. Актуальные проблемы реализации принципов уголовного закона // Вестник науки. 2023. № 3 (60).— С. 120.
8. Букулов, Г. Д. Проблемы реализации принципов уголовного законодательства / Г. Д. Букулов // Аллея науки.— 2019.— № 12 (39).— С. 630–636.
9. Волженкин Б. В. Российское уголовное право: традиции, современность, будущее // Российское уголовное право: традиции, современность, будущее: материалы науч. конф., посвященной памяти профессора М. Д. Шаргородского / под ред. Н. М. Кропачева, Б. В. Волженкина. СПб.: Издат. дом С.-Петербур. гос. ун-та, Изд-во юрид. фак-та С.-Петербур. гос. ун-та, 2005.— С. 27–29.
10. Гитинова, М. М. О значении принципов уголовного права // Системные технологии. 2013. № 6.— С. 17–22.
11. Дуюнов В. К. Проблемы уголовного наказания в теории, законодательстве и судебной практике.— Курск, 2000.
12. Жариков, Ю. С. Целесообразность как принцип уголовно-правового регулирования // Современное право. 2014. № 8.— С. 95–100.
13. Проблемы судебного права / Н. Н. Полянский, М. С. Строгович, В. М. Савицкий, А. А. Мельников. М.: Наука, 1983.— 224 с.
14. Сумачев, А. В. О принципах уголовного права // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2017. № 4(42).— С. 8–16.

Основы государственной культурной политики в РФ

Мусина Альбина Муратовна, студент магистратуры;
Захарова Виктория Алексеевна, кандидат юридических наук, доцент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье автор обсуждает важность культурной среды для общества и ее влияние на гуманитарный кризис. В ней также рассматривается роль государства в формировании и реализации культурной политики России, в том числе на основе федерального закона «Основы законодательства Российской Федерации о культуре»

Ключевые слова: культура, культурная среда, культурная политика России, федеральный закон «Основы законодательства Российской Федерации о культуре».

Культурная среда сегодня становится одним из важнейших понятий общества и представляет собой сложную многоуровневую систему, внутри которой решение проблем может быть только комплексным, учитывающим множество факторов и соединяющим усилия органов власти разного уровня, ведомств, общественных институтов и бизнеса [1]. Снижение интеллектуального и культурного уровня общества, искажение и подмена истинных ценностей сигнализируют о гуманитарном кризисе и требуют системного преодоления. Во многом успешный выход из кризиса зависит от культурной политики, проводимой государством [2].

Ответственность государства за современную культурную политику России основывается на конкретизации определения понятий, которые связаны с политикой государства в области культурного развития. Федеральный закон «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» от 9 октября 1992 г. № 3612-1 (ред. от 5 декабря 2017 г.) содержит следующее определение: государственная культурная политика — совокупность принципов и норм, которыми руководствуется государство в своей деятельности по сохранению, развитию и распространению культуры, а также сама деятельность государства в области культуры [3].

Опираясь на нормативные правовые документы (распоряжение Правительства РФ от 29 февраля 2016 г. № 326-р «Об утверждении Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года», Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», Указ Президента РФ от 24 декабря 2014 г. № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики»), следует понимать, что государственная культурная политика — это неотъемлемая часть стратегии национальной безопасности Российской Федерации, которая постоянно корректируется в соответствии с изменениями внутренней и внешней ситуации, учитывает возникающие проблемы, корректирует набор действий для получения необходимого результата [1].

Основным содержанием государственной культурной политики России является создание и развитие системы воспитания и просвещения граждан на основе раскрытия творческих способностей личности, воспитания эстетического восприятия окружающего мира и приобщения к разнообразным видам культурной деятельности.

К основным целям государственной культурной политики можно отнести следующие: формирование гармонично развитой личности, укрепление единства общества, где приоритетами являются культура и гуманитарное развитие.

Наиболее важными задачами государственной культурной политики являются укрепление гражданской идентичности, создание благоприятных условий для воспитания граждан, сохранение исторического и культурного наследия, преемственность поколений, создание условий для реализации творческого потенциала отдельной личности, обеспечение максимальной до-

ступности для граждан знаний, информации, культурных ценностей [4].

Для реализации культурной политики государство использует различные механизмы воздействия. Выделим основные из них:

Правовые:

- разработка и реализация нормативных правовых актов;
- экспертиза принимаемых нормативных правовых документов;
- проведение мероприятий по повышению правовой культуры населения;
- разработка стандартов и нормативов предоставления культурных услуг населению.

Организационные:

- разработка различных творческих проектов;
- создание систем взаимодействия государственных и негосударственных структур, ведущих культурную и творческую деятельность;
- использование общественно-государственных форм управления (например, координационных, общественных, экспертных советов).

Финансовые:

- внедрение системы многоканального финансирования культуры;
- использование государственного социально-творческого заказа;
- грантовая поддержка;
- спонсорская помощь бизнес-структур;
- помощь меценатов.

Информационные:

- формирование единого информационного пространства культуры путем создания крупных информационных порталов;
- создание информационных сетей «культурных центров» и «культурных маршрутов»;
- формирование, воспитание информационной культуры.

Образовательные:

- сохранение ведомственной принадлежности отраслевых образовательных учреждений;
- развитие и совершенствование системы многоуровневого образования;
- выявление и поддержка одаренных детей, талантливых студентов и молодых преподавателей творческих профессий;
- создание образовательных лабораторий, центров актуального искусства, поддержка и трансляция инновационного педагогического опыта.

Кадровые:

- совершенствование системы подготовки, переподготовки и повышения квалификации специалистов и внедрение целевых стажировок в России и за рубежом;
- реализация образовательных проектов, направленных на формирование управленческих кадров отрасли;

— создание новых рабочих мест в сфере творческой индустрии;
— решение комплекса социальных проблем.

Экспертные:

— привлечение экспертов к разработке стратегических решений и тактических задач в области культурной политики;
— организация мониторинга культурных процессов, создание информационно-аналитической базы по вопросам культурной политики;

— привлечение экспертов к разработке и внедрению государственных и муниципальных нормативов обеспечения населения культурными услугами;

— экспертиза развития культурного потенциала, программ, проектов и сценариев культурного развития, традиционных для России нравственных ценностей; гражданской ответственности и патриотизма посредством освоения исторического и культурного наследия России, мировой культуры [2].

Механизмы воздействия на реализацию культурной политики разнообразны и охватывают сразу множество на-

правлений социально-культурной жизни общества, что позволяет найти оптимальные пути выхода из гуманитарного кризиса.

Таким образом, государственная культурная политика представлена как широкое межотраслевое явление, которое охватывает культурное наследие народов России, осуществление всех видов культурной деятельности, русский язык, языки народов России, социальные и гуманитарные науки, фольклор и отечественную литературу, международные культурные, гуманитарные связи, а также воспитание, просвещение, детское и молодежное движение, информационную среду, креативные (творческие) индустрии, совершенствование системы управления культурой.

В Российской Федерации культура возведена в ранг национальных приоритетов и признана одним из важнейших факторов роста качества жизни и гармонизации общественных отношений, гарантом динамичного социально-экономического развития, залогом сохранения единого культурного пространства и территориальной целостности России.

Литература:

1. Пронин А. А. Правовое регулирование в сфере культуры: учебник для вузов / А. А. Пронин. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2024. — 190 с. — (Высшее образование). — ISBN978-5-534-18200-2. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. с. 57 — URL: <https://urait.ru/bcode/534521/p.57> (дата обращения: 04.03.2024).
2. Басалаева О. Г. Основы государственной культурной политики Российской Федерации: учебное пособие для вузов / О. Г. Басалаева, Т. А. Волкова, Е. В. Паничкина. — 2-е изд. — Москва: Издательство Юрайт, 2024. — 112 с. — (Высшее образование). — ISBN978-5-534-17129-7. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. с. 12 — URL: <https://urait.ru/bcode/519601/p.12> (дата обращения: 04.03.2024).
3. «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» [Электронный ресурс]: утв. ВС РФ 09.10.1992 N3612-1 (ред. от 10.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 22.12.2023). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Каменец А. В. Основы культурной политики: учебное пособие для вузов / А. В. Каменец. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2024. — 164 с. — (Высшее образование). — ISBN978-5-534-18926-1. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. с. 14 — URL: <https://urait.ru/bcode/555100/p.14> (дата обращения: 06.03.2024).

Особенности государственного управления в сфере культуры

Мусина Альбина Муратовна, студент магистратуры;

Захарова Виктория Алексеевна, кандидат юридических наук, доцент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

Статья посвящена обсуждению значимости культуры для социально-экономического развития государства и особенности государственного управления в данной сфере. В частности, рассматривается российское законодательство и стратегия государственной культурной политики в России до 2030 года.

Ключевые слова: культура, государственное управление в сфере культуры, национальный проект «Культура».

Культура играет важную роль в социально-экономическом развитии государства. Государство стремится защищать и развивать культуру, так как она формирует идентичность и является нравственным ориентиром человека, определяет его место в обществе.

Государственное управление в сфере культуры имеет свои особенности, которые могут отличаться в разных странах в за-

висимости от их политической, экономической и культурной специфики. В России же государственное управление в сфере культуры имеет ряд особенностей. Данные особенности в том числе связаны с существующей формой административно-территориального устройства. Национальное законодательство, в соответствии с Конституцией РФ, подразделяется на федеральное законодательство РФ, законодательство субъектов

РФ, а также правовые аспекты местного самоуправления. При этом на территории России действуют общая стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года, которая была утверждена Распоряжением Правительства РФ от 29.02.2016 N326-р «Об утверждении Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года» [1].

Для определения границ и элементов культуры в Российской Федерации на законодательном уровне закреплены основные понятия в сфере культуры Указом Президента РФ от 24.12.2014 № 808 и документом «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» (утв. ВС РФ 09.10.1992 N3612-1) [2, 3].

В соответствии с российским законодательством, к сферам регулируемой культурной деятельности относятся все формы народной культуры, включая фольклор, народное творчество, обычаи, памятники истории и культуры, музейное, библиотечное и архивное дело, музыку, книгоиздательство и другие виды деятельности, связанные с охраной культурного наследия [4]. Также Указом Президента РФ была проведена актуализация приоритетов в государственной культурной политики. Президент РФ указывает на необходимость упоминания темы семьи и традиционных ценностей в культурной политике. Таким образом, перечень культурных ценностей был расширен и к приоритетам культурной политики были отнесены:

- создание условий для воспитания и развития детей на основе традиционных российских духовно-нравственных ценностей и защита интересов детей;
- защита традиционных семейных ценностей и института брака как союза мужчины и женщины;
- приоритетная государственная поддержка культурной деятельности, направленной на сохранение традиционных российских духовно-нравственных ценностей, исторической памяти и защиту исторической правды [2].

Законодательство в сфере культуры в России традиционно условно делят на международные соглашения (акты) и на национальное законодательство. Одним из базовых нормативных правовых актов национального законодательства в сфере куль-

туры является документ «Основы законодательства Российской Федерации о культуре», который содержит необходимую информацию для проведения государственной культурной политики. Также важным нормативным правовым актом является подзаконный акт Указ Президента РФ от 24.12.2014 № 808, который содержит определения понятий сферы культуры и освещает цели и задачи, принципы культурной политики государства, а также обосновывает необходимость проведения и определения культурной политики в целом.

При этом данный Указ расширил перечень понятий, которые могут употребляться в сфере культуры. С течением времени и естественным развитием появились новые тенденции культурного развития и новые технологии в данной сфере. Таким образом, понятийный аппарат был модернизирован и были введены некоторые термины, в том числе понятия «информационная среда», «информационная грамотность» и «творческие индустрии», а также дано определение понятию и «культуры» в целом.

Международные соглашения, в свою очередь, уделяют внимание по большей части свободам и правам человека в сфере культуры [1].

В 2022 году наиболее высокий уровень выполнения плановых показателей государственных заданий установлен по услугам (работам), оказываемым (выполняемым) в нескольких сферах, в том числе в сфере «Культура, кинематография». При этом стоит отметить, что закладываемая доля расходов по направлению «Культура, кинематография» в общих расходах федерального бюджета по разделам функциональной классификации в 2022 году составляла менее 1%. Подобная ситуация сохранилась и в федеральном бюджете на 2024 год (и плановые 2024 и 2025 гг.) (см. рис. 1) [5].

Также в сфере культуры действует национальный проект «Культура», который делится на три федеральных проекта: «Культурная среда», «Творческие люди» и «Цифровая культура». Стоит отметить, что последний проект был особо интересен в период пандемии.

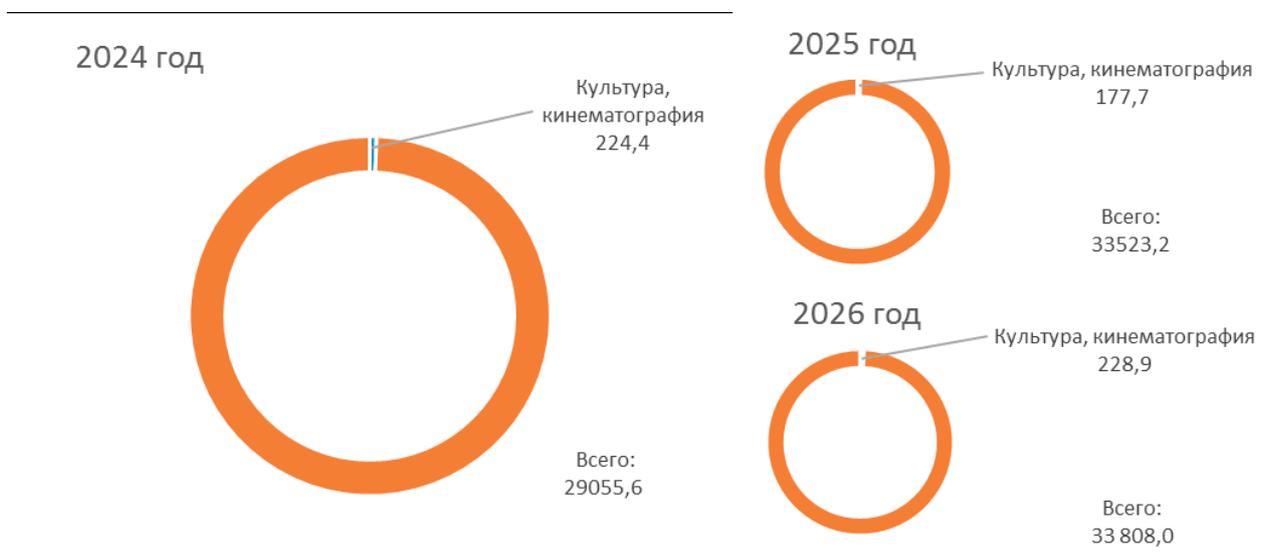

Рис. 1. Доля расходов по разделу функциональной классификации «Культура, кинематография» относительно расходов федерального бюджета на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов, млрд рублей [5]

Культурная сфера жизни людей в тот период сильнее всего пострадала из-за невозможности предоставления доступа к культурному продукту в связи с коронавирусными ограничениями: многие творческие мероприятия были отменены, а также закрывались музеи, театры, кинотеатры и т.д.

Непростые условия вынуждали развивать онлайн-технологии в области культуры и менять форматы посещения музеев, покупки арт-объектов на выставке, просмотра кино и т.п. В период пандемии появлялись виртуальные комнаты для просмотра и покупки арт-объектов, виртуальное посещение музеев, онлайн-лектории, онлайн-встречи с деятелями искусства, уско-

рение перехода кино в онлайн среду и т.п. Данные меры пользовались популярностью. Например, 27 марта 2020 года Большой театр начал трансляцию серий ранее записанных спектаклей «Золотого фонда» на официальном YouTube-канале без географических ограничений, которые после окончания трансляции были доступны еще в течение 24 часов. Статистика первых шести показов показала около 3 млн зрителей и 134 страны, а к 13 апреля 2020 года показы собрали 6,5 млн пользователей [6].

Таким образом, государственная культурная политика РФ является важным инструментом формирования и развития культурного пространства страны.

Литература:

1. Пронин, А. А. Правовое регулирование в сфере культуры: учебник для вузов / А. А. Пронин. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2024. — 190 с. — (Высшее образование). — ISBN978-5-534-18200-2. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/534521> (дата обращения: 05.03.2024).
2. Указ Президента РФ «Об утверждении Основ государственной культурной политики» [Электронный ресурс]: от 24.12.2014 N808 (ред. от 25.01.2023). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» [Электронный ресурс]: (утв. ВС РФ 09.10.1992 N3612-1) (ред. от 10.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 22.12.2023). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Четверова, К. С. Особенности и проблемы государственного управления в сфере культуры / К. С. Четверова // Теория и практика инновационных технологий в АПК: Материалы национальной научно-практической конференции, Воронеж, 21–30 марта 2023 года. Том Часть III. — Воронеж: Воронежский государственный аграрный университет им. Императора Петра I, 2023. — С. 362–366.
5. Бюджет для граждан к Федеральному закону о федеральном бюджете на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2023/12/main/Budzheta_dlya_grazhdan_2024-2026.pdf (дата обращения: 02.03.2024).
6. Культура в условиях пандемии COVID-19 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ach.gov.ru/upload/pdf/Covid-19-culture.pdf> (дата обращения: 02.03.2024).

Актуальные вызовы и проблемы несостоятельности юридических лиц

Неживкова Светлана Борисовна, студент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье анализируются правовые особенности развития института несостоятельности (банкротства) юридических лиц по законодательству Российской Федерации, а также проблемные вопросы, требующие решения на данном этапе.

Ключевые слова: несостоятельность, банкротство, проблемы, правовое регулирование, юридические лица.

Current challenges and problems of the insolvency of legal entities

Nezhivkova Svetlana Borisovna, student
Moscow University of Finance and Law

The article analyzes the legal features of the development of the institution of insolvency (bankruptcy) of legal entities under the legislation of the Russian Federation, as well as problematic issues that need to be addressed at this stage.

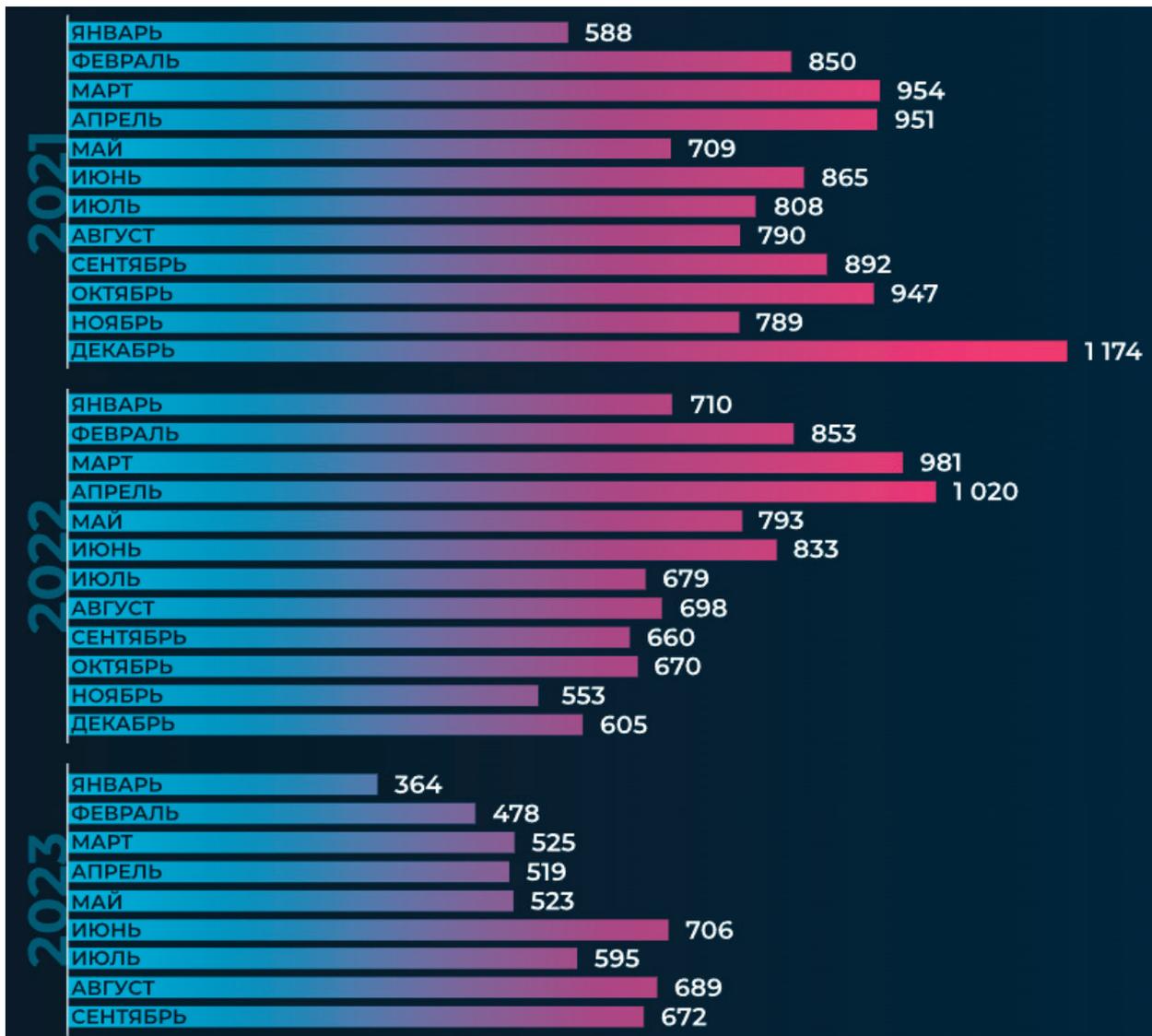
Keywords: insolvency, bankruptcy, problems, legal regulation, legal entities.

Юридическая суть несостоятельности (банкротства) состоит в том, что хозяйствующий субъект оказывается не в состоянии выполнить свои обязательства, взятые по доброй

воле или возложенные на него в силу сложившихся обстоятельств [2]. В России с каждым годом увеличивается количество обанкротившихся юридических лиц. Это связано с большими

убытками юридических лиц, далее проблема возникает в вопросе оплаты труда работника данного юридического лица, и соответ-

ственно, не происходит никаких расчетов с контрагентами должника [3, с. 205]. Рассмотрим данную тенденцию на рисунке.

На представленном рисунке видно, что в 2021 году банкротам стало намного больше юридических лиц, чем в 2023 году. Главная причина данного явления — это пандемия коронавирусной инфекции, которая потрясла большую часть отраслей экономики. Второй причиной является начало специальной военной операции.

Также, проблемы связаны и с организационными аспектами деятельности бизнеса. Одной из основных проблем банкротства юридических лиц является финансовая неустойчивость. Многие компании сталкиваются с финансовыми трудностями из-за различных причин, например, недостаточной рентабельности бизнеса, неправильного финансового планирования, увеличения долговой нагрузки или неэффективного управления финансами. Как результат, компания может оказаться неспособной удерживать платежеспособность и выполнять свои финансовые обязательства перед кредиторами [4, с. 91].

Другой актуальной проблемой банкротства юридических лиц является неэффективное управление. Недостаточное профес-

сионализм в управлении бизнесом, отсутствие стратегического видения или несвоевременные решения могут привести к ухудшению финансового положения компании и, в конечном итоге, к банкротству. Кроме того, важно иметь четкий механизм контроля и оценки деятельности компании, чтобы своевременно выявлять проблемы и принимать меры к их урегулированию.

Также актуальной проблемой банкротства юридических лиц является изменение внешних условий, таких как экономический кризис, снижение спроса на продукцию или услуги компании, изменения в законодательстве или обстановке на рынке. Глобальные факторы могут оказать серьезное влияние на бизнес, а неспособность реагировать на них адекватно может привести к финансовым трудностям и последующему банкротству [3, с. 206].

Для предотвращения и урегулирования проблем банкротства юридических лиц необходимо принимать ряд мер и действий. Прежде всего, компании должны вести прозрачное и ответственное финансовое планирование, тщательно контро-

ликовать обязательства и доходы, а также стремиться к увеличению эффективности и рентабельности деятельности.

На сегодняшний день одним из возможных путей решения данных проблем можно считать создание проекта системы финансовой безопасности юридического лица, который был

бы направлен на всесторонний анализ проблематики организации, выявление причин кризисного состояния, внедрения плана действий, позволяющих не допустить банкротства юридического лица, а также промежуточный и своевременный контроль на всех этапах реализации данной концепции.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (в ред. от 18.03.2023) // ПС Консультант-Плюс.
2. Гражданское право. В 4 т. Том 1. Общая часть. 3-е изд. Под ред. Е. А. Суханова. М., 2018.
3. Немце-Петровская, Э. Ю. Проблемы правового регулирования и правоприменительной практики несостоятельности (банкротства) юридического лица / Э. Ю. Немце-Петровская. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2021. — № 3 (345). — С. 205–207. — URL: <https://moluch.ru/archive/345/77700/>
4. Подольский Ю. Д. Обособленные споры в банкротстве: монография / Подольский Ю. Д.. — Москва: Статут, 2020. — 171 с.

Реализация принципа приоритета сохранения особо ценных земель и земель особо охраняемых территорий на примере судебной практики

Никишин Владислав Вячеславович, студент

Научный руководитель: Чашкин Петр Владимирович, кандидат юридических наук, доцент
Оренбургский институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина

В статье автор раскрывает сущность принципа приоритета сохранения особо ценных земель и земель особо охраняемых территорий, определяет их составляющие, приводит нормы законодательства в данной сфере, а также судебную практику.

Ключевые слова: сохранение, территории, земли, охрана, режим.

Сохранение особо ценных земель и земель особо охраняемых территорий является одной из важнейших задач современной экологии и природоохраны. Данные уникальные участки природы обладают высокой научной, культурной и исторической ценностью, а также играют важную роль в сохранении биологического разнообразия и экосистем. Такие земли включают в себя различные типы природных объектов, такие как национальные парки, заповедники, природные памятники и другие. Они представляют собой уникальные экосистемы, которые содержат редкие виды животных и растений, а также являются местами проведения научных исследований.

Особо охраняемые территории имеют специальные режимы их использования и ограничения, системы охраны и управления ими, стратегии по мониторингу и контролю за соблюдением норм законодательства, а также государственное обеспечение сотрудничества и взаимодействия между различными организациями, научными учреждениями и общественностью.

В соответствии с преамбулой к Федеральному закону от 14 марта 1995 года № 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях» (далее — ФЗ № 33-ФЗ) особо охраняемые природные территории — участки земли, водной поверхности и воздушного пространства над ними, где располагаются природные комплексы и объекты, которые имеют особое природоохранное, научное, культурное, эстетическое, рекреационное и оздоровительное значение, которые изъяты решениями органов государственной власти полностью или частично из хо-

зяйственного использования и для которых установлен режим особой охраны [1, с. 1].

Особо охраняемые природные территории относятся к объектам общенационального достояния, именно поэтому соблюдать установленный режим охраны и использования обязаны все граждане, индивидуальные предприниматели, юридические лица и иные субъекты.

Принцип приоритета сохранения особо ценных земель и земель особо охраняемых территорий закреплен в п. 6 ст. 1 ЗК РФ [2, с. 1]. Согласно ему изменение целевого назначения ценных земель сельскохозяйственного назначения, земель, занятых защитными лесами, земель особо охраняемых природных территорий и объектов, земель, занятых объектами культурного наследия, других особо ценных земель и земель особо охраняемых территорий для иных целей ограничивается или запрещается в порядке, установленном федеральными законами. Установление данного принципа не должно толковаться как отрицание или умаление значения земель других категорий.

Судебной практикой подтверждается позитивная тенденция реализации рассматриваемого принципа. Далее будет приведено и проанализировано несколько примеров.

Так, в 2021 году было рассмотрено дело по иску межрайонного природоохранного прокурора в защиту прав и законных интересов неопределенного круга лиц субъекта Российской Федерации в лице Департамента городского имущества к ООО «ПАРК ХАУС» об освобождении самовольно занимае-

мого земельного участка. Как было установлено, территория, незаконно занимаемая ООО «ПАРК ХАУС», по периметру огорожена, на почвенном покрове идет накопление строительных материалов и отходов производства и потребления.

По информации Департамента культурного наследия незаконно занятая ответчиком территория полностью входит в границы территории зоны охраняемого культурного слоя № 29 «Коньковские курганные могильники XII–XIII вв.». Любая деятельность, связанная с проведением работ в границах территории зоны охраняемого культурного слоя, должна быть согласована с Департаментом культурного наследия, однако, проведение таких работ не согласовывалось.

Ответчиками также нарушается гарантированное ст. 42 Конституции Российской Федерации [3, с. 1] и ст. 11 Федерального закона от 10 января 2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» право каждого на благоприятную окружающую среду [4, с. 1], поскольку работы по размещению объектов некапитального строительства проведены в границах особо охраняемой природной территории в отсутствие обязательной разрешительной документации, определяющей степень допустимого антропогенного воздействия на особо ценные компоненты природной среды.

При таких обстоятельствах, с учетом того, что в ходе судебного разбирательства нашел свое подтверждение факт нарушения ответчиками требований земельного и природоохранного законодательства, суд считает требования истца заявлены обоснованно, а потому подлежат удовлетворению [5, с. 1].

В другом деле с иском заявлением о признании недействующим постановления Правительства Ярославской области от 28 мая 2020 года № 452-п «Об упразднении памятников природы и о внесении изменений в постановления Правительства области от 01 июля 2010 № 460-п, от 02 ноября 2017 № 823-п» обратился Волжский межрегиональный природоохранный прокурор. В обоснование требований административного иска прокурор указал, что оспариваемое постановление принято с нарушением процедуры его принятия, установленной ст. 2 ФЗ № 33-ФЗ, поскольку оно не было согласовано с Министерством природных ресурсов и экологии Российской Федерации.

Кроме того, оспариваемое постановление в части упразднения памятника природы «Городской сквер» противоречит положениям ст. 58 Федерального закона «Об охране окружающей среды», поскольку принятие постановления в данной части привело к изъятию земель природно-заповедного фонда.

Суд принимает во внимание то, что ФЗ № 33-ФЗ, иные федеральные законы в сфере охраны окружающей среды не содержат таких понятий, как упразднение особо охраняемой природной территории, утрата статуса такой территорией. Не-

обходимость такого согласования прямо предусмотрена и законодательством Ярославской области. Из материалов дела следует, что целью создания памятника природы регионального значения «Городской сквер» и «Петровский городской парк» явилось сохранение старинного городского парка, памятника садово-паркового искусства, сохранение природных комплексов и ландшафтов, объектов растительного и животного мира, культурно-исторических объектов на территории парка. Упразднение памятников природы в связи с пересечением ими границ объекта культурного наследия не соответствует законодательству об особо охраняемых территориях.

Приведенные обстоятельства являются основанием для признания недействующим оспариваемого Постановления Правительства Ярославской области, в связи с чем судом было принято решение исковое заявление удовлетворить [6, с. 1].

Приведем еще один довольно яркий пример из судебной практики.

Решением Арбитражного суда Краснодарского края от 12 апреля 2023 г. по делу № А32–35024/2022 было удовлетворено исковое заявление об установлении запрета в отношении ООО «САМА ПРИРОДА» осуществлять на лесном участке, находящегося в границах особо охраняемой природной территории регионального значения — природном парке «Маркотх», деятельность по накоплению отходов, распашке земель, ведению сельского хозяйства, за исключением пчеловодства, и все виды рубок, за исключением санитарных, а также о возмещении вреда, нанесенного природной территории. В рассматриваемом деле с иском заявлением обратилось само Министерство природных ресурсов Краснодарского края.

По результатам экспертизы деятельность Общества повлекла за собой снятие и перемещение плодородного слоя почвы, а также, как следует из материалов дела, нанесла настолько существенный вред природе, что уничтожила среду обитания нескольких видов позвоночных и беспозвоночных животных, занесенных в Красную книгу Российской Федерации [7, с. 1].

В заключение проведенного исследования можно сделать вывод, что реализация принципа приоритета сохранения особо ценных земель и земель особо охраняемых территорий является достаточно распространенным предметом судебных разбирательств. Из всего перечня анализируемых судебных решений в данной сфере не было найдено таких, где бы не были удовлетворены требования по прекращению нарушения природоохранного законодательства. Необходимо отметить, что суды принимают во внимание уникальность и экологическую ценность данных земель, а также их значимость для сохранения биоразнообразия и природных ресурсов.

Литература:

1. Федеральный закон от 14 марта 1995 № 33-ФЗ (ред. от 10 июля 2023 г.) «Об особо охраняемых природных территориях // Собрание законодательства РФ, 23.03.1995. № 12. Ст. 1024.
2. Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 № 136-ФЗ (ред. от 14 февраля 2024 г.) // Собрание законодательства РФ, 29.10.2001. № 44. Ст. 4147.
3. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 01.07.2020 № 1-ФЗ) // Собрание законодательства РФ, 03.07.2020, № 31, ст. 4412.

4. Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ (ред. от 25 декабря 2023 г.) «Об охране окружающей среды» // Собрание законодательства РФ. — 14.01.2002. — № 2. — ст. 133.
5. Решение Щербинского районного суда № 2–2057/2021 от 17 марта 2021 // <https://mos-gorsud.ru/rs/shcherbinskij/cases/docs/content/01044700–1466–11ec-abcf-1fcf42046eb1> (дата обращения: 01.03.2024).
6. Решение Ярославского областного суда № 3А-60/2023 от 6 июля 2023 г. // <https://sudact.ru/regular/doc/DxXu7u7nOMZ8/> (дата обращения: 01.03.2024).
7. Решение Арбитражного суда Краснодарского края № А32–35024/2022 от 12 апреля 2023 г. <https://sudact.ru/arbitral/doc/v0oIzTXHDPs/> (дата обращения: 01.03.2024).

Право на занятие педагогической деятельностью

Панкова Анастасия Романовна, студент магистратуры
Государственный университет просвещения (г. Мытищи, Московская обл.)

В статье автор исследует недопущение гражданина к педагогической деятельности, прописанные в нормативно-правовых актах Российской Федерации.

Ключевые слова: трудовое право, Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации», ограничение прав и свобод человека, право на занятие педагогической деятельностью, образовательный ценз.

Современном обществе педагогическая деятельность играет важную роль в формировании и развитии личности. Однако не каждый желающий может заниматься преподаванием. Даже при опоре на статью 37 Конституции Российской Федерации, в которой учтена возможность людей выбирать вид работы и их профессию [2], а кроме того, при ссылке на статью 2 Трудового кодекса Российской Федерации, в согласии с предыдущей статьёй признаётся свобода труда, включая право на выбор работы и распоряжение своими трудовыми способностями [4]. Не каждый человек может заниматься определённой профессиональной деятельностью на территории Российской Федерации. В нашем государстве, как и во многих других, есть ограничения на различные виды трудовой деятельностью.

Это указано в части 3 статьи 55 Конституции РФ: «права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства» [3].

В соответствии с данным законом ограничение прав на работу в сфере образования не считается дискриминацией.

Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» в 21 пункте статьи 2 определяет педагогического работника как: «лицо, которое состоит в трудовых, служебных отношениях с ООД, и выполняет обязанности по обучению, воспитанию обучающихся и (или) организации образовательной деятельности» [7].

Проблема касательно того, кто может быть педагогическим работником на сегодняшний период урегулирована статьёй 331 Трудового кодекса Российской Федерации, а также статьёй 46 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации».

Чтобы получить право на занятие педагогической деятельностью, необходимо наличие специального образования. Человек должен окончить педагогический вуз и получить диплом,

подтверждающий его квалификацию в области образования, то есть иметь «образовательный ценз» [5]. Ещё важно пройти педагогическую практику, чтобы приобрести не только теоретические знания, но и практические навыки.

Также для того, чтобы работник мог заниматься педагогической деятельностью, необходимо отсутствие судебного запрещения на это. Подобное табу устанавливается только приговором суда, при этом он должен вступить в законную силу. В отношении всех работников, которые связаны со сферой образования, даже с исполнительной властью, управляющих образованием, суд имеет право применить запрет на их трудовую деятельность в образовательном учреждении при совершении преступлений, предусмотренных Уголовным кодексом Российской Федерации [1, с. 97].

В согласии с предыдущим пунктом, лицо, чтобы его допустили к педагогической деятельности, не должно иметь судимости за серьезные преступления против жизни, здоровья, свободы, чести, достоинства, половой неприкосновенности, семьи, несовершеннолетних, общественной нравственности, конституционного строя, безопасности государства и общественной безопасности. В соответствии с этим, лица, с погашенной судимостью за совершение преступлений небольшой и средней тяжести, могут быть допущены к педагогической деятельности. Для того чтобы, данный человек смог осуществлять образовательную деятельность, создаётся комиссия высшим исполнительным органом государственной власти субъекта Российской Федерации по делам несовершеннолетних и защите их прав в соответствии со статьёй 11 Федерального закона от 24 июня 1999 г. №120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», именно эта комиссия заключает постановление о допуске данных работников».

Из чего можно заключить, что законодатель дал комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав право осуществлять принятие решений о допуске лиц к педагогической

деятельности, при случаях если у них погашена судимость по преступлениям, которые не дают работать по педагогической профессии. При этом указано, что лица, в отношении которых уголовное преследование прекращено по реабилитирующим основаниям, не подпадают под действие статьи 331 ТК РФ.

Судимость за умышленные тяжкие и особо тяжкие преступления, которая не была снята или погашена, и не относится к преступлениям, запрещающим заниматься педагогической деятельностью, ограничивает право на занятие этой профессией. Имеется в виду наличие у претендента на должность судимости именно за деяния, относящиеся к категории тяжких, указанные в статье 15 Уголовного кодекса РФ, — «за совершение которых максимальное наказание, не превышает десяти лет лишения свободы» [6].

Ещё в статье 331 ТК РФ, лица, признанные недееспособными в соответствии с федеральным законом, не имеют права занимать должности, связанные с педагогической деятельностью [5]. Недееспособность — это юридическое понятие, означающее полное или частичное лишение гражданина способности осуществлять свои права и нести ответственность. Это отчётливое определение ограничений трудовой правосубъектности граждан России, признанных судом недееспособными из-за душевного заболевания или слабоумия (психического расстройства) на основании статьи 29 Гражданского кодекса РФ [1, с. 98].

Одной из основных причин запрета на работу педагогами лицам, признанным недееспособными, является защита интересов обучающихся. Педагогическая деятельность требует высокой ответственности, эмоциональной устойчивости, адекватности реакций и способности принимать взвешенные решения.

Появляются проблемы, если гражданин скрывает свою недееспособность, и его поведение и внешний вид не вызывают сомнений в его психическом здоровье. Фактически в законодательных документах никак не отражен факт признания недееспособности в личных документах граждан [1, с. 98]. Но для системы образования это может быть критично ведь лица, страдающие психическими расстройствами или иными про-

блемами, которые привели к признанию их недееспособными, могут представлять опасность для обучающихся. Недостаточная контролируемость, непредсказуемое поведение или неспособность адекватно взаимодействовать с детьми могут создать риск для здоровья и благополучия как обучающихся, так и для самих людей с недееспособностью.

Лицо должно быть здоровым и не иметь заболеваний, список которых ратифицируется федеральным органом исполнительной власти, отвечающим за разработку государственной политики и нормативно-правовое регулирование в области здравоохранения [1, с. 98]. Определённые правила в данной ситуации предусмотрены распоряжением Правительства РФ от 05.12.2022 N3759-р «Об утверждении Перечня медицинских психиатрических противопоказаний для осуществления отдельных видов профессиональной деятельности и деятельности, связанной с источником повышенной опасности».

Кроме того, требования к осуществлению педагогической деятельности прописаны в Федеральном Законе N273 «Об образовании в РФ». В статье 46 данного закона указано, что «сотрудники среднего или высшего профессионального образования, соответствующего квалификационным стандартам, указанным в специализированных справочниках, имеют право на проведение педагогической практики» [8]. Поэтому, в вопросе установления права на ведение процесса обучения и воспитания выступает соответствие уровню подготовки и индивидуальных, личностных качеств работника. Также там указано, что «обязанности, ответственность и уровень занятости педагогов определяются Номенклатурой должностей педагогических работников и руководителей, которая утверждается на общегосударственном уровне» [8].

Таким образом, право на занятие педагогической деятельностью является важным аспектом для всех, кто стремится работать в сфере образования. Педагоги должны быть готовы к законодательным ограничениям в сфере образования. Только обладая соответствующим образованием и документами, можно не только преподавать, но и вдохновлять, воспитывать и формировать будущее нашего общества.

Литература:

1. Абалдуев, В. А. Особенности регулирования труда педагогических работников: научно-практический анализ гл. 52 Трудового кодекса РФ и предложения по совершенствованию трудового законодательства / В. А. Абалдуев. — Текст: непосредственный // Ежегодник российского образовательного законодательства. — 2008. — № 1. — С. 92–122.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). Статья 37. — Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/5e37b9644c66582efdaf762a109a281bf999c28d/?ysclid=ltvigow2s21792384 (дата обращения: 17.03.2024).
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). Статья 55. Часть 3. — Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/1a17ce42ccf66a8cdc73524a84798f90e9f7b63a/ (дата обращения: 17.03.2024).
4. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 N197-ФЗ. Статья 2. — Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/c7ef87752911a462421a20086f91b31ff6a890f3/ (дата обращения: 17.03.2024).
5. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 N197-ФЗ. Статья 331. — Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/71403b31593586529b94890913ae9136519d915d/ (дата обращения: 17.03.2024).

6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 №63-ФЗ (ред. от 14.02.2024) Статья 15.— Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт].— URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/a0182fc43a8bbf8974658c-da72c860ddfb210c52/?ysclid=ltvjne4u67558239184 (дата обращения: 17.03.2024).
7. Федеральный закон от 29.12.2012 N273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2024) Статья 2.— Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт].— URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/b819c620a8c698de35861ad4c9d9696ee0c3ee7a/ (дата обращения: 17.03.2024).
8. Федеральный закон от 29.12.2012 N273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2024) Статья 46.— Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт].— URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/c27004d0a000ba933a6f8defbeb15a2255b9cf24/ (дата обращения: 17.03.2024).

Правовые основы административной защиты прав предпринимателей

Петров Виктор Николаевич, студент
Тольяттинский государственный университет

Автором в статье рассматривается история становления правового регулирования предпринимательской деятельности, приводятся различные научные взгляды на понимание предпринимательской деятельности. Автором исследуются правовые основы административного порядка защиты прав и законных интересов субъектов предпринимательской деятельности.

Ключевые слова: предпринимательская деятельность, хозяйственная деятельность, субъект предпринимательской деятельности, административный порядок, правовая защита предпринимательства.

Защита прав и законных интересов субъектов предпринимательской деятельности — актуальная проблема современного российского общества, обусловленная во многом стремительным развитием правоотношений с участием предпринимателей и, соответственно, многообразием правоприменительной практики.

В 2020–2021 годах российский бизнес вынужден был осуществлять свою деятельность в условиях кризиса, сформировавшегося из-за пандемии коронавирусной инфекции и введенных в связи с ней ограничений. В начале 2022 года российское предпринимательство столкнулось с новыми испытаниями в связи с введением многочисленных экономических санкций в отношении России, что серьезно усугубило его положение. Вышеуказанные обстоятельства обнажили слабость и несовершенство правовой защиты предпринимательства, неурегулированность многих его аспектов, несогласованность нормативных актов. Особенно прослеживается незащищенность предпринимателей в отношениях с государством и его органами. Статистика и практика показывают, что именно государственные и муниципальные органы нередко нарушают права субъектов предпринимательской деятельности либо не в полной мере обеспечивают возможность их реализации, создают административные сдерживающие барьеры.

Проблема защиты прав предпринимателей возникла в современной России сравнительно недавно: с момента, когда была разрешена предпринимательская деятельность и появился новый хозяйствующий субъект — предприниматель.

Современное понятие предпринимательской деятельности, предприятия, правовой статус индивидуальных предпринимателей и юридических лиц, правовое регулирование реализации и защиты их прав и законных интересов складывались постепенно.

Начало становления института защиты прав хозяйствующих субъектов было положено Законом РСФСР «О предприятиях и предпринимательской деятельности» от 25.12.1990 № 445–1 [6]. Закон РСФСР «О предприятиях и предпринимательской деятельности» закрепил право свободно распоряжаться прибылью и привлекать наемный труд. В соответствии со ст. 2 данного закона в качестве субъектов предпринимательской деятельности в РСФСР признавались граждане и их объединения. Закон вводил термин «предприятие», под которым понимался самостоятельный хозяйствующий субъект, созданный в порядке, установленном Законом о предприятиях, для производства продукции, выполнения работ и оказания услуг в целях удовлетворения общественных потребностей и получения прибыли. В качестве цели деятельности впервые была закреплена прибыль наряду с удовлетворением общественных потребностей. Главой 3 Закона РСФСР «О предприятиях и предпринимательской деятельности» был определен правовой статус предпринимателя и закреплены гарантии предпринимательской деятельности. В частности, в пункте 1 статьи 20 данного нормативно-правового акта указано, что в РСФСР гарантируется защита прав и интересов субъектов предпринимательской деятельности, действующих на территории РСФСР, других союзных республик и иностранных государств на основе международных соглашений, недопущение дискриминации предприятий со стороны государства, его органов и должностных лиц, защита имущества предприятий от незаконного изъятия. В пункте 2 статьи 20 установлено, что предприятие имеет право обращаться в суд или государственный арбитраж с заявлением о признании неправомерными и недействительными актов любых государственных органов и действий должностных лиц, касающихся предприятия.

«По мнению исследователей, действовавшие до 1991 г. органы Государственного арбитража были представлены административными органами, наделенными квазисудебными полномочиями. Органы Госарбитража не входили в судебную систему, но обладали правом разрешения споров между юридическими лицами», — обращает внимание К. В. Рыбкина [16].

Затем этот административный орган трансформировался в судебный орган. 26 декабря 1990 года были внесены изменения в ст. 163 Конституции СССР, которой Государственный арбитраж СССР был преобразован в Высший арбитражный Суд СССР [7]. Появилась система арбитражных судов, которые, собственно, и занимаются в настоящее время защитой прав хозяйствующих субъектов.

«С 1990 г., с момента принятия Закона РСФСР «О предприятиях и предпринимательской деятельности», произошло важное событие в сфере защиты прав предпринимателей: предприниматель как полноправный субъект правоотношений стал упоминаться в законодательстве.

Это нововведение обусловило не только необходимость развития данного понятия в правовом отношении, но и разработку эффективного механизма защиты прав предпринимателей в рамках существовавшего советского общественного строя», — отмечает О. В. Чуйко [17].

Правовой статус предпринимательства в СССР определялись Законом СССР от 02.04.1991 № 2079-1 «Об общих началах предпринимательства граждан в СССР» [8].

В данном законе под предпринимательством (предпринимательской деятельностью) понималась инициативная, самостоятельная деятельность граждан, направленная на получение прибыли или личного дохода, осуществляемая от своего имени, на свой риск и под свою имущественную ответственность или от имени и под имущественную ответственность юридического лица — предприятия.

В Законе СССР «Об общих началах предпринимательства граждан в СССР» впервые в качестве формы осуществления предпринимательской деятельности была выделена форма предпринимательства без образования юридического лица и закреплена полная имущественная ответственность по обязательствам.

«Период перестройки в СССР стал отправной точкой зарождения предпринимательства в государстве и соответственно отправной точкой для развития правовых отношений, которые данный вид деятельности регламентировали, так как без государственного регулирования предпринимательская деятельность в правовом государстве не может существовать» [9].

12 декабря 1993 года на Всенародном голосовании была принята Конституция РФ. С ее принятием начинается новый этап развития правового регулирования предпринимательской деятельности в современной России.

Конституция РФ 1993 года закрепила правовые основы национальной экономической системы, включая рыночную экономику, единство экономического пространства, поддержку конкуренции, защиту всех форм собственности, право каждого на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств (статьи 8, 34, 35) [11].

Необходимо отметить, что частью 2 статьи 45 Конституции РФ было определено, что каждый вправе защищать свои права и законные интересы всеми способами, не запрещенными законом [11].

Конституционные гарантии стали инвариативным ядром правовой защиты предпринимательства в России.

Частью 1 Гражданского кодекса Российской Федерации, принятого Государственной Думой Российской Федерации 21.10.1994, было установлено понятие предпринимательской деятельности, выделены субъекты гражданского права и предпринимательской деятельности, виды гражданских прав, способы защиты прав, определен приоритет судебной защиты прав и т.п. [3].

Согласно ст. 2 Гражданского кодекса РФ, предпринимательской является самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг. Лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность, должны быть зарегистрированы в этом качестве в установленном законом порядке, если иное не предусмотрено Гражданским кодексом РФ [3].

Российские теоретики дают различные определения предпринимательской деятельности, не отождествляя ее с экономической и хозяйственной. Олейник О. М. и Арапчаев А. А. считают предпринимательскую деятельность разновидностью экономической [12, с. 13, 1, с. 154], на что прямо указывает содержание ч. 1 ст. 34 Конституции РФ: «каждый имеет право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности» [11].

«Предпринимательство — одно из направлений хозяйственной деятельности, одна из черт которой — получение прибыли» [4, с. 22]. «Не любая экономическая, в том числе хозяйственная, деятельность является предпринимательской, тогда как предпринимательская деятельность всегда представляет собой разновидность экономической хозяйственной деятельности», — пишет Кондратенко З. К. [10].

В. Ф. Попондопуло характеризует предпринимательскую деятельность «как совокупность правомерных волевых действий, совершаемых профессионально, систематически в целях извлечения прибыли и на свой риск лицом, зарегистрированным в качестве предпринимателя» [14, с. 17].

А. К. Шереметьева и И. Г. Мамедова указывают: «Предпринимательской является систематически осуществляемая деятельность, основной целью которой является получение прибыли» [18].

«Термин предпринимательской деятельности во многих нормативно-правовых актах законодатель сочетает, используя при этом целый ряд смежных понятий — экономической, хозяйственной, коммерческой деятельности, а также деятельности, приносящей доход и профессиональной деятельности», — отмечает Романов А. С. [15].

Гражданским законодательством определено, что субъектами хозяйственной деятельности являются физические лица (индивидуальные предприниматели) и юридические лица (коммерческие и некоммерческие организации). В соответ-

ствии с пунктом 1 статьи 50 Гражданского кодекса РФ коммерческие организации — это организации, преследующие извлечение прибыли в качестве основной цели своей деятельности, а некоммерческие организации — это организации, не имеющие извлечение прибыли в качестве основной цели своей деятельности и не распределяющие полученную прибыль между участниками [3]. При этом некоммерческие организации могут осуществлять приносящую доход деятельность, если это предусмотрено их уставами, лишь постольку, поскольку это служит достижению целей, ради которых они созданы, и если это соответствует таким целям (пункт 4 статьи 50 Гражданского кодекса РФ) [3].

Учитывая, что применительно к некоммерческим организациям используется термин «приносящая доход деятельность», вопрос об отнесении этих организаций к субъектам предпринимательской деятельности является дискуссионным в научной литературе.

Одни исследователи полагают, что некоммерческие организации не относятся к субъектам предпринимательской деятельности. Так В. В. Долинская пишет, что «некоммерческие юридические лица не входят в число предпринимателей», «понятия «юридическое лицо», «предприниматель» хотя и пересекаются, но не являются тождественными» [5, с. 96].

Напротив, Гаджиева Х. И. считает, что «некоммерческие организации, осуществляющие деятельность, приносящую доход, с определенными оговорками все же могут быть отнесены к числу субъектов предпринимательской деятельности» [2, с. 34].

Позиция Верховного Суда РФ в этом вопросе выражена в Постановлении Пленума от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»: на некоммерческую организацию, осуществляющую приносящую доход деятельность, распространяются положения законодательства, применимые к лицам, осуществляющим предпринимательскую деятельность (пункт 1 статьи 2, пункт 1 статьи 6 ГК РФ) [13].

Несомненно, что права и свободы коммерческих организаций в предпринимательской сфере шире, чем у некоммерческих. Тем не менее, и те, и другие имеют право на защиту и отстаивание своих интересов в административном порядке.

Впервые про данную возможность защиты прав и свобод упоминается в пункте 2 статьи 11 части 1 Гражданского кодекса Российской Федерации, в котором сказано, что защита гражданских прав в административном порядке осуществляется лишь в случаях, предусмотренных законом. Решение, принятое в административном порядке, может быть оспорено в суде [3].

Традиционно административный порядок защиты прав и законных интересов субъектов предпринимательской деятельности относится к числу несудебных форм защиты и реализуется уполномоченными федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов РФ, органами местного самоуправления.

Вместе с тем ГК РФ (часть первая) не дает нам ответа на вопрос о механизме реализации предпринимателями своего права на защиту в административном порядке, об органах, реализующих данную форму защиты. Он раскрывается законода-

телем в иных нормативно-правовых актах, регулирующих ту или иную сферу предпринимательской деятельности.

Гарантии административного порядка защиты субъективного права закреплены в ст. 33 Конституции РФ, предусматривающей, что граждане Российской Федерации имеют право обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления [11].

Вместе с Конституцией Российской Федерации и Гражданским кодексом Российской Федерации правовой фундамент административной защиты прав предпринимателей в России в настоящее время составляют: Налоговый Кодекс Российской Федерации часть первая, «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 № 195-ФЗ, Федеральный закон «О защите конкуренции» от 26.07.2006 № 135-ФЗ, Федеральный закон «О лицензировании отдельных видов деятельности» от 04.05.2011 № 99-ФЗ, Федеральный закон «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» от 26.12.2008 № 294-ФЗ, Федеральный закон «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» от 08.08.2001 № 129-ФЗ, Федеральный закон «О рекламе» от 13.03.2006 № 38-ФЗ, Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 05.04.2013 № 44-ФЗ, Федеральный закон «Об уполномоченных по защите прав предпринимателей в Российской Федерации» от 07.05.2013 № 78-ФЗ, Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 № 2202-1, Федеральный закон «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» от 22.11.1995 № 171-ФЗ, Федеральный закон «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 03.08.2018 № 289-ФЗ, Федеральный закон от 29.07.1998 № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации», Федеральный закон от 03.07.2016 № 237-ФЗ «О государственной кадастровой оценке», Федеральный закон от 21.07.1997 № 118-ФЗ «Об органах принудительного исполнения Российской Федерации, Федеральный закон «Об исполнительном производстве» от 02.10.2007 № 229-ФЗ, Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ, многие другие нормативно — правовые акты.

Не рассматривая критически содержание этих документов, можно отметить, что в настоящее время в России существует большой перечень нормативно-правовых актов, позволяющих субъектам предпринимательской деятельности обращаться за защитой своих нарушенных прав и законных интересов в административном (внесудебном) порядке.

Субъектами защиты прав предпринимателей в административном порядке могут выступать Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей, Прокуратура Российской Федерации, Федеральная антимонопольная служба, Федеральная служба по интеллектуальной собственности (Роспатент), налоговые органы, тамо-

женные органы, служба судебных приставов, лицензирующие органы, органы надзора и контроля и другие.

При всей ее обширности правовая база административной защиты прав субъектов предпринимательской деятельности

в Российской Федерации никаким образом не систематизирована, что может негативно сказываться на выборе предпринимателем надлежащего органа административной защиты права и на самой эффективности данной формы защиты.

Литература:

1. Арапбаев, А.А. Нормативные признаки предпринимательской деятельности / А.А. Арапбаев.— Текст: непосредственный // Проблемы современной науки и образования.— 2016.— № 3 (45).— С. 154.
2. Гаджиева, Х.И. Предпринимательское право. Учебное пособие (Курс лекций) для направления подготовки 40.03.01 Юриспруденция, профиля «Гражданское право». / Х.И. Гаджиева.— Махачкала: ДГУНХ, 2019.— 358 с.— Текст: непосредственный.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 16.05.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 16.05.2023) (принят Гос. Думой 21 октября 1994 г.) // Собрание законодательства РФ.— 05.12.1994.— № 32.— Ст. 3301.
4. Губин, Е.П. Предпринимательское право Российской Федерации: учебник / Е.П. Губин, П.Г. Лахно.— 3-е изд., перераб. и доп.— Москва: Юр. Норма: НИЦ ИНФРА-М, 2020.— 992 с.— Текст: непосредственный.
5. Долинская, В.В. Предпринимательское право: Учебник для студ. учреждений сред. проф. образования. / В.В. Долинская.— Москва: Издательский центр «Академия», 2002.— 189 с.— Текст: непосредственный.
6. Закон РСФСР от 25.12.1990 № 445-1 «О предприятиях и предпринимательской деятельности» // Ведомости Съезда НД РСФСР и ВС РСФСР.— 1990.— № 30.— ст. 418.
7. Закон СССР от 26.12.1990 № 1861-1 «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) СССР в связи с совершенствованием системы государственного управления» // Ведомости СНД СССР и ВС СССР.— 1991.— № 1.— ст. 3.
8. Закон СССР от 02.04.1991 № 2079-1 «Об общих началах предпринимательства граждан в СССР» // Ведомости СССР.— 1991.— № 16.— Ст. 442.
9. Иванников, Ю.В. Становление, развитие и совершенствование нормативного правового регулирования предпринимательской деятельности в Российской Федерации / Ю.В. Иванников.— Текст: непосредственный // Молодой ученый.— 2019.— № 36 (274).— С. 91–94.— URL: <https://moluch.ru/archive/274/62326/> (дата обращения: 29.02.2024).
10. Кондратенко, З.К. Понятие предпринимательской деятельности: проблемы теории и правоприменительной практики / З.К. Кондратенко.— Текст: непосредственный // Молодой ученый.— 2019.— № 4 (242).— С. 299–302.— URL: <https://moluch.ru/archive/242/55975/> (дата обращения: 13.03.2024).
11. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 (ред. от 04.10.2022) (с изм., вступ. в силу с 04.10.2022 г.) (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Российская газета.— 25.12.1993.— № 237.
12. Олейник, О.М. Понятие предпринимательской деятельности: теоретические проблемы формирования / О.М. Олейник.— Текст: непосредственный // Предпринимательское право.— 2015.— № 1.— С. 13.
13. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета.— 30.06.2015.— № 140.
14. Попондопуло, В.Ф. Проблемы правового режима предпринимательства: специальность 12.00.04 «финансовое право, налоговое право, бюджетное право»: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук / Попондопуло Владимир Федорович; С.-Петерб. гос. ун-т.— Санкт-Петербург, 1994.— 40 с.— Текст: непосредственный.
15. Романов, А.С. Понятие и признаки предпринимательской деятельности / А.С. Романов.— Текст: непосредственный // Молодой ученый.— 2022.— № 51 (446).— С. 545–551.— URL: <https://moluch.ru/archive/446/98120/> (дата обращения: 04.03.2024).
16. Рыбкина, К.В. Государственный арбитраж и арбитражные суды в начале 1990-х годов / К.В. Рыбкина.— Текст: непосредственный // Научно-практический электронный журнал Аллея Науки.— 2022.— № 3 (66).
17. Чуйко, О.В. Пути совершенствования действующего законодательства в сфере защиты прав предпринимателей в России / О.В. Чуйко.— Текст: непосредственный // Экономика и социум.— 2016.— № 9(28).— С. 674.
18. Шереметьева, А.К. Проблема толкования термина «предпринимательская деятельность» / А.К. Шереметьева, И.Г. Мамедова.— Текст: непосредственный // Актуальные вопросы юридической науки и практики.— Хабаровск: ТОГУ, 2018.— С. 183.

Особенности апелляционного и кассационного обжалования в гражданском судопроизводстве

Погребняк Наталья Ивановна, студент магистратуры
Тольяттинский государственный университет (Самарская обл.)

В статье рассматриваются основные особенности каждого обжалования. В частности, апелляционное обжалование характеризуется повышенной формальной и существенной степенью контроля, а также возможностью ввода дополнительных доказательств и доводов. Кассационное обжалование же характеризуется более ограниченным контролем судом исключительно юридических вопросов. Анализируются процедурные аспекты обжалования, такие как порядок подачи жалоб и сроки их рассмотрения. Особое внимание уделяется актуальным изменениям в законодательстве, которые относятся к апелляционному и кассационному обжалованию.

Ключевые слова: обжалования, апелляционное производство, сроки, кассационное производство, законодательство, судебный акт, судебный процесс, стороны.

Судебная система Российской Федерации считается одной из наиболее значимых институтов страны. Именно она организована для защиты прав людей и социального порядка в государстве. Главными принципами судебной системы считаются самостоятельность, непредвзятость и достоверность.

Работа судов выполняется в основе законов и нормативных актов, а кроме того в основе прецедентного права, то есть предыдущих решений судов по подобным процессам. Решения суда считаются неотъемлемыми для исполнения и могут быть аннулированы либо изменены только лишь в порядке, предусмотренном законодательством.

Тема исследования касается важного аспекта судебного процесса. Эта тема имеет важное значение для правоприменительной практики и обладает практической значимостью в контексте судебной системы. Апелляционное и кассационное обжалование представляют немаловажную значимость в гражданском судопроизводстве. Они представляют собой особые процессуальные средства, разрешающие сторонам процесса искать пересмотра и пересмотра судебных решений на более высоких уровнях.

Современный гражданский судебный процесс немыслим без развитой системы пересмотра судебных актов. Она направлена на выявление и исправление возможных ошибок, допущенных при разрешении гражданских дел. В Российской Федерации проводится судебная реформа, нацеленная на совершенствование модели судостроительства, соответствующей современным требованиям. Она должна обеспечить максимальную защиту прав участников судебного процесса и справедливость правосудия.

За последние несколько десятилетий возрос интерес к апелляции и кассации в российском гражданском судопроизводстве. В этот период нормы процессуального законодательства о ревизии судебных решений стали наиболее гибкими. Каждое новое изменение в гражданском и арбитражном процессуальном кодексах РФ требует соответствующего изучения и анализа. Результаты таких исследований нашли отражение в многочисленных научных работах, посвященных проблемам обжалования судебных актов, их проверки и пересмотра.

Изучение теории и практики гражданского процесса других стран оказало влияние на представления российских юристов

о проверочных производствах и их значении для защиты гражданских прав. Правовые позиции Конституционного Суда России и Европейского суда по правам человека также сыграли свою роль в развитии апелляционного и кассационного производства, регулируемого соответствующими кодексами.

Исследование процессуальных особенностей рассмотрения дел апелляционными и кассационными судами является необходимым для решения этих проблем. Апелляционные суды рассматривают дела по апелляциям, которые подаются сторонами судопроизводства и направлены на изменение или отмену судебного акта первой инстанции. Кассационные суды рассматривают дела по кассационным жалобам, которые подаются лицами, чьи права и законные интересы были нарушены судебными актами их первой инстанции. Процесс рассмотрения дел в апелляционных и кассационных судах имеет свои особенности.

Процессуальные особенности рассмотрения дел судами апелляционной и кассационной инстанций непосредственно связаны с правом граждан на обжалование решений первой инстанции. Апелляционная и кассационная инстанции играют важную роль в исправлении правовых ошибок, допущенных судами первой инстанции.

Рассмотрение дел апелляционными и кассационными инстанциями требует особых процедур и подходов, которые отличаются от рассмотрения дел в первой инстанции. Исследование процессуальных особенностей рассмотрения дел судами апелляционной и кассационной инстанций позволит выявить особенности процессуальных правил и процедур в данных судебных инстанциях. Это поможет улучшить качество судопроизводства, обеспечить справедливость и защиту прав граждан.

Исследование российского и зарубежного процессуального законодательства и анализ тенденций его развития позволяют сделать вывод, что поиск оптимальных моделей «проверочных» производств продолжается. Введение апелляционных и кассационных судов общей юрисдикции в судебную систему России сопровождается некоторыми сложностями, которые требуют дополнительного изучения и решения.

Большое количество фундаментальных исследований составляют работы о процессуальных особенностях рассмотрения дел судами инстанций. В последние годы в России по-

явились научные исследования, посвященные вопросам рассмотрения дел судами апелляционной и кассационной инстанций, проблемам и перспективам развития их в нашей стране. Процесс становления прав и свобод человека и гражданина начинается с принятия и закрепления основных нормативных актов, которые охраняют и гарантируют их соблюдение. Это могут быть Конституция и законы, которые устанавливают базовые правила и положения, регулирующие отношения между государством и гражданином. Однако, само принятие законов недостаточно — необходимо их реализовывать и защищать на практике.

Так, среди учёных, занимающихся вышеуказанными вопросами и развивающих науку в этом направлении, стоит отметить О.Н. Васильева, Д.А. Ширяева, С.В. Горлова, О.Ю. Спицына и другие.

Апелляционное обжалование допустимо уже после вынесения решения судом первой инстанции, оспариваемого стороной, которая не согласна с подобным решением. Это предоставляет право пересмотра процесса на более высоком уровне — в апелляционном суде, который рассматривает решение и дает оценку его правильности и правомерности. Немаловажно выделить, что апелляционная инстанция будет пересматривать дело только лишь в основе представленных материалов и доказательств, какие были представлены в первой инстанции. Подобным образом, апелляционное обжалование дает возможность сторонам исправлять вероятные ошибки либо неправильности, допущенные в процессе первого рассмотрения дела.

«С 1 января 2012 г. ГПК РФ предусматривает единый апелляционный порядок обжалования постановлений, принятых любым судом общей юрисдикции по первой инстанции, который фактически заменил собой предусмотренные до этих изменений две разновидности проверки не вступивших в законную силу судебных постановлений — апелляционное и кассационное производство» [1, с. 87].

«Новый закон радикально меняет способы обжалования решений по гражданским делам. Апелляция становится основным способом обжалования судебных решений до их вступления в законную силу, что автоматически повышает объем процессуальных гарантий для сторон гражданского спора» [5, с. 202].

«Теперь граждане, обратившиеся с апелляционной жалобой, вправе рассчитывать на полноценное судебное разбирательство уже в самом апелляционном суде, который будет самостоятельно принимать решения по всем рассматриваемым делам, причем решения будут вступать в силу незамедлительно» [3, с. 184].

Кассационное обжалование считается последующим шагом в судебном процессе. Оно допустимо уже после вынесения решения апелляционным судом и кроме того дает возможность пересмотреть дело на более высоком уровне — в кассационном суде. Кассационное обжалование предназначено для контроля законности и обоснованности решения апелляционного суда. Оно дает возможность сторонам процесса установить, были ли соблюдены все без исключения процессуальные нормы и правила, а кроме того проконтролировать точность использования норм гражданского права.

«В кассационной инстанции теперь нельзя представить новое доказательство (или заслушать свидетеля, провести экспертизу и т.п.). Представить доказательство можно только в том случае, если докажете, что не могли представить его в первой инстанции или суд первой инстанции отказал в этом» [4, с. 188].

«Большинство кассационных (ранее надзорных) жалоб остается без удовлетворения еще на стадии изучения жалобы судьей. Соответственно, далее эти дела не передаются на рассмотрение президиума суда. Но если повезло, дело передали на рассмотрение в президиум и вас вызвали на рассмотрение дела, то надо тщательно подготовиться. Там есть возможность только для краткого изложения сути дела и доводов о нарушении прав. Нет смысла указывать на мелкие нарушения, вроде криво составленных документов и т.п., а также пытаться убедить, что нижестоящие суды неправильно оценили доказательства» [2, с. 93].

Несмотря на то, что судебная система Российской Федерации, безусловно, имеет собственные минусы и проблемы, именно она считается значимым компонентом правовой системы и представляет немаловажную роль в обеспечении правильности и порядка в государстве. Необходимо выделить, что улучшение работы судов и повышение их эффективности считается задачей, как государственных органов, так и общества в целом.

Так, характерной чертой апелляционного и кассационного обжалования считается то, что данные процедуры ограничены во времени. Сторона, желающая оспорить решение, обязана придерживаться определенных законодательством сроки и процедуры, в ином случае обжалование может быть признано недопустимым. Подобным образом, содействие квалифицированных юристов в данных процедурах считается весьма значимым для обеспечения защиты прав стороны и правильного применения закона.

В кассационной инстанции немаловажно сосредоточить внимание на обнаружение грубых ошибок в правоприменительной практике и процедурных нарушений, какие имеют главную значимость для точности решения суда 1 инстанции.

Новая система пересмотра уже принятых решений была внедрена с целью усовершенствования правовой защиты людей и повышения качества судебных решений. Данная система подразумевает, что любой судебный инцидент будет рассмотрен на некоторых уровнях, для того чтобы устранить возможность ошибок либо нарушения права.

Создание апелляционного суда дает сторонам возможность обжаловать решение первой инстанции, в случае если они полагают, что были допущены ошибки либо преступлены их права. В то же время, кассационная инстанция специализирована для контроля закономерности и точности принятых решений, и отмена либо изменение решения может произойти только лишь в случае нарушения либо неверного применения норм права.

Новая система пересмотра решений призвана гарантировать достоверность и защиту прав людей, а кроме того увеличить компетентность судей и качество судебных решений. Это новаторский шаг в правовой жизни нашего государства.

В заключение, апелляционное и кассационное обжалование в гражданском судопроизводстве представляют собою зна-

чимые средства защиты прав и интересов сторон процесса. Эти процедуры дают возможность пересмотреть решения в более высоких судебных уровнях и исправить вероятные ошибки

и неправильности. Немаловажно придерживаться определенных сроков и процедур, для того чтобы гарантировать правильное проведение обжалования и его принятие допустимым.

Литература:

1. Ильюхов, А. А. Апелляционные и кассационные инстанции в рамках современной судебной реформы: правовые и организационные вопросы / А. А. Ильюхов // Труды Академии управления МВД России. — 2020. — № 4 (56). — С. 87–93.
2. Коршунов, Ю. А. Полномочия апелляционных судов в судебной системе Российской Федерации / Ю. А. Коршунов // Юридическая наука. — 2020. — № 1. — С. 76–80.
3. Коршунов, Ю. А. Пробельность в решении проблемы доступа к правосудию в апелляционных судах / Ю. А. Коршунов // Пробелы в российском законодательстве. — 2020. — № 2. — С. 184–187.
4. Платонова, К. О. Шумова Анализ эффективности механизма исправления судебных ошибок судами апелляционной и кассационной инстанций, в рамках проведенной судебной реформы / К. О. Платонова, К. С. Коваль, К. А. // Бюллетень науки и практики. — 2021. — № 1. — С. 187–193.
5. Ярков, В. В. Гражданский процесс: практикум В. В. Ярков, А. Г. Плешанов. — М.: Статут, 2022. — 236 с.

Организация состязательной процедуры судебного разбирательства в российской и английской правовой системе

Полещук Виктория Викторовна, студент магистратуры

Научный руководитель: Соловьева Виктория Викторовна, доктор исторических наук, профессор
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Липецкий филиал

Статья посвящена сравнительно-правовому анализу английского и российского правового подхода к пониманию сущности и отражению состязательности в практике судебного разбирательства по уголовным делам. По итогу исследования делается вывод о том, что в английском правовом подходе базовая сущность состязательности разбирательства — это равноправное и реальное участие стороны обвинения и защиты в доказывании обстоятельств, на которые они ссылаются, возможность их участия в прениях, а в России — это разделение функций обвинения, защиты и судебной власти и недопустимость их переплетения.

Ключевые слова: состязательность, уголовное судопроизводство, процессуальное равноправие, расследование преступления, прения.

Состязательность сторон — основополагающий принцип Уголовного процесса во многих современных государствах мира, в основе которых законность и верховенство закона, прав, свобод и законных интересов граждан, признаются высшей ценностью в системе права. Состязательность сторон нашла своё отражение в уголовно-процессуальных законодательных основах Российской Федерации в качестве основополагающего принципа уголовного судопроизводства, а именно в норме ст. 15 Уголовно-процессуального Кодекса Российской Федерации (далее по тексту — УПК РФ).

Из данной нормы следует, что состязательность сторон в судебном разбирательстве определяет императивную необходимость отделения функций обвинения, защиты, а также разрешения уголовного дела, а также невозможность сочетания таких функций в рамках одного публичного органа власти и (или) должностного лица [1].

Данный принцип также отражает, что суд, как орган судебного правосудия, в уголовных делах не может выступать ни на стороне государственного обвинения, ни на стороне защиты. Более того, судебная власть не может рассматриваться

в качестве органа уголовного преследования, а лишь реализует функции правоприменения норм материального и процессуального права для разрешения дела о совершённом преступлении по существу. Говоря иными словами — суд создаёт для сторон уголовного разбирательства (для стороны преследования и обвинения, а также стороны защиты) все необходимые условия и предпосылки для реализации их процессуальных прав и юридических обязанностей, в то время как сторона защиты и обвинения между собой равны в процессе судебного разбирательства.

Сущность принципа состязательности процедуры уголовного судопроизводства в рамках российской правовой системы, неоднократно раскрывал Конституционный Суд Российской Федерации в рамках своих определений и постановлений. Так, из Постановления Конституционного Суда РФ от 28.11.1996 № 19-П следует, что состязательность процедуры есть ни что иное как построение судопроизводства таким образом, при котором правосудие, то есть разрешение спора по существу, осуществлялось исключительно судом, не допуская интеграции в судебные полномочия процессуальных прав и обязательств спорящих сторон [3].

При этом следует также дополнить рассматриваемый вопрос позиций, изложенной в Определении Конституционного Суда РФ от 04.11.2004 № 430-где принцип состязательности в своей юридической сущности предполагает не только разделение процессуальных функций между участниками судебного разбирательства по уголовному делу, но и также равно предоставляемую сторонам реальную возможность довести свою позицию относительно всех аспектов дела до сведения суда. Поскольку только при этом условии в судебном заседании реализуется право на судебную защиту, которая должна быть справедливой, полной и эффективной [2].

Этим состязательный подход судебного производства и уголовного процесса в целом и отличается от того же обвинительного (характерен для рабовладельческих и военных режимов), розыскного или смешанного подхода (характерен для Германии, Франции, Австрии и ряда других стран Европы), которые встречаются в различных правовых системах мира [9, с. 37].

Однако подходы к организации состязательной процедуры судебного разбирательства отличаются, к примеру, при осуществлении сравнительно-правового анализа российской и английской правовой системы. Сразу стоит заметить, что если в Российской Федерации принцип и основы состязательности уголовного судопроизводства императивно регламентированы уголовно-процессуальным законодательством, то в правовых основах Англии положения о состязательности лишь вытекают из системного толкования статутов, судебных прецедентов и актов Парламента, поскольку единого уголовно-процессуального акта в английской правовой системе нет [6, с. 49].

Учёные О.И. Андреева, А.Д. Назарова, Н.Г. Стойко и А.Г. Тузов в своём исследовании отмечают, что английский судебный процесс характеризуется применением не только судебного прецедента в рамках уголовного разбирательства, но и также доминированием состязательного метода, в сущности которого заложена необходимость поиска истины судебным органом через его оценку версий, предлагаемых стороной обвинения и защиты. В то же время, как отмечают исследователи, в сравнении с российской правовой системой, где для разрешения уголовного дела возможно применение исключительно правовых норм, также превалирует господство следственного метода, сочетающегося также с принципом состязательности [8, с. 20].

В связи с чем в сравнении с английским процессуальным подходом, относят уголовный процесс в Российской Федерации к смешанному типу, для которого характерно сочетание розыскных и состязательных начал [8, с. 19]. Об этом, в частности, в своём аналитическом исследовании говорит и практикующий адвокат М.В. Михеенкова, отмечая, что в английском судебном разбирательстве нет привычных для российской практики так называемых дел в виде единой папки, где все результаты расследования и уголовного процесса изложены в акте стороны обвинения.

В английском уголовном процессе нет как такового привычного расследования дела, при этом есть сторона обвинения и защиты, каждая из которых имеет равные процессуальные права по доказыванию виновности и невиновности обстоя-

тельств уголовного дела. Роль суда при этом заключается исключительно в оценке обстоятельств и доказательств, сформированных сторонами, в том числе, сводится к контролю за соблюдением реализации процессуальных прав и исполнением таких обязательств сторонами уголовного процесса [4].

Как справедливо дополняет исследователь И.А. Вахрамов, английская состязательная система уголовного судопроизводства фактически сводится к доминированию прений сторон [4, с. 65], в то время как в российской правовой системе, как правило, прения применяются уже после судебного следствия, занимая тем самым пограничное положение между судебным следствием и постановлением приговора, позволяя выразить позицию подсудимого лишь после изложения обвинительной позиции.

То есть, в данном случае преобладает следственный тип уголовного судопроизводства, который обеспечивается формальным подходом к применению состязательности. Говоря иными словами, в английском правовом подходе базовая сущность состязательность разбирательства — это равноправное и реальное участие стороны обвинения и защиты в доказывании обстоятельств, на которые они ссылаются, возможность их участия в прениях, а в России — это разделение функций обвинения, защиты и судебной власти и недопустимость их переплетения.

Иным образом отличие подходов можно отразить в системе трёхсторонних отношений суда, стороны защиты и такой стороны обвинения, где в системе английского правового регулирования — это арбитражный подход (горизонтальный), а в российской правовой системе и практике правоприменения — это правоотношения, построенные на вертикали власти, отражающие скорее административный метод правового регулирования, характерный для розыскного типа уголовного процесса [7, с. 36].

Об этом свидетельствует, в частности, и то, что российские правоохранительные службы, осуществляющие досудебное расследование, участвуя в судебном процессе дают правовую оценку доказательствам, добытым стороной защиты, в то время как оценку доказательствам по закону может давать только суд, тем самым минуя формально установленные принципы.

Подводя итоги сравнительно-правовому анализу следует справедливо заметить, что несоответствие российских основ организации состязательности процедуры судебного разбирательства по уголовным делам формальной природе и сущности состязательности, к которой наиболее приближена английская правовая система — это не недостаток российской системы уголовного расследования и судопроизводства, а исторически сложившийся подход, применимый на сегодняшний день с учётом политических и социально-культурных особенностей борьбы с преступностью.

Здесь также следует отметить, что не следует чрезмерно идеализировать английскую уголовно-процессуальную состязательность, поскольку сама по себе в современных условиях она не способна обеспечить эффективную и справедливую борьбу с преступностью. Именно поэтому в английской правовой системе своеобразным противовесом состязательности служит неформализованное и потому максимально свободное полицейское дознание.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Российская газета. — 22.12.2001. — № 249.
2. Определение Конституционного Суда РФ от 04.11.2004 № 430-О «По жалобе гражданки Старовойтовой Ольги Васильевны на нарушение ее конституционных прав пунктом 1 части второй статьи 42, частью восьмой статьи 162 и частью второй статьи 198 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». — Доступ URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52183/ (дата обращения: 19.02.2024).
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 28.11.1996 № 19-П «По делу о проверке конституционности статьи 418 Уголовно — процессуального кодекса РСФСР в связи с запросом Каратузского районного суда Красноярского края». — Доступ URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12563/ (дата обращения: 19.02.2024).
4. Вахромов И. А. Зарубежный опыт реализации принципа состязательности сторон в уголовном судопроизводстве / И. А. Вахромов // Молодой ученый. — 2019. — № 42 (280). — С. 64–66.
5. Михеенкова М. В. Состязание британского и континентального права лишило российский уголовный процесс состязательности / М. В. Михеенкова // Коммерсантъ. — Доступ URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1816813> (дата обращения: 20.02.2024).
6. Никитин М. В. Сравнительно-правовая характеристика судебного контроля в досудебном производстве Англии и Российской Федерации / М. В. Никитин // Глаголь правосудия. — 2022. — № 3(29). — С. 48–52.
7. Типология уголовного судопроизводства. Автореф. дис... д-ра юрид. наук / Смирнов А. В. — М., 2001. — 40 с.
8. Уголовный процесс: учебник для бакалавриата юридических вузов / О. И. Андреева [и др.]; под ред. О. И. Андреевой, А. Д. Назарова, Н. Г. Стойко и А. Г. Тузова. — Ростов н/Д: Феникс, 2015. — 445 с.
9. Уголовно-процессуальное право (Уголовный процесс): Учебник для вузов / Под ред. проф. Э. К. Кутуева; науч. ред. и вступительное слово проф. В. П. Сальникова; 2-е изд., перераб. и доп. — СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России; Фонд «Университет», 2019. — 583 с.

Информация как объект правового регулирования

Редькина Екатерина Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент
Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва)

В статье исследуется понятие информации, приводятся ее признаки. Также в статье раскрываются принципы правового регулирования отношений в сфере информации.

Ключевые слова: информация, правовое регулирование, закон, принципы.

Сам термин «информация» происходит от слова information — «разъяснение, осведомление, изложение» [1, с. 59]. В общесоциальном смысле информация представляет собой сведения об окружающем мире и протекающих в нем процессах, воспринимаемые человеком; сообщения, осведомляющие о положении дел, о состоянии чего-либо [2, с. 40] и может быть представлена в различных формах (документационной, электронной, устной и т.д.).

Согласно ст. 2 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее — Закон об информации), информация — это сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления.

Данное понятие в рамках указанного закона является ключевым. В ранее действовавшем Федеральном законе «Об информации, информатизации и защите информации» [3] понятие информации формулировалось как «сведения о лицах, предметах, фактах, событиях, явлениях и процессах независимо от формы их представления», т.е. более подробно.

Законодатель выделяет два признака информации:

Во-первых, информация — это сведения (сообщения, данные). Понятие сведений, сообщений и данных не дифференцируется. Однако, как отмечает А. И. Савельев, в информатике

данные категории разграничиваются. Под сведениями понимается информация в содержательном аспекте (безотносительно к ее восприятию и использованию), сообщение — это информация в коммуникативном аспекте, т.е. как обмен сведениями, часть процесса общения между пользователями, а понятие «данные» (data) используется применительно к информации, сгенерированной техническими устройствами или введенной в память компьютера [4, с. 40].

Во-вторых, данные сведения могут быть представлены в любой форме.

Информация может быть представлена в устной, письменной, визуальной и других формах, т.е. с юридической точки зрения форма представления сведений не имеет значения. Связано это с тем, что количество форм выражения информации постоянно увеличивается, что не позволяет сформировать их исчерпывающий перечень.

При этом, правовое регулирование отношений в сфере информации основано на следующих принципах (ст. 3 Закона об информации):

1) свобода поиска, получения, передачи, производства и распространения информации любым законным способом;

По своей правовой сути указанный принцип основан на положениях ч. 4 ст. 29 Конституции РФ. Кроме того, он (принцип) содержится в ряде международных актов — например, во Всеобщей декларации прав человека (1948 г.) и Пакте о гражданских и политических правах (1966 г.). Указанный принцип предполагает, что в качестве общеправового режима информации установлена презумпция ее открытости.

2) установление ограничений доступа к информации только федеральными законами;

Указанный принцип содержит указание на то, что ограничение доступа к информации может быть установлено исключительно федеральным законом. Подзаконные акты, сами по себе, не могут устанавливать ограничений доступа, однако могут содержать положения, касающиеся конкретизации применения норм федеральных законов. На данное положение обращал внимание и Верховный Суд РФ [5].

Ограничение доступа к информации может быть установлено в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

3) открытость информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления и свободный доступ к такой информации, кроме случаев, установленных федеральными законами;

Данный принцип базируется на закрепленном ч. 4 ст. 29 Конституции РФ праве свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом и обязанности органов государственной власти и органов местного самоуправления обеспечить каждому возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы (ч. 4 ст. 24 Конституции РФ). Деятельность органов публичной власти должна выстраиваться таким образом, чтобы каждый имел возможность реализации права на доступ к информации. Согласно Концепции открытости федеральных органов исполнительной власти [6], предусмотрены определенные механизмы (инструменты) реализации принципов открытости (например, формирование публичной отчетности и т.д.).

Рассматриваемый принцип конкретизирован в ряде специальных законов, касающихся обеспечения доступа к информации о деятельности органов публичной власти [7; 8].

4) равноправие языков народов Российской Федерации при создании информационных систем и их эксплуатации;

Указанный принцип основан на ч. 2 ст. 26 Конституции РФ, закрепляющий право пользования родным языком и свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества и означает правомерность использования языка народов РФ при создании каких-либо информационных систем. Между тем, указанный принцип должен реализовываться с учетом положений законодательства о государственном языке РФ и языках народов РФ [9; 10] в части установления порядка использования языков народов РФ и случаев обязательного использования государственного языка РФ.

5) обеспечение безопасности Российской Федерации при создании информационных систем, их эксплуатации и защите содержащейся в них информации;

Данный принцип имеет существенное значение в современных условиях цифровизации. Информационная безопасность и ее обеспечение являются одним из показателей национальной безопасности. В п. 25 Стратегии национальной безопасности [11] указано, что безопасное информационное пространство является национальным приоритетом, а п. 26 включает информационную безопасность в число стратегических национальных приоритетов. При этом, в Стратегии закрепляется, что целью обеспечения информационной безопасности является укрепление суверенитета Российской Федерации в информационном пространстве, а достижение данной цели осуществляется путем реализации государственной политики, направленной на решение определенных задач. Принцип информационной безопасности закреплен в ряде нормативно-правовых актов [12; 13].

Важность и значимость обеспечения информационной безопасности в условиях цифровизации подчеркивает формирование термина «информационный суверенитет», который используется не только при проведении научных исследований [14, с. 28–33; 15, с. 345–348], но также и в нормативно-правовых актах (законодатель использует термины «информационный суверенитет» [16], «технологический суверенитет» [17], «суверенитет в глобальном информационном пространстве» [18]).

6) достоверность информации и своевременность ее предоставления;

Значимость указанного принципа заключается в том, что информация должна быть не только доступна, но и достоверной. Под достоверной информацией следует понимать точные, полные сведения (сообщения, данные), отражающие объективную действительность и признаваемые таковыми субъектами информационных отношений [19, с. 20–28].

Е. В. Устюжанина полагает, что закрепленное в ст. 29 Конституции РФ право граждан на информацию, а также на доступ к информации касается именно достоверной информации [20, с. 47–52]. Указание на необходимость достоверности информации сформулировано в различных нормативно-правовых актах (в ряде федеральных законов [21; 22; 23], в Доктрине информационной безопасности [24], Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг. [25]).

В соответствии с этим принципом на участников информационного взаимодействия может быть возложена обязанность обеспечить достоверность информации, размещенной в информационных системах [26].

7) неприкосновенность частной жизни, недопустимость сбора, хранения, использования и распространения информации о частной жизни лица без его согласия;

Указанный принцип основан на положениях Конституции о неприкосновенности частной жизни, личной и семейной тайны (ч. 1 ст. 23) и о том, что сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускаются (ч. 1 ст. 24).

Согласно правовой позиции Конституционного Суда, право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну означает предоставленную человеку и гарантированную

государством возможность контролировать информацию о самом себе, препятствовать разглашению сведений личного, интимного характера; в понятие «частная жизнь» включается та область жизнедеятельности человека, которая относится к отдельному лицу, касается только его и не подлежит контролю со стороны общества и государства, если носит непротивоправный характер [26; 27; 28; 29; 30].

Неправомерный доступ и использование информации о частной жизни лица влечет установленную законом ответственность.

8) *недопустимость установления нормативными правовыми актами каких-либо преимуществ применения одних информационных технологий перед другими, если только обязательность применения определенных информационных технологий для создания и эксплуатации государственных информационных систем не установлена федеральными законами.*

Принцип технологической нейтральности предполагает, что законодательно не может быть установлено преимуществ одной информационной технологии перед другой, что связано с необ-

ходимостью эффективности правового регулирования в связи с развитием информационных технологий (при закреплении законодательного приоритета одной технологии над другой, возможно информационное «устаревание» используемой технологии, что снизит эффективность применения конкретных правовых норм). Указанный принцип также закреплён в специальном законодательстве — например, Федеральный закон «Об электронной подписи» в ст. 4 закрепляет, что одним из принципов использования электронной подписи является «возможность использования участниками электронного взаимодействия по своему усмотрению любой информационной технологии и (или) технических средств, позволяющих выполнить требования настоящего Федерального закона применительно к использованию конкретных видов электронных подписей».

Следует иметь в виду, что в формулировке указанного принципа содержится исключение — федеральным законом может быть установлена обязательность применения определенных информационных технологий для создания и эксплуатации государственных информационных систем.

Литература:

1. Пахомова В. А. Понятие термина «информация» и его историческое развитие // Вестник Южно-уральского государственного университета. Серия: Право. 2013. № 4. С. 59.
2. Информационная безопасность и защита информации: учеб. пособие. Томск: ТПУ, 2009. С. 40.
3. Федеральный закон от 20.02.1995 N24-ФЗ (ред. от 10.01.2003) «Об информации, информатизации и защите информации» // «Собрание законодательства РФ», 20.02.1995, N8, ст. 609. — (утратил силу).
4. Кузнецов П. У. Основы информационного права. М., 2014. С. 40 (см.: Савельев А. И. Комментарий к Федеральному закону от 27 июля 2006 г. N149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации» (постатейный). М.: Статут, 2015. 320 с.).
5. Определение Верховного Суда РФ от 17.05.2007 N КА07–164 «Об оставлении без изменения решения Верховного Суда Российской Федерации от 12.02.2007, которым было оставлено без удовлетворения заявление о признании недействующими пунктов 1.2 и 1.7 Положения о порядке обращения со служебной информацией ограниченного распространения в федеральных органах исполнительной власти, утвержденного Постановлением Правительства РФ от 03.11.1994 N1233» // СПС «Консультант Плюс».
6. Распоряжение Правительства РФ от 30.01.2014 N93-р «Об утверждении Концепции открытости федеральных органов исполнительной власти» // «Собрание законодательства РФ», 03.02.2014, N5, ст. 547.
7. Федеральный закон от 09.02.2009 N8-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» // «Собрание законодательства РФ», 16.02.2009, N7, ст. 776
8. Федеральный закон от 22.12.2008 N262-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 29.12.2008, N52 (ч. 1), ст. 6217.
9. Закон РФ от 25.10.1991 N1807–1 (ред. от 11.06.2021) «О языках народов Российской Федерации» // «Ведомости СНД и ВС РСФСР», 12.12.1991, N50, ст. 1740.
10. Федеральный закон от 01.06.2005 N53-ФЗ (ред. от 28.02.2023) «О государственном языке Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 06.06.2005, N23, ст. 2199.
11. Указ Президента РФ от 02.07.2021 N400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 05.07.2021, N27 (часть II), ст. 5351.
12. Указ Президента РФ от 17.03.2008 N351 (ред. от 22.05.2015) «О мерах по обеспечению информационной безопасности Российской Федерации при использовании информационно-телекоммуникационных сетей международного информационного обмена» // «Собрание законодательства РФ», 24.03.2008, N12, ст. 1110.
13. Приказ Минцифры России от 01.12.2020 N644 «О плане мероприятий, направленных на обеспечение информационной безопасности детей, на 2021–2027 годы» // СПС «Консультант Плюс».
14. Жарова А. К. Обеспечение информационного суверенитета Российской Федерации // Юрист. 2021. N11. С. 28–33;
15. Зорина Е. Г. Информационный суверенитет современного государства и основные инструменты его обеспечения // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. 2017. Т. 17. Вып. 3. С. 345–348.
16. Указ Президента РФ от 01.07.1996 N1008 (ред. от 16.10.2000) «Об утверждении Концепции развития рынка ценных бумаг в Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 08.07.1996, N28, ст. 3356

17. Указ Президента РФ от 12.04.2021 N213 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности» // Собрание законодательства РФ, 19.04.2021, N16 (Часть I), ст. 2746
18. Указ Президента РФ от 31.03.2023 N229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ», 03.04.2023, N14, ст. 2406.
19. Минбалеев А. В., Петровская О. В. Проблемы реализации принципа достоверности информации в условиях цифровой трансформации // Российский юридический журнал. 2022. N4. С. 20–28.
20. Устюжанина Е. В. Принцип достоверности информации: постановка проблемы // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2017. N4. С. 47–52.
21. Федеральный закон от 09.02.2009 N8-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления»;
22. Закон РФ от 27.12.1991 N2124-1 (ред. от 29.12.2022) «О средствах массовой информации» // Ведомости СНД и ВС РФ, 13.02.1992, N7, ст. 300.
23. Федеральный закон от 13.03.2006 N38-ФЗ (ред. от 28.04.2023) «О рекламе» // Собрание законодательства РФ», 20.03.2006, N12, ст. 1232.
24. Указ Президента РФ от 05.12.2016 N646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 12.12.2016, N50, ст. 7074.
25. Указ Президента РФ от 09.05.2017 N203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // Собрание законодательства РФ, 15.05.2017, N20, ст. 2901.
26. Амелин Р. В. Правовой режим государственных информационных систем: монография / Под ред. С. Е. Чаннова. М.: Гросс-Медиа, 2016. 338 с.
27. Определение Конституционного Суда РФ от 28.06.2012 N1253-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Супруна Михаила Николаевича на нарушение его конституционных прав статьей 137 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс»;
28. Определение Конституционного Суда РФ от 09.06.2005 N248-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Захаркина Валерия Алексеевича и Захаркиной Ирины Николаевны на нарушение их конституционных прав пунктом «б» части третьей статьи 125 и частью третьей статьи 127 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».
29. Определение Конституционного Суда РФ от 26.01.2010 N158-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Усенко Дмитрия Николаевича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» // СПС «Консультант Плюс».
30. Определение Конституционного Суда РФ от 27.05.2010 N644-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Богородицкого Сергея Николаевича на нарушение его конституционных прав статьей 5 Закона Российской Федерации «О милиции» // СПС «Консультант Плюс».

Молодой ученый

Международный научный журнал
№ 11 (510) / 2024

Выпускающий редактор Г. А. Кайнова
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Номер подписан в печать 27.03.2024. Дата выхода в свет: 03.04.2024.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.